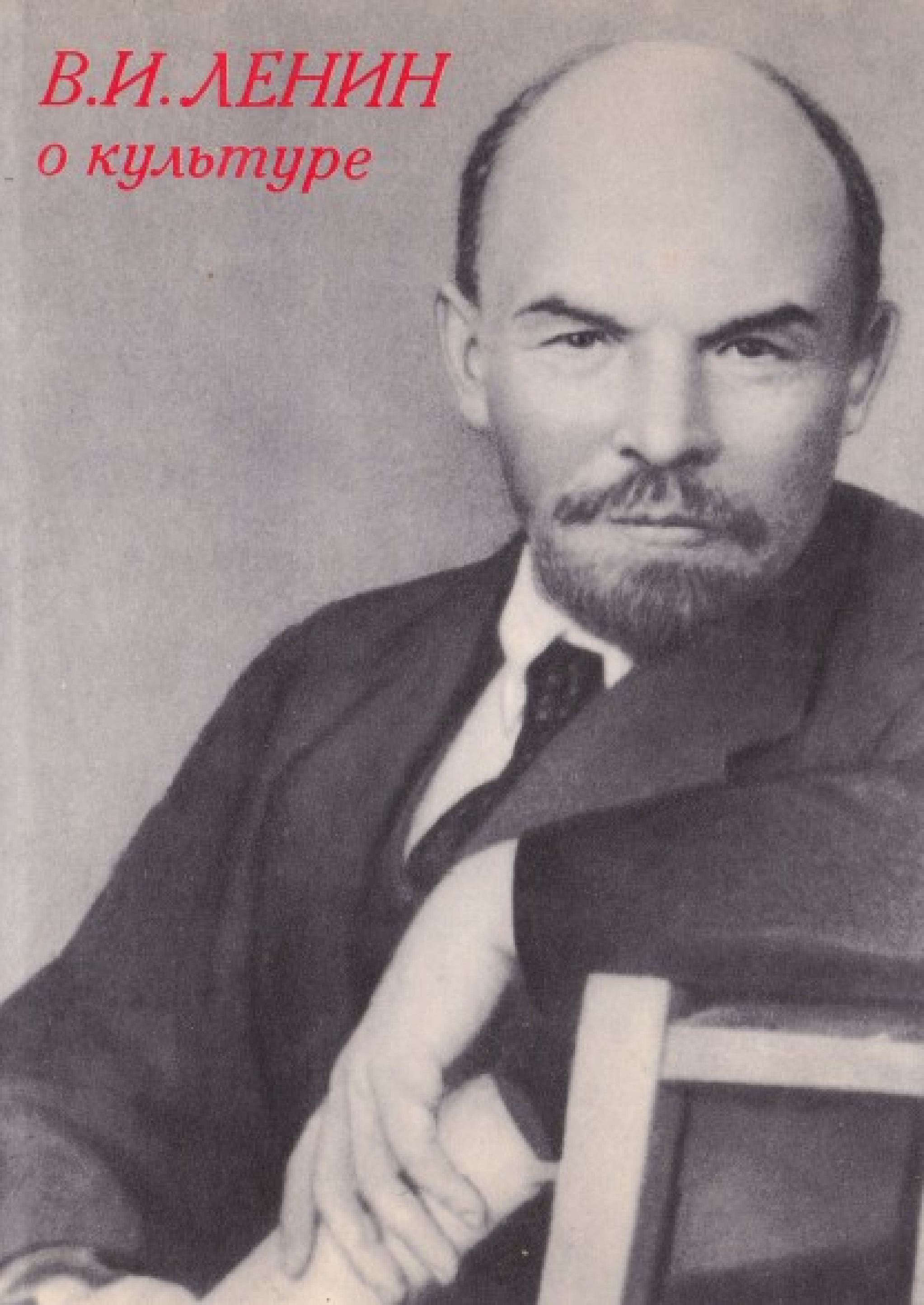

В.И. ЛЕНИН
о культуре

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН
о культуре

Москва
Издательство
политической
литературы
1980

11.55
О-11

Ленин В. И.

О-11 О культуре.— М.: Политиздат, 1980.— 336 с.

В сборник включены извлечения из работ, высказывания В. И. Ленина по проблемам истории и теории культуры, и прежде всего становления и развития культуры социалистической, а также материалы, отражающие его многогранную организаторскую деятельность в области культурного строительства в нашей стране. Книга адресована пропагандистам и слушателям системы партийной учебы, преподавателям и студентам вузов, всем интересующимся проблемами культуры.

Л $\frac{10102-054}{079(02)-80}$ 53—80 0101020000

11.55 + 71
3К23 + 37

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
Редактор *И. Е. Задорожнюк*
Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова, Е. С. Молчанова*
Художник *Н. С. Филиппов*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 1295
Сдано в набор 03.10.79. Подписано в печать 16.01.80. Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 19,53. Учетно-изд. л. 20,21. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 4352. Цена 85 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях развитого социализма неуклонно возрастает роль культуры — одной из важнейших сфер жизнедеятельности общества. Социалистическая культура наглядно демонстрирует преимущества реального социализма, социалистического образа жизни, общества, где впервые в истории осуществляется возможность всестороннего развития личности, формирования у нее высоких духовных запросов, потребностей в многогранной культурной деятельности.

Впечатляющий духовный подъем советского народа, успехи культурного строительства в нашей стране вызывают глубокий интерес и искреннее уважение со стороны всех прогрессивных сил человечества. Как подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, «громадный авторитет завоевала социалистическая культура, глубоко гуманистическая по духу, неразрывно связанная с лучшими национальными традициями и вместе с тем новаторская, интернационалистская, отражающая творческий гений многих наций и народностей» [1].

Успехи социалистического культурного строительства неразрывно связаны с именем В. И. Ленина — вождя мирового пролетариата, создателя первого в мире социалистического государства. В его теоретическом наследии вопросы культуры занимают огромное место. Многочисленным идеалистическим спекуляциям буржуазных идеологов, абстрактному, внеклассовому подходу к проблемам культуры, стремлению изолировать ее от других сфер общественной жизни В. И. Ленин противопоставил диалектико-ма-

---

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания. М., 1979, т. 7, с. 351.

териалистическое понимание этих проблем, развил и обогатил марксистское учение о культуре, ее классовом характере, разработал теорию культурной революции как неотъемлемой составной части процесса социалистических преобразований.

Глубоко раскрыв социальную сущность культуры, ее роль в развитии общества, В. И. Ленин не только теоретически обосновал необходимость духовного подъема трудящихся, но и направлял практическую, организационную деятельность по формированию социалистической культуры.

Ленинский подход к вопросам культурного строительства характеризуется единством как научного анализа объективных тенденций, проявляющихся в духовной жизни общества, так и учета развития субъективного фактора — идейности и организованности масс, классов, их активности и способности к историческому творчеству. Культура не может развиваться «в башне из слоновой кости», в отрыве от интересов своего времени, от актуальных потребностей общества.

Раскрывая роль социальной революции как созидательного фактора человеческой истории, В. И. Ленин показал, что она является и двигателем культурного прогресса, общей закономерностью которого выступает переход от одного исторического типа культуры — отживающего и угасающего — к новому, более прогрессивному историческому типу, что правильно понять процесс развития культуры можно только при условии, если «смотреть на нее по-марксистски, т. е. с точки зрения классовой борьбы, если сличать лозунги с интересами и политикой классов, а не с пустыми «общими принципами», декламациями и фразами» [1].

Исходя из ленинского учения о партийности, КПСС уделяет большое внимание идеологическим аспектам культурной жизни общества развитого социализма, осуществляет глубоко научную, комплексную программу идеологической работы с учетом качественно нового этапа в культурном развитии Советской страны.

В решениях XXV съезда КПСС в органическом единстве с важнейшими задачами экономического и социально-политического развития были разработаны грандиозные по своим масштабам планы дальнейшего подъема социалистической культуры как необходимого условия построения коммунистического общества. «Для всех сфер жизни и развития нашего общества,— подчеркивал Л. И. Брежнев,— все большую роль будет играть уровень сознательности, культуры, гражданской ответственности советских людей... Здесь проходит очень важный фронт борьбы за коммунизм...» [2]

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 119.

[2] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 586.

Документы XXV съезда КПСС акцентируют внимание партии и всего советского народа на тех преобразованиях в духовной культуре, которые в современных условиях должны совершаться усилиями масс, на решении задач, связанных с дальнейшим подъемом общеобразовательного и культурно-технического уровня трудящихся, расцветом художественной культуры, развитием средств массовой информации и пропаганды. Вдохновляемая идеями В. И. Ленина, верная его заветам, Коммунистическая партия учит, что без высокого уровня культуры, образования, сознательности людей немыслимо поступательное движение советского общества к коммунизму. Конкретной программой реализации задач партии в области культурного строительства, определенных XXV съездом КПСС, явилось постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», в котором, в частности, указывается на необходимость воспитывать у всех советских людей уважение к национальному достоинству и национальной культуре, разъяснять социально-экономическую политику КПСС, направленную на повышение материального благосостояния и культуры народа [1].

Основным противоречием в духовной жизни современной эпохи является борьба двух культур, двух идеологий — социалистической и буржуазной, борьба, отличающаяся сложностью и остротой, характеризующаяся многообразием видов и форм. В этой борьбе коммунистические и рабочие партии опираются на ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре антагонистического общества. Фундаментальное значение ленинского учения о двух культурах состоит в том, что оно отвергает миф о единой национальной культуре, якобы объединяющей под своими знаменами и угнетенных, и угнетателей, теорию «единого потока», игнорирующую классовую борьбу и ее роль в прогрессе культуры, раскрывает тенденции культурного развития человечества на основе противоборства идеологий.

В раздираемом социальными антагонизмами буржуазном обществе, указывал В. И. Ленин, наряду с господствующей буржуазной культурой существуют элементы демократической и социалистической культуры. Развитие этой новой культуры связано с революционными классами, с наиболее демократическими слоями общества.

Действенность ленинского учения о двух культурах подтверждается повседневной практикой коммунистических и рабочих

---

[1] См.: О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. М., 1979, с. 7.

партий, возглавляющих борьбу против господствующей буржуазной идеологии и «массовой культуры» в капиталистических странах, за развитие подлинно демократической, социалистической культуры, утверждающей свои позиции в ходе мирового революционного процесса.

Выдвинутый в свое время В. И. Лениным лозунг: подчинить дело культурного строительства формированию «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения» — приобрел сейчас стратегическое значение. Для социалистических стран он служит основным ориентиром в создании новой культуры, в формировании духовной общности свободных народов.

Социалистическая культура возникает в результате культурной революции, представляющей собой объективный и закономерный процесс смены буржуазного типа духовного производства новым, социалистическим его типом. Подчеркивая значение социалистических революционных преобразований в области культуры, В. И. Ленин указывал, что сразу после политического переворота, в результате которого пролетариат берет власть в свои руки, перед ним и его партией встают задачи культурные [1].

Содержание ленинской программы культурной революции охватывает все наиболее важные сферы идейной, духовной жизнедеятельности общества. Сюда входит развитие народного просвещения, создание условий для приобщения широких масс трудящихся к знаниям, эстетическим ценностям, распространение научной социалистической идеологии и организация на основе ее принципов всей духовной жизни народа, борьба за преодоление буржуазных и мелкобуржуазных взглядов и нравов.

В условиях антагонистических общественно-экономических формаций культурный прогресс носил односторонний характер и был связан с ущемлением интересов широких народных масс. Одну из основных закономерностей культурной революции В. И. Ленин видел в том, что ее главной движущей силой является народ. Для того чтобы сделать культуру подлинно народной, указывал он, необходимо, во-первых, ликвидировать веками существовавшие искусственные перегородки между культурой и трудящимися массами, превратить все богатства культуры, все завоевания науки и искусства в достояние народа и поднять его духовный уровень; во-вторых, создать условия для развития его творческих сил, для интеллектуализации общества, приобщить трудящихся к непосредственной социально значимой творческой деятельности, чтобы они успешно могли управлять обществом и государством.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 168—169.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что по мере продвижения общества к коммунизму естественно и неизбежно будет развертываться процесс неуклонного сближения культур всех наций на основе расцвета каждой социалистической национальной культуры, благодаря тесному сотрудничеству и дружбе народов, взаимному обмену духовными ценностями, результатами научно-технического и художественного творчества, благодаря координации усилий во всех сферах духовной жизни. Становление единой, социалистической по своему содержанию, по главному направлению своего развития, многообразной по своим национальным формам, интернационалистской по духу советской культуры совершилось на основе содружества всех культур, их расцвета и взаимообогащения.

В. И. Ленин высоко ценил классическое культурное наследие, непреходящие ценности культуры прошлого, называя их «плодами тысячелетнего развития цивилизации», и призывал трудящихся широко использовать эти ценности для успешного продвижения вперед. Он указывал, что никакой класс не может создавать свою культуру на голом месте, не опираясь на наследие прошлого. Марксизм как революционное мировоззрение пролетариата сумел завоевать, подчеркивал В. И. Ленин, свое поистине всемирно-историческое значение также и потому, что он творчески воспринял, критически усвоил и переработал все, что было ценного в развитии человеческой мысли и культуры.

Культура нового типа закономерно вырастает и развивается из слияния великих сокровищ прогрессивного культурного наследия прошлого с творческими достижениями современности. В этом сплаве настоящего и прошлого проявляется жизненная сила социалистической культуры. В ходе революционных преобразований была правильно решена проблема преемственности в развитии культуры, связи новой культуры с великими гуманистическими традициями прошлого, с бессмертными творениями, в которых ярко воплотились прогрессивные духовные черты всего человечества.

Ленинское требование использовать в культурном наследии все, что помогает строительству социализма, отбрасывая все чуждое новому миру, является ярким выражением последовательного партийного подхода к вопросам культуры.

Партийность социалистической культуры предполагает в качестве важнейших составляющих марксистско-ленинское мировоззрение, научную идеологию, дающую культуре историческую и классовую ориентацию, определяющую ее коммунистическую направленность. Для всей теоретической и практической деятельности В. И. Ленина была характерна борьба с попытками проти-

вопоставить политику и культуру, подорвать идейные основы социалистической культуры, протащить в сферу духовной жизни советского общества чуждые идеологические воззрения.

Социалистическая культура выступает сегодня как непременный компонент общества, как живой, динамический социальный организм, непрерывно развивающийся и представляющий собой эффективную творческую силу. Подчеркивая возрастание роли духовной культуры в развитом социалистическом обществе, Л. И. Брежнев отмечал: «С каждым годом все содержательнее и многообразнее становится духовная жизнь советского народа, его культура. Это закономерно. Ныне темпы общественного прогресса, темпы нашего продвижения к коммунизму все заметнее зависят от интеллектуального потенциала общества, от развития культуры, науки, образования» [1].

Достижения социалистической культуры самым тесным образом связаны с историческими победами советского народа, народов стран социалистического содружества в области экономического и государственного строительства, с развитием социальной активности и творческих сил участников этого невиданного по своим масштабам и результатам созидательного процесса.

Практика культурного строительства в стране, бывшей до Октября, по словам Ленина, «окраиной цивилизованного мира», представляет собой беспрецедентное в истории человечества явление массового приобщения народа к духовным ценностям.

К числу духовных ценностей социализма В. И. Ленин относил прежде всего высокосознательное и добросовестное отношение человека к труду как основополагающей сфере деятельности личности социалистического типа, желание и умение трудиться. Социалистическая культура со всей масштабностью проявляется в условиях и результатах общественного труда. В этом смысле культура выступает как важный фактор совершенствования человека. В. И. Ленин учил, что действенным стимулом к овладению культурой, к интенсивному духовному росту советских людей оказывается сам процесс труда. Направленный на достижение единых для всего общества целей, коллективный и организованный труд при социализме порождает у трудящихся органическую потребность в активном овладении богатством культуры.

В условиях развитого социализма нельзя сводить культуру только к распространению и потреблению готовой духовной продукции. Сегодня назначение культуры, направленной на формирование духовного мира человека, не ограничивается повышением

---

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 74.

уровня его образованности. Культура призвана формировать активное гражданское самосознание, высокие нравственные качества личности. Задачи повышения культурного уровня всех трудящихся будут приобретать все большую значимость по мере возрастания роли субъективного фактора в коммунистическом строительстве, совершенствования социалистического образа жизни.

Важную роль в духовной жизни социалистического общества играет политическая культура, самым непосредственным образом связанная с активным участием трудящихся в управлении обществом. В. И. Ленин подчеркивал, что «цель политической культуры... воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков» [1].

Формирование коммунистического мировоззрения и связанных с ним нравственных качеств, активной жизненной позиции личности — важная задача политического, гражданского воспитания, а высокая политическая культура народа — существенный элемент социалистической культуры. В ходе ее развития формируется тип высокоидейной личности, которая не просто овладевает знаниями и навыками культуры, но и активно применяет их, выступает против всего, что тормозит развитие общества, против пережитков прошлого, идеологии мещанства, потребительства, протекционизма, индивидуализма и т. п.

Политическая культура проявляется в способности и умении определять общественные последствия своих действий, брать на себя социальную ответственность. Эта культура представляет собой особую сторону духовной жизнедеятельности трудящихся, которая включает в себя всю систему их политических воззрений и убеждений, выражает их социальную активность, готовность претворять в жизнь политику Коммунистической партии.

Согласно ленинской концепции культуры, последняя рассматривается не только как совокупность материальных и духовных достижений общественного человека, но и как процесс его саморазвития, умножения и совершенствования его сущностных сил и способностей. При этом особое значение придается нравственным ценностям, которые связаны со всеми сферами социально-культурной жизнедеятельности, в том числе со сферами политики и науки, и выражаются в нравственном климате общества, в характере отношений между людьми.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 404.

Социализм, писал В. И. Ленин, «творит новые, высшие формы человеческого общежития...» [1]. Высокий духовно-нравственный климат социалистического общества обусловлен становлением и упрочением нового типа гуманных, коллективистских отношений между людьми. Высокая культура человеческого общения, в свою очередь, создает благоприятную психологическую атмосферу, необходимую для плодотворного развития личности, повышения ее ответственности, воспитания социалистической дисциплины, которую В. И. Ленин характеризовал как дисциплину товарищескую, дисциплину всяческого уважения, дисциплину самостоятельности и инициативы [2].

Культура человеческих отношений неразрывно связана с воспитанием эмоций, чувств. В. И. Ленин отмечал, что «без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины» [3]. Другими словами, эмоциональная сфера оказывает активное воздействие на все сферы духовного мира человека, на глубину его убеждений. Она проявляется в многогранных человеческих контактах и поступках. Высокая культура чувств обогащает духовный мир человека, способствует совершенствованию его гражданских и нравственных качеств.

Ленинский анализ факторов, способствующих развитию художественной культуры, дает ключ к пониманию возрастания роли эстетических начал при социализме. Эта закономерность находит свое выражение в усилении интереса трудящихся к сфере прекрасного, в успехах профессионального искусства и невиданном размахе самодеятельного художественного творчества.

Повышение уровня эстетической культуры в социалистическом обществе является закономерным следствием культурной революции. В. И. Ленин предвидел, что эстетическая жизнь общества, созидающего коммунистические начала во всех сферах бытия, в том числе и в сфере прекрасного, будет характеризоваться не только богатством ценностей художественной культуры, но и масштабностью и интенсивностью приобщения различных слоев населения к ним, с одной стороны, и к творчеству по «законам красоты» — с другой. Это означает, что повышение эстетического потенциала общества обеспечивается как приумножением художественных ценностей, так и совершенствованием эстетических отношений в различных сферах жизни общества — в труде, в быту.

Социалистическая культура развивается не стихийно, не автоматически, а в ходе сознательной деятельности народных масс,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 40.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 500.
[3] Там же, т. 25, с. 112.

государственных и общественных организаций, в том числе различных творческих союзов, руководимых Коммунистической партией.

В. И. Ленину принадлежит историческая заслуга в разработке научных методов и стиля партийного руководства развитием такой своеобразной и специфической сферы жизнедеятельности социалистического общества, как духовная культура.

Призывая к планомерному руководству процессами культуры, придающему этим процессам ярко выраженную коммунистическую направленность, В. И. Ленин отмечал, что партийное руководство должно создавать все необходимые условия для развертывания инициативы деятелей культуры, для раскрытия их способностей и талантов на пользу обществу. Другими словами, успешное решение задач культурного строительства возможно лишь при целенаправленном и в то же время достаточно гибком, учитывающем специфику духовной культуры идейном руководстве со стороны партии. КПСС последовательно руководствуется ленинскими принципами и указаниями, относящимися к вопросам развития духовной жизни социалистического общества как органической, неотъемлемой части общепартийного, общепролетарского дела.

Известно, что научная система руководства различными сферами развития общества предполагает наличие серьезного и глубокого представления о самом объекте управления. Это применимо и к научному управлению развитием культуры. Важнейшим ленинским требованием является здесь компетентное, квалифицированное руководство, глубокое знание соответствующей области культуры.

К анализу культурной жизни общества В. И. Ленин всегда подходил со всей научной тщательностью и строгостью. Используя в своих трудах огромный статистический, социологический материал, он делал выводы, которые легли в основу партийной и государственной культурной политики.

Ленинская теория культуры раскрывает законы развития культуры, прежде всего духовной культуры коммунистической общественной формации. Это теория, исследующая духовный мир нового общества, личности социалистического типа.

Раскрывая особенности социалистической культуры в период, когда империализм поставил человечество перед угрозой «пожертвовать всей культурой», В. И. Ленин видел ее назначение в том, чтобы сохранить верность высоким гуманистическим идеалам. служить созидательным целям человечества, делу мира и социального прогресса.

* * *

Настоящий сборник построен по проблемно-тематическому принципу и состоит из четырех разделов. Первые три раздела содержат высказывания В. И. Ленина по общим вопросам теории и истории культуры, по проблемам развития культуры в классово антагонистическом обществе и в условиях социализма. Четвертый раздел включает материалы, характеризующие организаторскую деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства. Сборник снабжен примечаниями и указателем имен.

Автор предисловия к сборнику — доктор философских наук, профессор *А. И. Арнольдов*. Составители — *А. И. Арнольдов* и *И. К. Кучмаева*.

Раздел I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

1. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

...Эта идея материализма в социологии была гениальная идея. Разумеется, *пока* это была еще только гипотеза, но такая гипотеза, которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам. До сих пор, не умея спуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные, социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натыкались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и останавливались на этом; выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно. Но этот вывод, нашедший себе полное выражение в идее о Contrat Social [1] (следы которой очень заметны во всех системах утопического социализма), совершенно противоречил всем историческим наблюдениям. Никогда этого не было, да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса приживается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, например, объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время. Материализм устранил это противоречие, продолжив анализ глубже, на происхождение самих этих общественных идей человека; и его вывод о зависимости хода идей от хода вещей единственно совместим с научной психологией. Далее, еще и с другой стороны, эта гипотеза впервые возвела социологию на степень науки. До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяе-

мости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты. Пока они ограничивались идеологическими общественными отношениями (т. е. такими, которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание * людей), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала. Анализ материальных общественных отношений (т. е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение) — анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что̀ отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что̀ обще всем им.

Наконец, в-третьих, потому еще эта гипотеза впервые создала возможность *научной* социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть и общественной науки...

Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения. (К сведению для гг. субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической именно потому, что человек ставит себе сознательные «цели», руководствуется определенными идеалами.) Если сознательный элемент играет столь подчиненную роль в истории культуры, то понятно само собой, что критика, имеющая своим предметом самое эту культуру, менее всего другого может опираться на какую-либо форму или какой-либо результат сознания. Другими словами, исходным пунктом для нее может служить никак не идея, но только внешнее, объективное явление.

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, т. 1, с. 136—138, 166—167

* То есть, разумеется, речь все время идет о сознании *общественных* отношений и никаких иных.

В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку...

Философия Гегеля говорила о развитии духа и идей, она была *идеалистической*. Из развития духа она выводила развитие природы, человека и людских, общественных отношений. Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития *, отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; обратившись к жизни, они увидели, что не развитие духа объясняет развитие природы, а наоборот — дух следует объяснить из природы, материи... В противоположность Гегелю и другим гегельянцам Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов.

Фридрих Энгельс, т. 2, с. 6, 7—8

Только *материалистическое понимание истории*... открывает возможность широкого, связного и осмысленного воззрения на особый уклад общественного хозяйства, как на фундамент особого уклада всей общественной жизни человека.

Рецензия, т. 4, с. 37

Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение...

Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти полустолетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в

* Маркс и Энгельс не раз указывали, что они в своем умственном развитии многим обязаны великим немецким философам, и в частности Гегелю. «Без немецкой философии,— говорит Энгельс,— не было бы и научного социализма» [2].

философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно,— показывали, *как* надо проводить *тот же* материализм в области общественных наук, беспощадно отметая, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «измы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений,— вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности.

Материализм и эмпириокритицизм, т. 18, с. 346, 356—357

История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.

Три источника и три составных части марксизма, т. 23, с. 40—43

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как историче-

ский материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий,— на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

Карл Маркс, т. 26, с. 57—58

2. КЛАССОВОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В КУЛЬТУРЕ. ПАРТИЙНОСТЬ И СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА

Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы.

Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, т. 1, с. 418—419

Света, побольше света! Нам нужен громадный концерт; нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить в нем роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижерскую палочку. Пусть же осуществится на деле прекрасный призыв... к гостеприимству для всех мнений на страницах партийного органа и всех партийных изданий, пусть судят все и каждый о наших «спорах и вздорах» из-за какой бы то ни было «ноты», взятой слишком резко, по мнению одних, фальшивой, по мнению других, сорванной, по мнению третьих. Только из ряда таких открытых обсуждений и сможет выработаться у нас действительно спевшаяся коллегия руководителей, только при таком условии рабочие будут поставлены

в такое положение, чтобы они *не могли* перестать понимать нас, только тогда наш «штаб» будет опираться действительно на *добрую* и *сознательную* волю армии, идущей за штабом и в то же время направляющей свой штаб!

Письмо в редакцию «Искры», т. 8, с. 96—97

«Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата.

Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

...Господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках * и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

Партийная организация и партийная литература, т. 12, с. 101, 103—104

---

* В источнике, по-видимому, опечатка; по смыслу следовало бы «в романах». *Ред.*

Потребность в «человеческой», культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина охватывает все и вся, объединяет все классы, обгоняет гигантски всякую партийность, встряхивает людей, еще далеко-далеко не способных подняться до партийности...

Идея беспартийности не может не одерживать при таких условиях известных временных побед. Беспартийность не может не становиться модным лозунгом...

Кто ведет «беспартийную» борьбу за свободу, тот либо не сознает буржуазного характера свободы, либо освящает этот буржуазный строй, либо откладывает борьбу против него, «усовершенствование» его до греческих календ [3]...

Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров.

Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая.

Социалистическая партия и беспартийная революционность, т. 12, с. 136—138

...Гейден был не только человек, но и гражданин, умевший возвышаться до понимания общих интересов своего класса и отстаивать эти интересы весьма умно. А вы, господа просвещенные демократы, вы — просто слезоточивые дурачки, прикрывающие либеральным юродством свою неспособность быть чем-либо иным, как культурными лакеями того же помещичьего класса.

Влияние помещиков на народ не страшно. Обмануть сколько-нибудь широкую рабочую и даже крестьянскую массу сколько-нибудь надолго никогда им не удастся. Но влияние *интеллигенции*, непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в *принцип* внеклассовых партий и внеклассовой политики,— влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут, и только тут есть налицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой.

— Гейден был человек образованный, культурный, гуманный, терпимый,— захлебываются либеральные и демократические слюнтяи, воображая себя возвысившимися над всякой «партийностью», до «общечеловеческой» точки зрения.

Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолопская. Раб, сознающий свое рабское положение

и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам. Вот вы именно такие хамы, господа из «Товарища» [4]. Вы с омерзительным благодушием умиляетесь тем, что контрреволюционный помещик, поддерживавший контрреволюционное правительство, был образованный и гуманный человек. Вы не понимаете того, что, вместо того, чтобы превращать раба в революционера, вы превращаете рабов в холопов. Ваши слова о свободе и демократии — напускной лоск, заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. Это размалеванная вывеска. А сами по себе вы — гробы повапленные. Душонка у вас насквозь хамская, а вся ваша образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаете свои души и продаете не только из нужды, но и из «любви к искусству»!..

Ибо демократия,— запомните это себе, господа порядочные люди из порядочного общества,— означает борьбу против того самого господства над страной контрреволюционных помещиков, каковое господство поддерживал г. Гейден и воплощал во всей своей политической карьере.

— Гейден был человек образованный,— умиляются наши салонные демократы. Да, мы уже это признали и охотно признаем, что он был образованнее и *умнее* (это не всегда бывает соединено с образованностью) самих демократов, ибо он лучше понимал интересы *своего* класса и *своего* контрреволюционного общественного движения, чем вы, господа из «Товарища», понимаете интересы освободительного движения. Образованный контрреволюционный помещик умел тонко и хитро защищать интересы своего класса, искусно прикрывал флером благородных слов и внешнего джентльменства корыстные стремления и хищные аппетиты крепостников, настаивал (перед Столыпиными) на ограждении этих интересов наиболее цивилизованными формами классового господства. Все свое «образование» Гейден и ему подобные принесли на алтарь служения *помещичьим* интересам. Для действительного демократа, а не для «порядочного» хама из русских радикальных салонов, это могло бы послужить великолепной темой для публициста, показывающего *проституирование* образования в современном обществе.

Когда «демократ» болтает об образованности, он хочет вызвать в уме читателя представление о богатых знаниях, о широком кругозоре, об облагоражении ума и сердца. Для господ Гейденов об-

разование — легонький лак, дрессировка, «натасканность» в джентльменских формах обделывания самых грубых и самых грязных политических гешефтов. Ибо весь октябризм, все «мирнообновленство» [5] Гейдена, все переговоры его со Столыпиным после разгона I Думы были по существу обделыванием самого грубого и грязного дела, обстраиванием того, как бы понадежнее, похитрее, поискуснее, прочнее извнутри, незаметнее снаружи, защитить *права* благородного российского дворянства на кровь и пот миллионов «мужичья», ограбляемого этими Гейденами всегда и непрестанно, и до 1861 г., и в 1861 году, и после 1861 года, и после 1905 года.

Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследства, принадлежащий к кадетской партии * или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыпина...

— Гейден был «человек»,— захлебывается от восторга салонный демократ. Гейден был гуманен.

Это умиление гуманностью Гейдена заставляет нас вспомнить не только Некрасова и Салтыкова, но и «Записки охотника» Тургенева. Перед нами — цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведет возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» — спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «Насчет Федора... распорядиться» [6].

Вот вам образчик гейденовской «гуманности» или гуманности à la ** Гейден. Тургеневский помещик тоже «гуманный» человек... по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идет сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли распорядились выпороть Федора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в соленой воде розог, которыми секут Федора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни выбранить лакея, он только «распоряжается» издали, как образованный человек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства»...

---

* Кадеты проявили во сто раз больше холопства в оценке Гейдена, чем гг. из «Товарища». Мы взяли последних, как образец «демократизма» у «порядочных людей» российского «общества».

** — в духе. *Ред.*

Совершенно такова же гуманность Гейдена. Он сам не участвовал в порке и истязании крестьян с Луженовскими и Филоновыми. Он не ездил в карательные экспедиции вместе с Ренненкампфами и Меллерами-Закомельскими. Он не расстреливал Москвы вместе с Дубасовым. Он был настолько гуманен, что воздерживался от подобных подвигов, предоставляя подобным героям всероссийской «конюшни» «распоряжаться» и руководя в тиши своего мирного и культурного кабинета политической партией, которая поддерживала правительство Дубасовых и вожди которой пили здравицу победителю Москвы Дубасову... Разве это не гуманно в самом деле: посылать Дубасовых «насчет Федора распорядиться» вместо того, чтобы быть на конюшне самому? Для старых баб, ведущих отдел политики в нашей либеральной и демократической печати, это — образец гуманности...— Золотой был человек, мухи не обидел! «Редкий и счастливый удел» Дубасовых поддерживать, плодами дубасовских расправ пользоваться и за Дубасовых не быть ответственным.

Памяти графа Гейдена, т. 16, с. 39—40, 42—44

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути.

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, по-казенному преподаваемых казенными профессорами для оглупления подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленнее и жизненнее.

Марксизм и ревизионизм, т. 17, с. 17

Несчастье русских махистов, вздумавших «примирять» махизм с марксизмом, в том и состоит, что они доверились раз реакционным профессорам философии и, доверившись, покатились по наклонной плоскости... *Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове,* раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове,* раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология.* В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков) — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов.

...Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности.

Материализм и эмпириокритицизм,
т. 18, с. 363—364, 380

Нам надо рассмотреть теперь вторую оригинальную черту новой платформы.

Это — провозглашаемая новой группой задача «создавать» и «распространять в массах новую, пролетарскую» культуру: «развивать пролетарскую науку, укреплять истинно товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта»...

...*На деле* под «пролетарской философией» имеется в виду именно *махизм,*— и всякий толковый социал-демократ сразу раскроет «новый» *псевдоним.* Не к чему было и выдумывать этот псевдоним. Не к чему прятаться за него. На деле самое влиятельное литераторское ядро новой группы есть махистское, которое считает немахистскую философию не-«пролетарской».

Так и надо было сказать, если хотели говорить об этом в платформе: новая группа объединяет людей, которые будут бороться против не-«пролетарских», т. е. не-махистских теорий в философии и искусстве. Это было бы прямое, правдивое, открытое выступление всем известного *идейного* течения, выступление на борьбу с другими течениями. Когда идейной борьбе придают важное значение для партии, то именно с прямым объявлением войны и выступают, а не прячутся.

И мы будем звать всех к определенному, ясному ответу на прикрытое выставление философской борьбы с марксизмом в платформе. *На деле* именно *борьбу с марксизмом* прикрывают все фразы о «пролетарской культуре». «Оригинальность» новой группы та, что она в партийную платформу внесла *философию,* не сказав прямо, какое *именно* течение в философии она защищает.

Заметки публициста, т. 19, с. 249—251

Группа «Вперед» выпустила в Париже «сборник статей по очередным вопросам», под названием «Вперед»... «Пролетарская культура», «пролетарская философия» — вот что стоит в платформе. Скрывается под этим псевдонимом *махизм,* т. е. защита философского идеализма под разными соусами (эмпириокритицизм, эмпириомонизм и т. д.)...

Тов. Сажин... требует на странице 31 своей брошюры, чтобы «членам партии» была *«обеспечена» «полная свобода их революционной и философской мысли».*

Это — лозунг насквозь оппортунистический. Во всех странах подобный лозунг извнутри социалистических партий выдвигался только оппортунистами и не означал на деле ничего иного, кроме «свободы» развращения рабочего класса буржуазной идеологией. «Свободы мысли» (читай: свободы печати, слова, совести) мы требуем от *государства* (а не от партии) наравне с свободой союзов. Партия же пролетариата есть свободный союз, учреждаемый *для борьбы* с «мыслями» (читай: с идеологией) буржуазии, для защиты и проведения в жизнь одного определенного, именно: марксистского миросозерцания. Это — азбука. И эту азбуку заставила забыть Максимова, Сажина и К^0 фальшь их политического поло-

жения. Не их личное лицемерие, а именно политическая фальшь позиции породила у них проповедь буржуазных лозунгов. Фальшь состоит в том, что одни «впередовцы» всей душой хотят тащить пролетариат *назад*, к идеям буржуазной философии (махизм), другие же равнодушны к философии и требуют лишь «полной свободы»... для махизма. Все вместе *вынуждены* поэтому дипломатничать, путать, играть в прятки, хвататься за буржуазные лозунги.

О фракции «впередовцев», т. 19, с. 312—314

Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

Три источника и три составных части марксизма, т. 23, с. 40

Есть такое латинское изречение «cui prodest» (куи продэст),— «кому выгодно?». Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?».

Не то важно, *кто* отстаивает непосредственно известную политику,— ибо для защиты всяких взглядов при современной благородной системе капитализма любой богач всегда сможет «нанять» или купить, или привлечь любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов и так далее. Мы живем в торговое время, когда буржуазия не стесняется торговать и честью и совестью. Бывают и простачки, которые по недомыслию или по слепой привычке защищают господствующие в известной буржуазной среде взгляды.

Нет, в политике не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому выгодны* эти взгляды, эти предложения, эти меры.

Например, «Европа», государства, именующие себя «цивилизованными», ведут теперь бешеную скачку с препятствиями из-за вооружений. На тысячи ладов, в тысячах газет, с тысяч кафедр кричат и вопят о патриотизме, о культуре, о родине, о мире, о прогрессе,— и все это ради оправдания новых затрат десятков и сотен миллионов рублей на всяческие орудия истребления, на пушки, на «дредноуты» (броненосцы новейшего типа) и т. п.

Господа публика! — хочется сказать по поводу всех этих фраз «патреотов». Не верьте фразам, посмотрите лучше, *кому выгодно!*

Недавно знаменитая английская фирма «Армстронг, Уитверс и К°» опубликовала свой годичный отчет. Фирма производит главным образом всяческие предметы вооружения. Баланс сведен в сумме 877 тысяч фунтов стерлингов, т. е. *около 8-ми миллионов рублей,* дивиденд *по 12½ процентов!!* Около 900 000 рублей отнесено в запасный капитал и т. д. и т. д.

Вот куда идут миллионы и миллиарды, выколачиваемые из рабочих и крестьян на вооружения. Дивиденды по 12½ процентов,— это значит *удвоение* капитала в 8 лет. А всяческие вознаграждения директоров и т. п. тут еще не считаются. Армстронг в Англии, Крупп в Германии, Крезо во Франции, Кокериль в Бельгии, а сколько их во всех «цивилизованных» странах? А тьма тем поставщиков?

Вот *кому выгодно* раздувание шовинизма, болтовня о «патриотизме» (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее!

«Кому выгодно?», т. 23, с. 61—62

В старой, дореволюционной России господствовало деление ученых на два крупных лагеря: подлаживающихся к министерству и независимых, причем под первыми разумелись прямо продажные писаки и составители сочинений на заказ.

Это грубое деление, соответствовавшее патриархальным, полуазиатским отношениям, безусловно устарело и должно быть сдано в архив. Россия быстро европеизуется. Буржуазия у нас почти совсем созрела и даже кое в чем перезрела. Ее ученые «не зависимы» от правительства, они отнюдь не способны писать на заказ, они искренне и добросовестно изучают вопросы с такой точки зрения и такими методами, которые, по их искреннему и добросовестному убеждению, совпадают с интересами «вождей» нашей торговли и промышленности вроде г-на В. П. Рябушинского. В наше время, когда все так далеко шагнуло вперед, заслужить репутацию солидного ученого и получить официальное признание своих трудов,— это значит доказать невозможность социализма

посредством парочки «по-кантиански» выведенных определений; это значит уничтожить марксизм, разъяснив читателям и слушателям, что его не стоит даже опровергать, и сославшись на тысячи имен и названий книг европейских профессоров; это значит выкинуть за борт вообще всякие научные законы для очистки места законам религиозным; это значит нагромоздить горы высокоученого хлама и сора для забивания голов учащейся молодежи.

Если все это выйдет много погрубей, чем у буржуазных ученых Германии,— не беда. Надо же ценить то, что Россия встала все-таки окончательно на путь европеизации.

Еще одно уничтожение социализма, т. 25, с. 53—54

В предисловии г. Рубакин заявляет, что он «на своем веку никогда не участвовал ни в каких полемиках, полагая, что в огромнейшем числе случаев полемика — один из лучших способов затемнения истины посредством всякого рода человеческих эмоций». Автор не догадывается, во-1-х, что без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины. Автор забывает, во-2-х, что он хочет дать обзор «истории идей», а история идей есть история смены и, *следовательно, борьбы* идей.

Одно из двух: *или* относиться бессознательно к борьбе идей — и тогда трудненько браться за ее историю (не говоря уже об участии в этой борьбе); *или* отказаться от претензии «никогда не участвовать ни в каких полемиках»...

Если бы г. Рубакин те 80 с лишним тысяч букв (т. е. целую брошюру), которые он написал как введение в литературу политической экономии, разделил на четыре части и поручил написать их, скажем, черносотенцу, либералу, народнику и марксисту,— то *открытой* полемики было бы больше, и 999 читателей из 1000 в тысячу раз легче и быстрее нашли бы истину.

Рецензия, т. 25, с. 112—113

Известно, что партийность есть в одно и то же время и условие и показатель политического развития. Чем более политически развиты, просвещены, сознательны данное население или данный класс, тем выше, по общему правилу, его партийность. Это общее правило подтверждается опытом всех цивилизованных стран. Да и понятно, с точки зрения классовой борьбы, что так должно быть: беспартийность или недостаток партийной определенности, партийной организованности означает классовую неустойчивость (это

в лучшем случае; в худшем случае этот недостаток означает обман масс политическими шарлатанами — явление, слишком хорошо известное в парламентарных странах).

Партии на выборах в районные думы Петрограда, т. 32, с. 190

Дорогой А. М.! Писал Вам несколько дней тому назад, посылая *«Рабочую Газету»*, и спрашивал, что̀ вышло из журнала, о котором мы летом беседовали и о котором Вы обещали мне написать.

Сегодня читаю в *«Речи»* объявление о *«Современнике»*[7], издаваемом «при ближайшем и *исключительном* (так и напечатано! неграмотно, но тем более претенциозно и многозначительно) участии Амфитеатрова» и при Вашем постоянном сотрудничестве.

Что это? Как это? «Большой ежемесячный» журнал, с отделами «политики, науки, истории, общественной жизни», — ведь это совсем, совсем не то, что сборники, стремившиеся концентрировать лучшие силы художественной литературы. Ведь такой журнал либо должен иметь вполне определенное, серьезное, выдержанное *направление*, либо он будет неизбежно срамиться и срамить своих участников...

Я думаю, что политический и экономический толстый журнал при исключительном участии Амфитеатрова — вещь еще во много раз худшая, чем особая фракция махистов-отзовистов. Плохого в этой фракции было и есть то, что *идейное* течение отходило и отходит от марксизма, от социал-демократии, не договариваясь однако до разрыва с марксизмом, а только путая.

Амфитеатровский журнал (хорошо сделало его «Красное Знамя»[8], что вовремя умерло!) есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей «левизны» для политики мало, что после 1905 года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо.

А. М. Горькому. 22 ноября 1910 г., т. 48, с. 3—5

3. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА — ЛОЗУНГ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Рабочие не дадут разделить себя никакими сладкими речами о национальной культуре или «национально-культурной автономии». Рабочие всех наций отстаивают дружно, вместе, в общих организациях, полную свободу и полное равноправие — залог истинной культуры.

Рабочие создают... свою, интернациональную культуру, которую давно подготовляли проповедники свободы и враги угнетения. Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком.

Рабочий класс и национальный вопрос, т. 23, с. 150

Социал-демократы всегда стояли и стоят на точке зрения *интернационализма*. Оберегая от крепостников и от полицейского государства равноправие всех национальностей, мы стоим не за *«национальную культуру»*, а за *интернациональную* культуру, в которую от каждой национальной культуры входит только часть, именно: лишь последовательно-демократическое и социалистическое содержание каждой национальной культуры.

Лозунг «национально-культурной автономии» обманывает рабочих призраком культурного единства наций, тогда как на деле в каждой нации преобладает сейчас помещичья, буржуазная или мелкобуржуазная «культура».

Мы против национальной культуры — как одного из лозунгов буржуазного национализма. *Мы за интернациональную культуру демократического до конца и социалистического пролетариата.*

Проект платформы к IV съезду социал-демократии Латышского края, т. 23, с. 209

С точки зрения социал-демократии недопустимо ни прямо ни косвенно бросать лозунг *национальной* культуры. Этот лозунг неверен, ибо вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее. Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, воспринимает в себя не «национальную культуру» (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из *каждой* национальной культуры *исключительно* ее последовательно демократические и социалистические элементы.

Тезисы по национальному вопросу,
т. 23, с. 318

Пример передовых стран всего мира — хотя бы Швейцарии в западной Европе или Финляндии в восточной Европе — показывает нам, что только последовательно-демократические общегосударственные учреждения обеспечивают наиболее мирное и человеческое (а не зверское) сожительство разных национальностей *без* искусственного и вредного разделения школьного дела по национальностям.

Национализация еврейской школы,
т. 23, с. 376

Либералы и к вопросу о языках, как и ко всем политическим вопросам, подходят, как лицемерные торгаши, протягивающие одну руку (открыто) демократии, а другую руку (за спиной) крепостникам и полицейским. Мы против привилегий — кричит либерал, а за спиной выторговывает себе у крепостников то одну, то другую привилегию.

Таков *всякий* либерально-буржуазный национализм — не только великорусский (он хуже всех, благодаря его насильственному характеру и родству с гг. Пуришкевичами), но и польский, еврейский, украинский, грузинский и всякий иной. Буржуазия *всех* наций и в Австрии и в России под лозунгом «национальной культуры» проводит *на деле* раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы.

Лозунг рабочей демократии не «национальная культура», а интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения. Пусть буржуазия обманывает народ всякими «позитивными» национальными программами. Сознательный рабочий ответит ей: есть только одно решение национального вопроса (посколь-

ку вообще возможно его решение в мире капитализма, мире наживы, грызни и эксплуатации) и это решение — последовательный демократизм.

Доказательства: Швейцария в западной Европе — страна старой культуры и Финляндия в восточной Европе — страна молодой культуры.

Либералы и демократы в вопросе о языках, т. 23, с. 425

Сознательные рабочие поняли, что лозунг «национальной культуры» есть клерикальный или буржуазный обман — все равно, идет ли речь о великорусской, украинской, еврейской, польской, грузинской или любой иной культуре. 125 лет тому назад, когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом к борьбе против феодализма и клерикализма. Но с тех пор классовая борьба буржуазии с пролетариатом разгорелась повсюду. Раскол «единой» нации на эксплуататоров и эксплуатируемых стал совершившимся фактом.

О национальной культуре вообще могут говорить только клерикалы или буржуа. Трудящиеся массы могут говорить только об интернациональной (международной) культуре всемирного рабочего движения. Только такая культура означает полное, действительное, искреннее равноправие наций, отсутствие национального гнета, осуществление демократии.

Как епископ Никон защищает украинцев?, т. 24, с. 9—10

1. Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплуатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном, до конца демократическом, республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства.

2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности. Именно к такому разделению сводится принятый в России всеми

буржуазными партиями еврейства и мещанскими, оппортунистическими, элементами разных наций план так называемой «культурно-национальной» автономии или «создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития».

3. Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлениями помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои антипролетарские стремления под флагом «национальной культуры». Всемирное рабочее движение создает и с каждым днем все более развивает интернациональную (международную) культуру пролетариата.

Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками, т. 24, с. 57—58

Может великорусский марксист принять лозунг национальной, великорусской, культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело — бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабочего движения. Бороться со своими великорусскими помещиками и буржуа, против его «культуры», во имя интернационализма, бороться, «приноровляясь» к особенностям Пуришкевичей и Струве,— вот твоя задача, а не проповедовать, не допускать лозунга национальной культуры.

То же самое относится к наиболее угнетенной и затравленной нации, еврейской. Еврейская национальная культура — лозунг раввинов и буржуа, лозунг наших врагов. Но есть другие элементы в еврейской культуре и во всей истории еврейства. Из $10^1/_2$ миллионов евреев на всем свете немного более половины живет в Галиции и России, отсталых, полудиких странах, держащих евреев *насилием* в положении касты. Другая половина живет в цивилизованном мире, и там нет кастовой обособленности евреев. Там сказались ясно великие всемирно-прогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи (процент евреев в демократических и пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще).

Кто прямо или косвенно ставит лозунг еврейской «национальной культуры», тот (каковы бы ни были его благие намерения) — враг пролетариата, сторонник *старого* и *кастового* в еврействе, пособник раввинов и буржуа. Наоборот, те евреи-марксисты, которые сливаются в интернациональные марксистские организации с русскими, литовскими, украинскими и пр. рабочими, внося свою лепту (и по-русски и по-еврейски) в создание интернациональной культуры рабочего движения, те евреи — вопреки сепаратизму Бунда — продолжают лучшие традиции еврейства, борясь против лозунга «национальной культуры»...

Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием. Это несомненно. Но так же несомненно, что тот якобы марксист, который на чем свет стоит ругает марксиста иной нации за «ассимиляторство», на деле представляет из себя просто *националистического мещанина*.

...Из $10^1/_2$ миллионов евреев во всем мире *около половины* живет в *цивилизованном* мире, в условиях *наибольшего* «ассимиляторства», тогда как только несчастные, забитые, бесправные, задавленные Пуришкевичами (русскими и польскими) евреи России и Галиции живут в условиях *наименьшего* «ассимиляторства», наибольшего обособления, вплоть до «черты оседлости», «процентной нормы» и прочих пуришкевичевских прелестей...

Против ассимиляторства никогда не кричали те всемирно-исторически прославленные лучшие люди еврейства, которые давали миру передовых вождей демократии и социализма. Против ассимиляторства кричат только благоговейные созерцатели еврейской «задней»...

Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса, разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов — особенно в отсталых странах вроде России.

Возьмите Россию и отношение великороссов к украинцам. Разумеется, всякий демократ, не говоря уже о марксисте, будет решительно бороться против неслыханного унижения украинцев и требовать полного равноправия их. Но было бы прямой изменой социализму и глупенькой политикой *даже* с точки зрения буржуазных «национальных задач» украинцев — *ослаблять* существующую теперь, в пределах одного государства, связь и союз украинского и великорусского пролетариата.

Г-н Лев Юркевич, называющий себя тоже «марксистом» (бедный Маркс!), дает образец этой глупенькой политики... У нас теперь, несмотря на «подъем национального украинского сознания

среди рабочих», *меньшинство* рабочих «национально сознательно», а большинство,— уверяет г. Юркевич,— «находится еще под влиянием российской культуры». И наше дело,— восклицает националистический мещанин,— «не идти за массами, а вести их за собой, выяснять им национальные задачи (національну справу)» («Дзвін» [9], с. 89)...

Когда речь идет о пролетариате, это противопоставление украинской культуры в целом великорусской культуре, тоже в целом, означает самое бесстыдное предательство интересов пролетариата в пользу буржуазного национализма...

Вопрос о лозунге «национальной культуры» имеет для марксистов громадное значение не только потому, что он определяет идейное содержание всей нашей пропаганды и агитации по национальному вопросу в отличие от пропаганды буржуазной,— но и потому еще, что целая программа пресловутой культурно-национальной автономии построена на этом лозунге.

Основной, принципиальный грех этой программы тот, что она стремится воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный, национализм...

Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый «справедливый», «чистенький», тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма — интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве, которое растет на наших глазах с каждой верстой железной дороги, с каждым международным трестом, с каждым (международным по своей экономической деятельности, а затем и по своим идеям, по своим стремлениям) рабочим союзом...

Борьба против всякого национального гнета — безусловно да. Борьба *за* всякое национальное развитие, *за* «национальную культуру» вообще — безусловно нет...

Не подлежит сомнению, что «национальная культура» в обычном значении этого слова, т. е. школы и т. д., находится в настоящее время под преобладающим влиянием клерикалов и буржуазных шовинистов во всех странах мира. Когда бундовцы, защищая «культурно-национальную» автономию, говорят, что конституирование наций сделает классовую борьбу внутри их *чистой* от всяких посторонних соображений, то это явная и смешная софистика. Серьезная классовая борьба во всяком капиталистическом обществе ведется прежде всего в области экономической и политической. Выделение *отсюда* области школьной, во-первых, нелепая утопия, ибо оторвать школу (как и «национальную культуру» вообще) от экономики и политики нельзя, а во-вторых, именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны *заставляет* на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перего-

родки и предрассудки, а выделение школьного и т. п. дела как раз консервировало бы, обострило, усилило «чистый» клерикализм и «чистый» буржуазный шовинизм.

В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям. «Изъятие из ведения государства» школьного и т. п. дела и передача его нациям означает как раз попытку *отделить* от сливающей нации экономики наиболее, так сказать, идеологическую область общественной жизни, где всего легче «чистая» национальная культура или национальное культивирование клерикализма и шовинизма...

Проповедь полного равноправия наций и языков выделяет в каждой нации одни только последовательно демократические элементы (т. е. только пролетариев), *объединяя* их не по национальности, а по стремлению к глубоким и серьезным улучшениям общего строя государства. Наоборот, проповедь «культурно-национальной автономии», несмотря на благие пожелания отдельных лиц и групп, *разделяет нации* и сближает на деле рабочих одной нации с *ее* буржуазией (принятие этой «культурно-национальной автономии» всеми буржуазными партиями еврейства).

Критические заметки по национальному вопросу, т. 24, с. 122—123, 125—127, 129—134, 140

Сущность плана или программы так называемой «культурно-национальной» автономии (иначе: «создание учреждений, гарантирующих свободу национального развития») состоит в *разделении школьного дела по национальностям*...

В данное время мы наблюдаем неравноправие наций и неодинаковость их уровня развития; при таких условиях разделение школьного дела по национальностям *фактически* неминуемо будет *ухудшением* для более отсталых наций. В Америке в южных, бывших рабовладельческих, штатах до сих пор выделяют детей негров в особые школы, тогда как на севере белые и негры учатся вместе. В России возник недавно проект «национализации еврейской школы», т. е. отделения еврейских детей от детей других национальностей в особых школах. Нечего и прибавлять, что возник этот проект в самых реакционных, пуришкевичевских, кругах.

Нельзя быть демократом, отстаивая принцип разделения школьного дела по национальностям. Заметьте: мы рассуждаем пока с общедемократической, т. е. с буржуазно-демократической точки зрения.

Неизмеримо решительнее приходится выступить против разделения школьного дела по национальностям с точки зрения пролетарской классовой борьбы...

На деле «культурно-национальная автономия», т. е. абсолютно чистое и последовательное разделение школьного дела по национальностям, выдумана не капиталистами (они *пока* погрубее приемы употребляют для разделения рабочих), а оппортунистической, мещанской интеллигенцией Австрии. Ни в одной из западноевропейских, демократических стран с пестрым национальным составом этой гениально-мещанской и гениально-националистической идеи *нет и в помине*. Только на востоке Европы, в отсталой, феодальной, клерикальной, чиновничьей Австрии, где *всякая* общественная и политическая жизнь застопорена мизерно-мелкой дракой (даже хуже: сварой, потасовкой) из-за языков, возникла эта идея отчаявшегося мелкого буржуа. Хоть бы разгородить раз навсегда все нации с абсолютной чистотой и последовательностью на «национальные курии» в школьном деле, если нельзя помирить кошку с собакой! — вот психология, породившая глупенькую «культурно-национальную автономию». Пролетариат, сознающий и ценящий свой интернационализм, не пойдет никогда на эту глупость утонченного национализма...

У нас больше всего и в первую голову применяют в пропаганде и агитации план «культурно-национальной автономии» именно бундовцы (плюс *все* буржуазные партии еврейства, за которыми — не всегда сознавая это — плетутся бундовцы). Между тем именно на родине идеи «культурно-национальной автономии», в Австрии, основоположник этой идеи, Отто Бауэр, посвятил особую главу своей книги доказательству того, что *невозможно* к евреям применить идею «культурно-национальной автономии»!

Это доказывает лучше длинных речей, как мало последователен и верит в свою идею О. Бауэр, исключивший *единственную* экстерриториальную (не имеющую своей области) нацию из плана экстерриториальной автономии наций.

Это доказывает, как бундовцы перенимают у Европы *старомодные* планы, удесятеряя ошибки Европы, доходя до абсурда «в развитии» этих ошибок.

О «культурно-национальной» автономии, т. 24, с. 174—178

Русский язык — велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им

возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д.?

Все это верно, господа либералы,— отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.

Кому это нужно? Русскому народу, русской демократии — этого не нужно. Он не признает *никакого* национального угнетения хотя бы и «в интересах русской культуры и государственности».

Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо: — *отсутствие* обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства...

Нужен ли обязательный государственный язык?, т. 24, с. 294—295

Что такое широкие народные массы? Это — неразвитые пролетарии и мелкие буржуа, полные предрассудков мещанских, националистических, реакционных, клерикальных и проч. и проч.

Как же мы можем *«уважать»* «морально-правовое сознание», например, антисемитизма, который, как небезызвестно, очень часто даже в сознании «широких народных масс» хотя бы Вены (города покультурнее многих русских городов) оказывался преобладающей чертой?

...«Уважать» такое сознание мещан мы не станем,— с этим «сознанием» мы будем неуклонно бороться всеми средствами убеждения, пропаганды, агитации.

Призыв г. Буренина-Гаммы к «уважению» морально-правового сознания широких народных масс есть призыв мещанина к уважению мещанских предрассудков.

Упорство в защите плохого дела, т. 24, с. 199—200

Чтобы иметь более точное представление о плане «культурно-национальной автономии», который сводится к разделению школьного дела по национальностям, полезно взять конкретные данные о национальном составе учащихся в русских школах. Относительно петербургского учебного округа такие данные собраны переписью школ 18 января 1911 года...

Они показывают громадную национальную пестроту населения,— хотя относятся к одному из наиболее великорусских районов России. Сразу видна наибольшая национальная пестрота крупного города С.-Петербурга. Это — явление не случайное, а *закон* капитализма во всех странах и во всех концах мира...

Попробуйте теперь к этим данным живой жизни прикинуть ту мертвую утопию националистических мещан, которая называется «культурно-национальной автономией» или (в переводе бундовцев) «изъятием из ведения государства» вопросов национальной культуры, т. е. в первую голову школьного дела.

«Из ведения государства изъемлется» школьное дело и передается в руки 23-х (относительно Петербурга) «национальных союзов, развивающих каждый «свою» «национальную культуру»!!

Смешно даже тратить слова для доказательства нелепости и реакционности подобной «национальной программы»...

Но возможно ли, спросят нас, обеспечить на основе равноправия интересы *одного* грузинского ребенка среди 48 076 школьников Петербурга? Мы ответим на это: создать особую грузинскую школу в Петербурге на основах грузинской «национальной культуры» — невозможно, а проповедь такого плана есть несение *вредных* идей в народную массу.

Но мы не будем отстаивать ничего вредного и добиваться ничего невозможного, требуя для этого ребенка дарового казенного

помещения для лекций грузинского языка, грузинской истории и т. д., перевода для него грузинских книг из центральной библиотеки, оплаты казной части расходов по вознаграждению грузинского учителя и т. п. При действительной демократии, при полном изгнании бюрократизма и «передоновщины» [10] из школы, этого вполне может добиться население. А добиться этой действительной демократии *нельзя* иначе как при условии слияния рабочих *всех* национальностей.

Национальный состав учащихся в русской школе, т. 24, с. 219—221

...Опыт цивилизованного человечества говорит нам, что *при условии* действительного равноправия наций и последовательного демократизма «культурно-национальная автономия» излишня; а *без* этих условий она остается утопичной, и пропаганда ее является проповедью утонченного национализма.

От редакции к статье ветерана «Национальный вопрос и латышский пролетариат», т. 24, с. 342

Демократическое государство безусловно должно признать *полную свободу* родных языков и отвергнуть *всякие* привилегии одного из языков. Демократическое государство не допустит подавления, майоризирования, ни единой национальности другою ни в одной области, ни в одной отрасли общественных дел.

Но отнимать школьное дело из рук государства и делить его по нациям, отдельно организованным в национальные союзы, это — вредная мера и с точки зрения демократии и еще больше с точки зрения пролетариата. Это повело бы лишь к упрочению обособленности наций, а мы должны стремиться к сближению их. Это повело бы к росту шовинизма, а мы должны идти к теснейшему союзу рабочих всех наций, к совместной борьбе их против *всякого* шовинизма, против *всякой* национальной исключительности, против *всякого* национализма. Школьная политика у рабочих всех наций едина: свобода родного языка, демократическая и *светская* школа.

К вопросу о национальной политике, т. 25, с. 71—72

...Всякие меры школьных советов, нарушающие в чем бы то ни было полное равноправие наций и языков местного населения или пропорциональность расходов на культурно-просветительные

нужды в соответствии с долей национальных меньшинств в населении, признаются недействительными и подлежат отмене по протесту, который вправе заявлять любой гражданин государства, независимо от его места жительства.

Проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств, т. 25, с. 137

В эпоху империализма не может быть иного *спасения* для *большинства* наций мира, как революционное действие пролетариата великодержавных наций, выходящее за рамки национальности, ломающее эти рамки, свергающее интернациональную буржуазию. Без такого свержения останутся великодержавные нации, *то есть* останется угнетение девяти десятых наций всего мира. А такое свержение ускорит в громадных размерах падение всех и всяких национальных *перегородок*, не уменьшая этим, а в миллионы раз увеличивая «дифференцирование» человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков.

Главный труд немецкого оппортунизма о войне, т. 26, с. 281

Социализм,— говорят польские товарищи...— «сумеет дать неразвитым народам в колониях *бескорыстную культурную помощь, не господствуя* над ними». Совершенно справедливо. Но где же основания думать, что большая нация, большое государство, перейдя к социализму, не сумеет привлечь маленькой угнетенной нации в Европе посредством «бескорыстной культурной помощи»? Именно свобода отделения, которую польские социал-демократы *«дают»* колониям, и привлечет к союзу с большими социалистическими государствами малые, но культурные и политически-*требовательные*, угнетенные нации Европы, ибо крупное государство при социализме будет значить: столько-то часов работы в день *меньше*, на столько-то *заработка* в день больше. Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, ради этой «культурной помощи», лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства самоуважения долго угнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство. При капитализме этот «опыт» означает войны, обособление, замкнутость, узкий эгоизм привилегированных мелких наций (Голландия,

Швейцария). При социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто экономическим, вышеуказанным мотивам, а разнообразие политических форм, свобода выхода из государства, опыт государственного строительства — все это будет, пока не отомрет всякое государство вообще, — основой богатой культурной жизни, залогом ускорения процесса добровольного сближения и слияния наций.

Итоги дискуссии о самоопределении, т. 30, с. 36—37

Одинаково ли положение пролетариата угнетающих и угнетенных наций в отношении к национальному гнету? Нет, неодинаково, неодинаково и *экономически* и *политически,* и *идейно, духовно и т. п.*

Значит?

Значит, к *одной* цели (слияние наций) из *разных* исходных пунктов одни пойдут *так,* другие *иначе.* Отрицание этого есть «монизм», объединяющий сапожную щетку с млекопитающим.

О рождающемся направлении «империалистического экономизма», т. 30, с. 65

В западных странах национальное движение — давнее прошлое. «Отечество» в Англии, Франции, Германии и т. д. уже спело свою песню, сыграло свою историческую роль, *т. е.* прогрессивного, поднимающего к новой экономической и политической жизни новые массы людей, здесь национальное движение дать не может. Здесь на исторической очереди дня стоит не переход от феодализма или от патриархальной дикости к национальному прогрессу, к культурному и политически свободному отечеству, а переход от изжившего себя, капиталистически-перезрелого «отечества» к социализму.

На востоке Европы дело обстоит иначе. Для украинцев и белорусов, например, только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет еще завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой — (а это необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) — здесь *еще* совершается. «Отечество» здесь *еще* не спело всей своей исторической песни. «Защита отечества» *еще* может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средне-

вековья, тогда как англичане, французы, немцы, итальянцы лгут теперь, говоря о защите своего отечества в данной войне, ибо *не* родной язык, *не* свободу своего национального развития защищают они на деле, а свои рабовладельческие права, свои колонии, «сферы влияния» своего финансового капитала в чужих странах и пр...

Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и *своим интересом* сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет *непрочен*. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь», по прекрасному выражению польских социал-демократов, т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму.

Если мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и *всех* без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что *мы за отделение* их, а *только* потому, что мы за *свободное, добровольное* сближение и слияние, а не за насильственное. *Только* поэтому!

И в этом отношении *единственную* разницу между монгольским или египетским мужиком и рабочим и польским или финляндским мы видим в том, что последние — высокоразвитые люди, более опытные политически, чем великороссы, более экономически подготовленные и пр., и поэтому они, наверное, *очень скоро* убедят свои народы, законно ненавидящие теперь великороссов за роль палача, которую они играют, что неразумно распространять эту ненависть на *социалистических* рабочих и на социалистическую Россию, что экономический расчет, равно как инстинкт и сознание интернационализма и демократизма, требует скорейшего сближения и слияния всех наций в социалистическом обществе. Так как поляки и финляндцы высококультурные люди, то они, по всей вероятности, очень скоро убедятся в правильности этого рассуждения, и отделение Польши и Финляндии после победы социализма может произойти лишь очень не надолго. Неизмеримо менее культурные феллахи, монголы, персы могут отделиться на более долгое время, но мы его постараемся сократить, как уже сказано, бескорыстной культурной помощью.

Никакой другой разницы в нашем отношении к полякам и к монголам нет и быть не может. *Никакого* «противоречия» между пропагандой свободы отделения наций и твердой решимостью осуществить эту свободу, когда *мы* будем правительством,— и между пропагандой сближения и слияния наций,— нет и быть не может.

О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», т. 30, с. 89—90, 120—121

Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны.

Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер гардиан» М. Фарбману, т. 45, с. 240

4. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ

...Подобные господа толкуют об «идеалах отцов», претендуют на то, что они, именно они хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма — и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского. Это уже совсем безобразие, которое было бы глубоко возмутительно и обидно, если бы «Русское Богатство» не было слишком забавно, если бы подобные заявления на страницах такого журнала не вызывали только гомерического смеха. Да, вы пачкаете эти идеалы! В самом деле, в чем состояли эти идеалы у первых русских социалистов, социалистов той эпохи, которую так метко охарактеризовал Каутский словами:

— «когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом».

— *Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни;* отсюда — *вера в возможность крестьянской социалистической революции,* — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти.

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, т. 1, с. 271

Учение о самобытности России заставило народников хвататься за устарелые западноевропейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием к многим приобретениям западноевропейской культуры: народники успокаивали себя тем, что если мы не имеем тех или других черт цивилизованного человечества, то зато «нам суждено» показать миру новые способы хозяйничанья и т. п... Это общее всем народникам учение о самобытности России опять-таки не только не имеет ничего общего с «наследством», но даже прямо противоречит ему. «60-ые годы», напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее

к общеевропейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную, почву...

В конце концов мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что *ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники.* Не только они не отрекаются от наследства, а, напротив, одной из главнейших своих задач считают опровержение тех романтических и мелкобуржуазных опасений, которые заставляют народников по весьма многим и весьма важным пунктам отказываться от европейских идеалов просветителей. Но само собою разумеется, что «ученики» хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством, и к защите общих идеалов европеизма «ученики» присоединяют анализ тех противоречий, которые заключает в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения...

Мы уже показали, что если говорить о «наследстве», которое досталось современным людям, то надо различать *два наследства:* одно наследство — просветителей вообще, людей, безусловно враждебных всему дореформенному, людей, стоящих за европейские идеалы и за интересы широкой массы населения. Другое наследство — народническое. Мы уже показали, что смешивать две эти различные вещи было бы грубой ошибкой, ибо всякий знает, что были и есть люди, хранящие «традиции 60-х годов» и не имеющие ничего общего с народничеством. Все замечания г-на Михайловского всецело и исключительно основаны на смешении этих совершенно различных наследств...

Накидывались ли «русские ученики» на русских просветителей? Отказывались ли они когда-нибудь от наследства, завещавшего нам безусловную вражду к дореформенному быту и его остаткам? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в стремлении поддержать некоторые из этих остатков ради мелкобуржуазных страхов перед капитализмом.— Накидывались ли они когда-нибудь на наследство, завещавшее нам европейские идеалы вообще? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали, что они вместо общеевропейских идеалов сочиняют по многим весьма важным вопросам всякие самобытные благоглупости.— Накидывались ли они когда-либо на наследство, завещавшее нам заботу об интересах трудящихся масс населения? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в том, что их забота об этих интересах непоследовательна...

От какого наследства мы отказываемся?, т. 2, с. 533, 543—544

Что социал-демократы умеют ценить историческую заслугу великих центров энергии и культуры, это они доказывают своей непримиримой борьбой против всего, что̀ прикрепляет к месту население вообще, крестьян и сельских рабочих в частности. И поэтому их, в отличие от критиков, не поймает на удочку ни один аграрий, стремящийся доставить «мужичку» зимние «заработки». Но решительное признание прогрессивности больших городов в капиталистическом обществе нисколько не мешает нам включать в свой идеал (и в свою программу действия, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляем гг. Струве и Бердяевым) уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом деревенской жизни» [12]. И в настоящее время, когда возможна передача электрической энергии на расстояние, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньших (против теперешних) издержках перевозить пассажиров с быстротой свыше 200 верст в час *,— нет ровно никаких технических препятствий тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными в немногих центрах, пользовалось все население, размещенное более или менее равномерно по всей стране.

Аграрный вопрос и «критики Маркса», т. 5, с. 150—151

Старая «надстройка» в революционную эпоху лопается, а новая создается у всех на глазах самодеятельностью различнейших социальных сил, показывающих на деле свою истинную природу...

Пока не сметена прочь старая, прогнившая надстройка, заражающая весь народ своим гниением,— до тех пор всякое новое поражение будет поднимать новые и новые армии борцов, втягивая их в движение, просвещая их опытом их товарищей, уча их новым и высшим приемам борьбы. Конечно, есть еще гораздо более широкий коллективный опыт человечества, запечатлевшийся в истории международной демократии и международной социал-демократии, закрепленный передовыми представителями революционной мысли. Из этого опыта черпает наша партия материал для повседневной пропаганды и агитации. Но учиться непосредственно этому опыту могут лишь немногие, пока общество построено на угнете-

* Проект такой дороги между Манчестером и Ливерпулем не получил утверждения парламента только вследствие корыстного противодействия железнодорожных тузов, боящихся разорения старых компаний.

нии и эксплуатации миллионов трудящихся. Массам приходится учиться больше всего на своем собственном опыте, оплачивая тяжелыми жертвами каждый урок, каждую новую ступень к освобождению.

Революция учит, т. 11, с. 134—135

Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты,— но, разумеется, в том только смысле, в каком молодым рабочим нужен опыт старых *борцов* против угнетения и эксплуатации, борцов, проведших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором. Авторитет всемирной борьбы пролетариата нужен пролетариям каждой страны. Авторитет теоретиков всемирной социал-демократии нужен нам для уяснения программы и тактики нашей партии. Но этот авторитет не имеет, конечно, ничего общего с казенными авторитетами буржуазной науки и полицейской политики. Этот авторитет есть авторитет более разносторонней борьбы в тех же рядах всемирной социалистической армии. Насколько важен он для расширения кругозора борцов, настолько недопустима была бы в рабочей партии претензия решать со стороны, издали, практические и конкретные вопросы ближайшей политики. Коллективность передовых сознательных рабочих каждой страны, ведущих непосредственную борьбу, всегда будет наибольшим авторитетом во всех таких вопросах.

Предисловие к русскому переводу брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции», т. 14, с. 226

Задача реакции — вытравить эти традиции, представить революцию, как «стихию безумия» — струвенский перевод немецкого «das tolle Jahr» («безумный год» — выражение немецких полицейски-буржуазных историков, даже шире: немецкой профессорски-университетской историографии о 1848 годе). Задача реакции — заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха. Как тупые хвалители английского мещанства, Веббы, стараются представить чартизм, революционную эпоху английского рабочего движения, простым ребячеством, «грехом молодости», наивничанием, не заслуживающим серьезного внимания, случайным и ненормальным уклонением, так и немецкие буржуазные историки третируют 1848 год в Германии. Таково же отношение реакции к Великой француз-

ской революции, которая доказывает до сих пор жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть. Так и наши герои контрреволюции, особенно из вчерашних «демократов» вроде Струве, Милюкова, Кизеветтера и tutti quanti * соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций русской революции.

Против бойкота, т. 16, с. 24—25

На русский рабочий класс поэтому с особенной силой легла задача: сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отречься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения.

К оценке русской революции, т. 17, с. 40

Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что̀ очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях...

Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества,— и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции...

Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого,— и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необ-

---

* — все им подобные. *Ред.*

ходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании.

Лев Толстой, как зеркало русской революции, т. 17, с. 206, 212—213

...Правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации,— доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии,— возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата...

Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделываются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра» и т. д., за которые так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм,— не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! — а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики...

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат.

Л. Н. Толстой, т. 20, с. 22—23

Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения...

В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры. Поэтому «национальная культура» вообще *есть* культура помещиков, попов, буржуазии. Эту основную истину, азбучную для марксиста, бундист оставил в тени, «заговорил» своим набором слов, т. е. на деле *против* вскрытия и разъяснения классовой пропасти дал читателю затемнение ее. *На деле* бундист выступил, как буржуа, весь интерес которого требует распространения веры в внеклассовую национальную культуру.

Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации...

Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие* же *две* культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д. Если большинство украинских рабочих находится под влиянием великорусской культуры, то мы знаем твердо, что наряду с идеями великорусской поповской и буржуазной культуры действуют тут и идеи великорусской демократии и социал-демократии. Борясь с первого рода «культурой», украинский *марксист* всегда выделит вторую культуру и скажет своим рабочим: «всякую возможность общения с великорусским сознательным рабочим, с его литературой, с его кругом идей обязательно всеми силами ловить, использовать, закреплять, этого требуют коренные интересы *и* украинского *и* великорусского рабочего движения».

Если украинский марксист даст себя увлечь *вполне законной и естественной* ненавистью к великороссам-угнетателям *до того,* что он перенесет хотя бы частичку этой ненависти, хотя бы только отчуждение, на пролетарскую культуру и пролетарское дело великорусских рабочих, то этот марксист скатится тем самым в болото буржуазного национализма. Точно так же и великорусский марксист скатится в болото национализма, не только буржуазного, но и черносотенного, если он забудет хоть на минуту требование

полного равноправия украинцев или их *право* на образование самостоятельного государства.

Великорусские и украинские рабочие должны вместе и, пока они живут в одном государстве, в самом тесном организационном единстве и слиянии отстаивать общую или интернациональную культуру пролетарского движения, относясь с абсолютной терпимостью к вопросу о языке пропаганды и об учете чисто местных или чисто национальных *частностей* в этой пропаганде. Таково безусловное требование марксизма.

Критические заметки по национальному вопросу, т. 24, с. 120—121, 129—130

Прекрасная формула: „Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного" (все богатство особого и отдельного!)!!...

Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики.

Философские тетради, т. 29, с. 90, 207

...Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создаст не только разруху, одичание, мучения, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, он говорил, что это будет: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой», т. е., следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, но результатом может быть только подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса, и переход к тому, чтобы он взял в свои руки власть для создания социалистического общества. Ибо, каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении.

Седьмой Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г., т. 36, с. 46

5. ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ПРОГРЕССА

...Развитие капитализма неизбежно влечет за собой возрастание уровня потребностей всего населения и рабочего пролетариата. Это возрастание создается вообще учащением обменов продуктами, приводящим к более частым столкновениям между жителями города и деревни, различных географических местностей и т. п. К этому же приводит и сплоченность, скученность рабочего пролетариата, повышающая его сознательность и чувство человеческого достоинства и дающая ему возможность успешной борьбы против хищнических тенденций капиталистических порядков. Этот закон возвышения потребностей с полной силой сказался в истории Европы — сравнить, например, французского пролетария конца XVIII и конца XIX в. или английского рабочего 1840-х годов * и современного. Этот же закон проявляет свое действие и в России: быстрое развитие товарного хозяйства и капитализма в пореформенную эпоху вызвало и повышение уровня потребностей «крестьянства»: крестьяне стали жить «чище» (в отношении одежды, жилища и т. п.). Что это, несомненно прогрессивное, явление должно быть поставлено в кредит именно русскому капитализму и ничему иному,— это доказывается хотя бы уже тем общеизвестным фактом (отмечаемым всеми исследователями наших кустарных промыслов и крестьянского хозяйства вообще), что крестьяне промышленных местностей живут гораздо «чище» крестьян, занимающихся одним земледелием и незатронутых почти капитализмом. Разумеется, это явление сказывается прежде всего и легче всего в перенимании чисто внешней, показной стороны «цивилизации», но только отъявленные реакционеры, вроде г. В. В., способны оплакивать это явление и не видеть в нем ничего, кроме «упадка».

По поводу так называемого вопроса о рынках, т. 1, с. 101—102

---

* Ср. *Fr. Engels* (Фр. Энгельс. *Ред.*). «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.». Это — состояние самой ужасной и грязной нищеты (в буквальном значении слова) и полного упадка чувства человеческого достоинства.

Характерно, что тут как раз — на практическом вопросе — автор забыл любимую идею «Р. Богатства» о сокращении внутреннего рынка. Он вынужден признать, что рынок этот имеет перед собой еще громадное развитие, а не сокращение. Он приходит к этому выводу, сравнивая с Западом, где потребление больше. Почему? — Потому, что культура выше.— Но в чем же состоят материальные основания этой культуры, как не в развитии капиталистической техники, в росте товарного хозяйства и обмена, приводящих людей в более частые столкновения друг с другом, разрушающих средневековую обособленность отдельных местностей? Не была ли во Франции, например, культура не выше нашей перед великой революцией, когда еще не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат? И если бы автор повнимательнее присмотрелся к русской жизни, он не мог бы не заметить того, например, факта, что в местностях с развитым капитализмом потребности крестьянского населения стоят значительно выше, чем в чисто земледельческих местностях. Это отмечается единогласно всеми исследователями наших кустарных промыслов во всех случаях, когда эти промыслы достигают такого развития, что кладут промысловый отпечаток на всю жизнь населения *.

«Друзья народа» не обращают никакого внимания на подобные «мелочи», потому что для них дело тут объясняется «просто» культурой или усложняющейся жизнью вообще, причем они даже и не задаются вопросом о материальных основаниях этой культуры и этого усложнения.— А если бы они обратились хотя бы к экономике нашей деревни, то должны были бы признать, что именно разложение крестьянства на буржуазию и пролетариат создает внутренний рынок.

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, т. 1, с. 255—256

Казалось бы, автор настолько верно оценил действительность, чтобы понять и единственно возможный выход. Ежели все дело в нашей буржуазной культуре,— значит, не может быть иных «залогов будущего», кроме как в «антиподе» этой буржуазии, потому что он один окончательно «дифференцирован» от этой «мещанской культуры», окончательно и бесповоротно враждебен ей

---

* Для примера сошлюсь хотя бы на павловских кустарей сравнительно с крестьянами окрестных деревень. См. сочинения Григорьева и Анненского.— Нарочно беру для примера опять-таки деревню, в которой имеется, будто бы, особый «народный строй».

и неспособен ни на какие компромиссы, из которых так удобно выкраивать «либеральные паспорта».

Но нет. Можно еще помечтать. «Культура» — действительно одно «мещанство», один разврат. Но ведь это только результат старого барства (сам же сейчас признал, что она создана новейшей историей, той историей, которая именно и уничтожила старое барство) и лени — нечто, значит, случайное и не имеющее прочных корней и т. д., и т. д. Начинаются фразы, не имеющие никакого смысла, кроме отворачивания от фактов и сентиментального мечтания, закрывающего глаза на *наличность* «взаимно-противоположных сил»...

Когда народник дает описание фактов,— он сам всегда вынужден признать, что действительность принадлежит капиталу, что действительная наша эволюция — капиталистическая, что сила находится в руках буржуазии. Это признал сейчас, например, и автор комментируемой статьи, констатировавший, что у нас создалась «мещанская культура», что идти на работу приказывает народу буржуазия, что буржуазное общество занято только утробными процессами и послеобеденным сном, что «мещанство» создало даже буржуазную науку, буржуазную нравственность, буржуазные софизмы политики, буржуазную литературу...

Прогрессивное значение капитализма состоит именно в том, что он разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную тупость и не дававшие возможности производителям самим взять в руки свою судьбу. Громадное развитие торговых сношений и мирового обмена, постоянные передвижения громадных масс населения разорвали исконные узы рода, семьи, территориальной общины и создали то разнообразие развития, «разнообразие талантов, богатство общественных отношений» [13], которое играет такую крупную роль в новейшей истории Запада. В России этот процесс сказался с полной силой в пореформенную эпоху, когда старинные формы труда рушились с громадной быстротой и первое место заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина от патриархальной полукрепостнической семьи, от отупляющей обстановки деревни и заменявшая полукрепостнические формы присвоения сверхстоимости — формами чисто капиталистическими. Этот экономический процесс отразился в социальной области «общим подъемом чувства личности», вытеснением из «общества» помещичьего класса разночинцами, горячей войной литературы против бессмысленных средневековых стеснений личности и т. п. Что именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личности, чувства собственного достоинства,— этого народники не станут, вероятно, оспаривать.

...Именно капитализм, оторвавший личность от всех крепостных уз, поставил ее в самостоятельные отношения к рынку, сделав ее товаровладельцем (и в качестве такового — равной всякому другому товаровладельцу), и создал подъем чувства личности. Если гг. народники фарисейски ужасаются, когда им говорят о прогрессивности русского капитализма, то это только потому, что они не задумываются над вопросом о материальных условиях тех «благ прогресса», которые знаменуют пореформенную Россию. Если г. Михайловский начинает свою «социологию» с «личности», протестующей против русского капитализма, как случайного и временного уклонения России с правильного пути, то он уже тут побивает сам себя, не понимая, что только капитализм и создал условия, сделавшие возможным этот протест личности...

Тот «прогресс» и та «культура», которые принесла с собой пореформенная Россия, несомненно, связаны с «институтом частной собственности» — он не только был проведен впервые со всей полнотой созданием нового «состязательного» гражданского процесса, обеспечившего такое же «равенство» на суде, которое воплощалось в жизни «свободным трудом» и его продажей капиталу; он был распространен на землевладение как помещиков, избавленных от всех государственных повинностей и обязанностей, так и крестьян, превратившихся в крестьян-*собственников;* он был положен даже в основание политических прав «граждан» на участие в местном самоуправлении (ценз) и т. д. Еще более несомненна «связь» нашего «прогресса» с «принципами экономической свободы»: мы уже слышали в I главе от нашего народника, как эта «свобода» состояла в освобождении «скромных и бородатых» собирателей земли русской от необходимости «смиряться пред малым полицейским чином». Мы уже говорили о том, как «чувство индивидуализма» создавалось развитием товарного хозяйства. Сводя вместе все эти черты отечественного прогресса, нельзя не придти к выводу (сделанному и народником 70-х годов), что этот прогресс и культура были сплошь буржуазными. Современная Россия гораздо лучше дореформенной, но так как все это улучшение целиком и исключительно обязано буржуазии, ее агентам и идеологам, то производители им и не воспользовались. Для них эти улучшения означали только перемену формы прибавочного продукта, означали только улучшенные и усовершенствованные приемы освобождения производителя от средств производства...

Народничество не «подхватило» этого противопоставления, а только *констатировало* наличность в пореформенной России той же противоположности между прогрессом, культурой, богатством и — освобождением производителя от средств производства,

уменьшением доли производителя в продукте народного труда, ростом нищеты и безработицы, которая создала это противопоставление и на Западе.

Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, т. 1, с. 359—360, 407, 433—434, 454, 461

...Нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания. Эту мысль высказали еще старые великие утописты; ее вполне разделяют и «ученики», которые именно по этой причине, между прочими, не восстают принципиально против промышленного труда женщин и подростков, считают реакционными попытки запретить совершенно этот труд и настаивают лишь на постановке его в условия вполне гигиенические.

Перлы народнического прожектерства, т. 2, с. 485

...Наиболее типичным для русской капиталистической мануфактуры является неземледельческий центр, притягивающий к себе население из окрестных деревень,— жители которых полуземледельцы, полупромышленники,— и главенствующий над этими деревнями.

Особенно замечателен при этом факт более высокого культурного уровня населения в таких неземледельческих центрах. Более высокая грамотность, значительно более высокий уровень потребностей и жизни, резкое отделение себя от «серой» «деревни-матушки» — таковы обычные отличительные черты жителей в подобных центрах. Понятно, какое громадное значение имеет этот факт, наглядно свидетельствующий о прогрессивной исторической роли капитализма и притом чисто «народного» капитализма, об «искусственности» которого вряд ли бы решился говорить и самый ярый народник, ибо громадное большинство характеризуемых центров относится обыкновенно к «кустарной» промышленности! Переходный характер мануфактуры сказывается и здесь, так как преобразование духовного облика населения она только начинает, заканчивает же его лишь крупная машинная индустрия...

Промышленность и сравнительно развитые торговые сношения с остальным миром поднимают жизненный уровень населения и

его культурность; на крестьянина-земледельца работник мануфактуры смотрит уже сверху вниз. Крупная машинная индустрия доканчивает это преобразование, отделяет окончательно промышленность от земледелия, создает, как мы видели, особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных...

Подобно отвлечению населения от земледелия в города, неземледельческий отход представляет из себя *явление прогрессивное*. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности...

Русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости,— *создавал себе рынок* для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтичного национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский) [14]...

Изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения. Скачкообразный характер экономического развития, быстрое преобразование способов производства и громадная концентрация его, отпадение всяческих форм личной зависимости и патриархальности в отношениях, подвижность населения, влияние крупных индустриальных центров и т. д. — все это не может не вести к глубокому изменению самого характера производителей...

Что касается до вопроса о медленности или быстроте развития капитализма в России, то все зависит от того, с чем сравнивать это развитие. Если сравнивать докапиталистическую эпоху в России с капиталистической (а именно такое сравнение и необходимо для правильного решения вопроса), то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капита-

лизмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма» [15].

Развитие капитализма в России, т. 3, с. 433—434, 547, 576—577, 594—595, 600—601

Американский капитализм стоит впереди всех. Наибольшее развитие техники, наибольшая быстрота прогресса — все это заставляет старую Европу тянуться за янки. Но не демократические учреждения перенимает из Америки европейская буржуазия, не политическую свободу, не республиканский строй государства, а новейшие приемы эксплуатации рабочего.

Всего больше говорят теперь в Европе, а отчасти и в России, о «системе» американского инженера Фредерика Тейлора. Не так давно в актовом зале института инженеров путей сообщения в Петербурге г. Семенов читал доклад об этой системе. Тейлор сам описал эту систему под названием «научной», и его книгу усердно переводят и пропагандируют в Европе.

В чем состоит эта «научная система»? В том, чтобы выжимать из рабочего втрое больше труда в течение того же рабочего дня. Заставляют работать самого сильного и ловкого рабочего; отмечают по особым часам — в секундах и долях секунды — количество времени, идущего на каждую операцию, на каждое движение; вырабатывают самые экономные и самые производительные приемы работы; воспроизводят работу лучшего рабочего на кинематографической ленте и т. д.

А в результате — за те же 9—10 часов работы выжимают из рабочего втрое больше труда, выматывают безжалостно все его силы, высасывают с утроенной скоростью каждую каплю нервной и мускульной энергии наемного раба. Умрет раньше? — Много других за воротами!..

Прогресс техники и науки означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот...

Рабочий сначала получает прибавку. А сотни рабочих рассчитаны. Кто остался, работает вчетверо интенсивнее, надрываясь на работе. Выжмут все силы рабочего и выгонят его вон. Берут только молодых и сильных.

Выжимают пот по всем правилам науки...

«Научная» система выжимания пота, т. 23, с. 18—19

Всемирно-знаменитый английский химик Вильям Рамсей (Ramsay) открыл способ непосредственного добывания газа из

каменноугольных пластов. Рамсей ведет уже переговоры с одним владельцем каменноугольных рудников о практической постановке дела.

Одна из великих задач современной техники близится, таким образом, к разрешению. Переворот, который вызовет ее решение, громаден...

Но последствия этого переворота для всей общественной жизни в современном капиталистическом строе будут совсем не те, какие вызвало бы это открытие при социализме.

При капитализме «освобождение» труда миллионов горнорабочих, занятых добыванием угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих. А прибыль от великого изобретения положат себе в карман Морганы, Рокфеллеры, Рябушинские, Морозовы — с их свитой адвокатов, директоров, профессоров и прочих лакеев капитала.

При социализме применение способа Рамсея, «освобождая» труд миллионов горнорабочих и т. д., позволит сразу сократить *для всех* рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. «Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне.

Техника капитализма с каждым днем все более и более *перерастает* те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство.

Одна из великих побед техники, т. 23, с. 93—95

Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно*. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей *рабами* этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров.

Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо.

Но молодое растет и возьмет верх, несмотря ни на что.

Цивилизованное варварство, т. 24, с. 17

Раздел II

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В КЛАССОВО АНТАГОНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1. КУЛЬТУРА И МАССЫ В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ

Обобществление труда капитализмом подвинулось так далеко, что даже и в буржуазной литературе громко говорят о необходимости «планомерной организации народного хозяйства». Автор совершенно прав, говоря, что это — «признак времени», признак полного разложения капиталистических порядков. Крайне интересны приводимые им заявления не только буржуазных профессоров, но и консерваторов, вынужденных признать то, что и по сю пору хотят отрицать российские радикалы,— именно, что рабочее движение создано теми материальными условиями, которые порождены капитализмом, а не «просто» культурой или иными политическими условиями.

Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, т. 1, с. 468

...Сущность классовой школы... состоит в том, что образование одинаково организовано и одинаково доступно для всех *имущих*. Только в этом последнем слове и заключается сущность классовой школы в отличие от школы сословной. Поэтому чистейший вздор сказал г. Южаков в вышецитированной тираде, будто при классовых интересах школы «не может быть и речи об одном общем типе государственной средней школы». Как раз наоборот: классовая школа,— если она проведена последовательно, т. е. если она освободилась от всех и всяких остатков сословности,— необходимо предполагает один общий тип школы. Сущность классового общества (и классового образования, следовательно) состоит в полном юридическом *равенстве*, в полной равноправности всех граждан, в полной равноправности и доступности образования для имущих. Сословная школа требует от ученика принадлежности к известному сословию. Классовая школа не знает сословий, она знает только граждан. Она требует от всех и всяких учеников *только одного:* чтобы он заплатил за свое обучение. Различие программ для богатых и для бедных вовсе не нужно классовой школе, ибо тех, у ко-

го нет средств для оплаты обучения, расходов на учебные пособия, на содержание ученика в течение всего учебного периода,— тех классовая школа просто не допускает к среднему образованию. Классовой замкнутости вовсе не предполагает классовая школа: напротив, в противоположность сословиям, классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой. Классовая школа не замыкается ни от кого, имеющего средства учиться. Что в Западной Европе «эти опасные программы полуобразования и классового морально-интеллектуального отчуждения разных народных слоев не имеют успеха»...— это совершенное извращение действительности, ибо всякий знает, что и на Западе, и в России средняя школа, по сущности своей,— классовая и что служит она интересам лишь очень и очень небольшой части населения.

Перлы народнического прожектерства, т. 2, с. 476—477

За последние десятилетия ненависть к полиции во много раз возросла и окрепла в массах простого народа. Развитие городской жизни, рост промышленности, распространение грамотности, все это заронило и в темные массы стремление к лучшей жизни и сознание человеческого достоинства, а полиция осталась такой же самоуправной и зверской. К ее зверству прибавилась только бóльшая утонченность сыска и травля нового, самого страшного врага: всего, чтó несет в народные массы луч сознания своих прав и веру в свои силы. Оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу.

Случайные заметки, т. 4, с. 416

...Бросьте взгляд на все современное капиталистическое общество, на крупные города, на железные дороги, на шахты и рудники, фабрики и заводы. Вы увидите, как захвачены богатыми и воздух и вода и земля...

Да что говорить о купле-продаже воды, воздуха и земли, когда все нынешнее общество только и держится, что куплей-продажей *рабочей силы*, т. е. *наемным рабством* миллионов людей!.. Все, не только земля, но и человеческий труд, и человеческая личность, и совесть, и любовь, и наука,— все *неизбежно* становится *продажным*, пока держится *власть капитала*.

Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, т. 15, с. 158—159

Добрый Маслов не соображает, что высокий процент культурных расходов местных самоуправлений есть высокая доля второстепенных расходов. Почему это так? Потому, что пределы ведомства местных самоуправлений и финансовые полномочия их определяет та же центральная государственная власть и определяет так, что на армию и проч. берет куш, на «культуру» дает грош. Обязателен ли такой дележ в буржуазном обществе? Обязателен, ибо в буржуазном обществе буржуазия не могла бы господствовать, если бы она не тратила куша на обеспечение своего господства, как класса, оставляя грош на культурные расходы. И надо быть Масловым, чтобы возыметь гениальную мысль: а что если я *новый куш* объявлю собственностью земств, ведь я *обойду* господство буржуазии! Как бы проста была, если бы пролетарии рассуждали по Маслову, их задача: стоит потребовать, чтобы доходы с железных дорог, почт, телеграфов, винной монополии не «национализировались», а «муниципализировались» — и эти доходы пойдут не на армию и флот, а на культурные цели. Не нужно вовсе свергать центральной власти или в корне ее переделывать,— надо просто-напросто добиться «муниципализации» всех крупных статей дохода, и дело будет в шляпе. О, мудрецы!

Муниципальные доходы в Европе и во всякой буржуазной стране, это такие доходы,— пусть запомнит это добрый Маслов! — которые буржуазная центральная власть согласна пожертвовать на культурные цели, *ибо эти доходы второстепенные,* ибо сбор таких доходов неудобен в центре, ибо главные, коренные, основные потребности буржуазии и буржуазного господства уже обеспечены *кушем.* Поэтому совет народу: получи новый куш, сотни миллионов с муниципализированных земель, и обеспечь его культурное назначение передачей куша в собственность земств, а не центральной власти, есть совет шарлатанский. Не может в буржуазном государстве буржуазия дать действительно на культурные цели *ничего кроме грошей,* ибо куши нужны ей на обеспечение господства буржуазии, как класса...

Буржуазная интеллигенция на Западе, подобно английским фабианцам [16], возводит муниципальный социализм в особое «направление» именно потому, что она мечтает о социальном мире, о примирении классов и желает перенести общественное внимание с коренных вопросов всего экономического строя и всего государственного *устройства* на мелкие вопросы местного само*управления...* Понятно, что если выделены такие вопросы о расходовании ничтожных (по сравнению с общей массой прибавочной стоимости и с общей суммой государственных расходов буржуазии) сумм, которые *сама буржуазия соглашается* отдать на народное здравие (Энгельс указывал в «Жилищном вопросе», что заразные эпиде-

мии в городах пугают самое буржуазию[17]),— на народное образование (должна же буржуазия иметь обученных рабочих, способных применяться к высокому уровню техники!) и т. д., то в области *таких мелких* вопросов можно разглагольствовать о «социальном мире», о вреде классовой борьбы и т. п. Какая же тут классовая борьба, если сама буржуазия расходует деньги на «нужды населения», на медицину, на образование?

Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, т. 16, с. 321—322, 339—340

Известно, что безграмотность — один из следов рабства. Не может быть грамотно большинство населения в стране, угнетенной пашами, Пуришкевичами и т. п.

— В России *неграмотных 73%,* не считая детей до 9-тилетнего возраста.

Среди негров в Северо-Американских Соединенных Штатах неграмотных (1900 г.) — *44* ½%.

Позором ложится на цивилизованную, передовую страну, североамериканскую республику, такой безобразно высокий % неграмотных. И всякому известно притом, что *вообще* положение негров в Америке недостойно цивилизованной страны: капитализм *не может* дать *полного* освобождения ни даже полного равенства.

Поучительно, что среди белых в Америке процент неграмотных составляет всего 6%. Но если мы разделим Америку на районы бывшие рабовладельческие (американскую «Россию») и на районы нерабовладельческие (американскую не Россию), то получим процент неграмотных *среди белых:* 11—12% у первых, 4—6% у вторых!

В бывших рабовладельческих районах *вдвое выше* процент неграмотных *среди белых.* Следы рабства лежат не только на неграх!

Позор Америке за положение негров!..

Русские и негры, т. 22, с. 345—346

Когда два вора дерутся, от этого всегда будет известная польза для честных людей. Когда вконец перессорятся «деятели» буржуазного газетного дела, они раскрывают перед публикой продажность и проделки «больших» газет.

Нововременец Н. Снессарев поссорился с «Новым Временем»[18], проворовался и был удален со скандалом. Он опубликовал теперь «сочинение» в 135 страниц под заглавием: «Мираж «Нового

Времени». Почти роман. СПБ. 1914». Корча из себя, как водится, «благородного» человека, г. Снессарев описывает нравы, давно установившиеся в капиталистических странах Запада и все более проникающие в буржуазный газетный мир России, конечно, при условиях, особо благоприятствующих темноте и безнаказанности особенно грязных, особенно подлых подкупов, подхалимства и т. д...

Капиталисты лондонские — обирание россиян — концессия от русского правительства — участие печати — повальная продажность — купля-продажа кого угодно за десятки тысяч рублей — вот правдивая картина, развертываемая проворовавшимся и обиженным Снессаревым...

Пляска миллионов. Пятимиллионный баланс «Нового Времени», из них около трех миллионов — фикция. Жалованья и гонорары — 2—3 тысячи рублей *в месяц* второстепенным, третьестепенным работникам. Выкидывают же сотни тысяч и миллионы. Займы в банках сотни тысяч. Всеобщая продажность. Проституция всех сортов, незаконная и законная, браком освященная. Лучшее и высшее петербургское общество. Миллионеры, министры, биржевики, знатные иностранцы. Игорные дома. Шантаж разных видов. «Никаких политических убеждений» (стр. 36)...

Это — наша «большая пресса». Это — цвет «высшего» общества. Этих людей «все» знают, у них «везде» связи... Бесстыдная наглость крепостников, обнимающаяся впотьмах с бесстыдной продажностью буржуазии, вот она — «святая Русь».

Капитализм и печать, т. 25, с. 5—8

Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология»... Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее,— не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран.

Положение и задачи социалистического интернационала, т. 26, с. 41

Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим,— лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии.

Империализм и раскол социализма, т. 30, с. 176

Империалистская война, война величайших и богатейших банковых фирм — «Англия» и «Германия» — из-за господства над миром, из-за дележа добычи, из-за ограбления малых и слабых народов, эта ужасная и преступная война разорила все страны, измучила все народы, поставила человечество перед дилеммой: погубить всю культуру и погибнуть или революционным путем свергнуть иго капитала, свергнуть господство буржуазии, завоевать социализм и прочный мир...

Война ввергла в голод наиболее цивилизованные, наиболее культурно развитые страны. Но зато, с другой стороны, война как громадный исторический процесс неслыханным образом ускорила социальное развитие.

За хлеб и за мир, т. 35, с. 169

Не потому ли большинство рабочих, крестьян и солдат стало на нашу сторону, что... капиталисты со всеми чудесами техники и культуры вступили в истребительную войну, что люди дошли до озверения, одичания и голода... Мы видим, что в маленькой соседней Эстляндии, где народ грамотный, собрался на днях съезд батраков, избрал уполномоченных, которые взяли в свои руки все культурные хозяйства. Это всемирный переворот. Батраки, которые в капиталистическом хозяйстве стояли на самом низу социальной лестницы, берут их на учет.

Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд. 5—30 января (18 января — 12 февраля) 1918 г. Доклад Совета Народных Комиссаров 13 (26) января, т. 35, с. 303

Эпохи войн учат нас, что мир играл нередко в истории роль передышки и собирания сил для новых битв. Тильзитский мир был величайшим унижением Германии и в то же время поворотом к величайшему национальному подъему. Тогда историческая об-

становка не давала иного выхода этому подъему, кроме выхода к *буржуазному* государству. Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью.

Теперь капитализм поднял много и много выше культуру вообще, культуру масс в частности. Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма.

Главная задача наших дней, т. 36, с. 81—82

Мы не должны забывать, с каким врагом мы имеем дело. Враги, с которыми нам приходилось иметь дело до сих пор,— и Романов, и Керенский, и русская буржуазия — тупая, неорганизованная, некультурная, вчера целовавшая сапог Романова и после этого бегавшая с тайными договорами в кармане,— разве все они чего-нибудь стоят против той международной буржуазии, которая все, что завоевано человеческим умом, превратила в орудие для подавления воли трудящихся и всю свою организацию приспособила для истребления людей?

Речь в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 12 марта 1918 г., т. 36, с. 86

...Теперь, в двадцатом веке, наряду с еще большим прогрессом техники, наряду с чудесами изобретений, наряду с громадным применением машин и электричества, новых двигателей внутреннего сгорания в земледелии,— наряду со всем этим мы, во всех без исключения европейских странах, видим теперь надвинувшееся на народы то же самое бедствие — голод. Как будто с цивилизацией, с культурой страны опять возвращаются к первобытному варварству, опять переживают такое положение, когда дичают нравы, звереют люди в борьбе за кусок хлеба...

Мы слышим, как в городах, бывших до сих пор образцами капиталистического порядка, культуры и цивилизации, вроде Берлина, становится опасно выходить в темное время на улицу, потому что, несмотря на самые свирепые меры преследования и самую строгую охрану, война и голод довели и там людей до состояния полной дикости, довели до такой анархии, до такого возмущения,

что не только продажа, но прямой грабеж, прямая война из-за куска хлеба становится на очередь дня во всех культурных, цивилизованных государствах.

IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 27 июня — 2 июля 1918 г. Доклад о текущем моменте 27 июня, т. 36, с. 435—436, 437

Что такое империализм? Это — когда кучка богатейших держав душит весь мир, когда они знают, что у них есть полторы тысячи миллионов человек всего мира, и душат их, и эти полторы тысячи миллионов чувствуют, что такое английская культура, французская культура и американская цивилизация. Это значит: грабить, кто во что горазд.

Доклад на 1 Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г., т. 40, с. 176

...Мы должны поставить вопрос, чем объясняется прочность таких направлений в Европе и почему этот оппортунизм в Западной Европе сильнее, чем у нас. Да потому, что передовые страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиарда угнетенных людей. Потому, что капиталисты этих стран получают много сверх того, что они могли бы получить, как прибыль от грабежа рабочих своей страны.

До войны считали, что три богатейших страны, Англия, Франция и Германия, от одного только вывоза капитала за границу, не считая других доходов, имеют в год 8—10 миллиардов франков дохода.

Понятно, что из этой милой суммы можно бросить хотя бы полмиллиарда на подачку рабочим вождям, рабочей аристократии, на всяческие виды подкупа. И все дело сводится именно к подкупу. Это делается тысячами разнообразных путей: повышением культуры в наиболее крупных центрах, созданием образовательных учреждений, созданием тысячи местечек для вождей кооперативов, для вождей тред-юнионов, парламентских вождей. Но это делается везде, где есть современные цивилизованные капиталистические отношения. И эти миллиарды сверхприбыли — есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении.

II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля, т. 41, с. 231

2. КЛАССОВАЯ БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА И КУЛЬТУРА

«БЕЗ ЗНАНИЯ РАБОЧИЕ — БЕЗЗАЩИТНЫ, СО ЗНАНИЕМ ОНИ — СИЛА!»

Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ работа ее должна будет при этом направиться на *конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития;* она должна *вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками.* Она должна *дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие.*

Эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата,— и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма. Чем дальше будет подвигаться вперед выработка этой теории, тем быстрее будет расти социал-демократизм, так как самые хитроумные оберегатели современных порядков не в силах помешать пробуждению мысли пролетариата, не в силах потому, что самые эти порядки необходимо и неизбежно влекут за собой все сильнейшую экспроприацию производителей, все больший рост пролетариата и резервной его армии — и это наряду с прогрессом общественного богатства, с громадным ростом производительных сил и обобществлением труда капитализмом. Как ни много осталось еще сделать для выработки такой теории, но порукой за то, что социалисты исполнят эту работу, служит распространение среди них материализма, единственно научного метода, требующего, чтобы всякая программа была точной формулировкой дейст-

вительного процесса, порукой служит успех социал-демократии, принимающей эти идеи,— успех, до того взбудораживший наших либералов и демократов, что их толстые журналы, по замечанию одного марксиста, перестали быть скучными.

Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед **ПРАКТИЧЕСКОЙ** *,— тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так могли бы заключить только поклонники «субъективного метода в социологии» или последователи утопического социализма. Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны, тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и наоборот, открыты и показаны эти пути — кончается теоретическая работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» «иному пути». Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на *действительном* пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами:

Studieren, Propagandieren, Organisieren **.

Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации.

Эта постановка задачи гарантирует социал-демократию от тех недостатков, от которых так часто страдают группы социалистов,— от догматизма и сектаторства.

Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации

* Напротив. На 1-ое место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, во-первых, что теоретическая работа дает только ответы на те запросы, которые предъявляет вторая. А во-вторых, социал-демократы слишком часто, по обстоятельствам от них не зависящим, вынуждены ограничиваться одной теоретической работой, чтобы не ценить дорого каждого момента, когда возможна работа практическая.

** — Изучать, пропагандировать, организовать. *Ред.*

пролетариата, когда, следовательно, роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей.

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, т. 1, с. 307—309

Министр смотрит на рабочих, как на порох, а на знание и образование, как на искру; министр уверен, что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство.

Мы не можем отказать себе в удовольствии заметить, что в этом редком случае мы вполне и безусловно согласны со взглядами его высокопревосходительства...

Рабочие! Вы видите, как смертельно боятся наши министры соединения знания с рабочим людом! Покажите же всем, что никакая сила не сможет отнять у рабочих сознания! Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила!

О чем думают наши министры?, т. 2, с. 78, 80

...Борьба рабочих с фабрикантами за их повседневные нужды сама собой и неизбежно наталкивает рабочих на вопросы государственные, политические, на вопросы о том, как управляется русское государство, как издаются законы и правила и чьим интересам они служат. Каждое фабричное столкновение необходимо приводит рабочих к столкновению с законами и представителями государственной власти. Рабочие слушают тут впервые «политические речи»...

Вот в чем должна состоять та *помощь*, которую может оказать с.-д. партия классовой борьбе рабочих: в развитии классового самосознания рабочих посредством содействия им в борьбе за свои наиболее насущные нужды.

Проект и объяснение программы социал-демократической партии, т. 2, с. 104—105

Мы не исполнили бы своего долга, если бы не позаботились о том, чтобы дать точное руководство для социал-демократов и сознательных рабочих, попадающих в деревню. Затем, не надо забывать и деревенской интеллигенции, напр., народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия социал-демократизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению.

Проект программы нашей партии, т. 4, с. 238

История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории. Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей. И наше русское рабочее движение обещает не отстать в этом отношении от европейского. В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике,— находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии.

Попятное направление в русской социал-демократии, т. 4, с. 268—269

Буржуазные классы, которые обвиняют рабочих в незнании законов, сами ровно ничего не сделали для того, чтобы облегчить рабочим приобретение такого знания, и потому действительно виноваты в незнании рабочими законов не столько сами рабочие, сколько их эксплуататоры (= грабители), которые владеют всей собственностью, живут чужим трудом и одни только хотят пользоваться образованием и наукой. Никакая школа и никакие книжки не дадут и не могут дать рабочим знания законов, потому что книжки читать могут только очень и очень немногие рабочие из массы задавленных капиталом миллионов трудящегося народа, школой пользуются по той же причине тоже немногие, да и те, кто проходит школу, умеют большей частью только читать, писать и считать; а этого еще мало, чтобы разобраться в такой сложной и трудной области, как русские законы.

О промышленных судах, т. 4, с. 278

...В самом деле, как же возможно говорить о «политическом воспитании» рабочих, если не признается возможным вести политическую агитацию и политическую борьбу? Неужели среди социал-демократов нужно еще доказывать, что не может быть никакого политического воспитания *вне* политической борьбы и политических действий? Неужели можно думать, что политически воспитать рабочие массы могут какие-нибудь занятия или книги и т. п., помимо политической деятельности и политической борьбы? Неужели русские социал-демократы должны вернуться к точке зрения крепостников, которые говорили, что сперва нужно воспитать крестьян, а потом освободить их, или к точке зрения наших, пресмыкающихся пред правительством, писак, которые говорят, что сперва надо воспитать народ, а потом уже дать ему политические права? Как можно «ставить своей задачей» пробуждать сознание необходимости борьбы за политические права и в то же время не считать возможным призывать рабочих к политическим действиям, не считать возможным вести политическую агитацию? Пробуждать сознание необходимости политической борьбы и в то же время не призывать к политической борьбе?!

...Общую идею политической борьбы усвоит, конечно, только интеллигентный рабочий, за которым пойдет масса, ибо она прекрасно чувствует свое политическое бесправие (как признает в одном месте «Profession de foi» * Киевского комитета), и самые непосредственные повседневные интересы постоянно приводят ее в столкновение с всяческими проявлениями политического гнета. Ни в одном политическом или социальном движении, ни в одной стране никогда не было и быть не могло иного отношения между массой данного класса или народа и немногочисленными интеллигентными представителями его, кроме именно такого: всегда и везде вождями известного класса являлись его передовые, наиболее интеллигентные представители. И в русском рабочем движении не может быть иначе. А потому игнорирование интересов и запросов этого передового слоя рабочих, стремление *опуститься* до уровня понимания низших слоев (вместо того, чтобы постоянно *поднимать* уровень сознания рабочих) необходимо должно оказать глубоко вредное действие и подготовить почву для проникновения в рабочую среду всяких не социалистических и не революционных идей.

По поводу «Profession de foi», т. 4, с. 312, 316

Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне,* то есть извне экономической борьбы, извне

* — символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание? нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к «экономизму», именно ответ: «идти к рабочим». Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны *идти во все классы населения,* должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии.

Что делать?, т. 6, с. 79

Программа социал-демократии выставляет только основные требования, общие всему пролетариату, независимо от профессиональных, местных, национальных, расовых различий. Эти различия обусловливают то, что одно и то же требование полного равенства граждан перед законом порождает агитацию в одном месте против одного вида неравноправности, в другом месте или по отношению к другим группам пролетариата — против другого вида неравноправности и т. д. Один и тот же программный пункт применяется различно в зависимости от различия условий быта, различия культуры, различия соотношения общественных сил в разных областях страны и т. д. Агитация за одно и то же программное требование ведется различными способами, на разных языках применительно ко всем этим различиям. Автономия в вопросах, касающихся специально пролетариата известной расы, известной нации, известного района, означает, следовательно, что определение специальных требований, выставляемых во исполнение общей программы, определение способов агитации предоставляется самостоятельному решению соответствующей организации. Партия в целом, ее центральные учреждения устанавливают общие основные принципы программы и тактики; различные же способы проведения на практике и в агитации этих принципов устанавливаются различными подчиненными центру организациями партии соответственно местным, расовым, национальным, культурным и т. д. различиям.

Положение Бунда в партии, т. 8, с. 68

Весь исторический ход развития соц.-дем. движения характеризуется тем, что оно завоевывает себе, несмотря на все препятствия, все более значительную свободу действий, вопреки законам царизма и мерам полиции. Революционный пролетариат как бы окружает себя известной, недоступной для правительства атмо-

сферой сочувствия и поддержки как в рабочем классе, так и в других классах (разделяющих, конечно, лишь небольшую часть требований рабочей демократии). В начале движения социал-демократу приходилось исполнять массу почти культурнической работы, занимать свои силы почти одной экономической агитацией. И вот, одна такая функция за другой все более переходит в руки новых сил, более широких слоев, привлекаемых к движению. В руках революционных организаций все более сосредоточивалась функция настоящего *политического* руководства, функция указания *соц.-дем.* выводов из проявлений рабочего протеста и народного недовольства. Сначала нам приходилось учить рабочих грамоте и в прямом и в переносном смысле. Теперь уровень политической грамотности так гигантски повысился, что можно и должно сосредоточить все свои силы на более непосредственных социал-демократических целях организованного руководства революционным потоком. Теперь либералы и легальная печать делают массу той «подготовительной» работы, которая до сих пор слишком занимала наши силы. Теперь открытая, не преследуемая ослабевшим правительством, пропаганда демократических идей и требований разлилась так широко, что мы должны приспособляться к совершенно новому размаху движения. Конечно, в этой подготовительной работе есть и плевелы и пшеница; конечно, социал-демократам придется теперь все больше и больше внимания уделять борьбе с влиянием на рабочих буржуазной демократии. Но именно такая работа и будет заключать в себе гораздо больше действительно социал-демократического содержания, чем прежняя наша деятельность, направленная, главным образом, к пробуждению политически-бессознательных масс.

Новые задачи и новые силы, т. 9, с. 301—302

Необходимо чрезвычайно осторожное, тактичное и товарищеское отношение к рабочим, которые готовы умереть за свободу, которые организуются и вооружаются для борьбы, которые всецело сочувствуют пролетарской борьбе и которых отделяет от нас недостаток у них социал-демократического миросозерцания, предрассудки против марксизма, переживание тех или иных устарелых революционных взглядов. Нет ничего легче метода немедленного разрыва с такими несогласномыслящими рабочими или простого отстранения от них, но нет и ничего глупее такого метода. Мы должны помнить, что социал-демократия может быть сильна лишь единством широких масс пролетариата, а это единство создается, в силу раздробляющих, разъединяющих, отупляющих условий

капитализма, не сразу, а лишь ценой упорного труда и громадного терпения. Мы должны помнить опыт наших европейских товарищей, которые считают своим долгом осторожное, товарищеское отношение даже к рабочим, членам католических союзов, не отталкивая их презрительным отношением к их религиозным и политическим предрассудкам, а настойчиво, тактично и терпеливо используя всякий акт политической и экономической борьбы для их просвещения и сближения с сознательным пролетариатом на почве совместной борьбы.

Новый революционный рабочий союз, т. 10, с. 289

Каков будет окончательный исход борьбы между сторонниками самодержавия и массой народа, в этом не может сомневаться ни один человек, сколько-нибудь сохранивший способность рассуждения. Но мы не должны закрывать себе глаза на то, что серьезная борьба только еще начинается, что нас ждут еще великие испытания. И революционная армия и революционное правительство представляют из себя «организмы» настолько высокого типа, требуют учреждений таких сложных, гражданского самосознания такого развитого, что было бы ошибкой ждать простого, немедленного, верного осуществления этих задач сразу. Нет, мы не ждем этого, мы умеем ценить значение той упорной, медленной, часто невидной работы политического воспитания, которую всегда вела и всегда будет вести социал-демократия. Но мы не должны допускать также еще более опасного в настоящий момент неверия в силы народа, мы должны помнить, какой громадной просвещающей и организующей силой обладает революция, когда могучие исторические события силой вытаскивают обывателей из их медвежьих углов, чердаков и подвалов и заставляют их становиться *гражданами*. Месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, чем десятилетия политического застоя. Задача сознательных руководителей революционного класса — всегда идти впереди его в деле такого воспитания, разъяснять значение новых задач и звать вперед к нашей великой конечной цели.

Революционная армия и революционное правительство, т. 10, с. 339—340

В политической деятельности социал-демократической партии всегда есть и будет известный элемент педагогики: надо воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения, надо постоянно обучать новые и новые слои этого класса, надо уметь подойти к самым

серым, неразвитым, наименее затронутым и нашей наукой и наукой жизни представителям этого класса, чтобы суметь заговорить с ними, суметь сблизиться с ними, суметь выдержанно, терпеливо поднять их до социал-демократического сознания, не превращая наше учение в сухую догму, уча ему не одной книжкой, а и участием в повседневной жизненной борьбе этих самых серых и самых неразвитых слоев пролетариата. В этой повседневной деятельности есть, повторяем, известный элемент педагогики. Социал-демократ, который забыл бы об этой деятельности, перестал бы быть социал-демократом. Это верно. Но у нас часто забывают теперь, что социал-демократ, который задачи политики стал бы сводить к педагогике, тоже — хотя по другой причине — перестал бы быть социал-демократом. Кто вздумал бы из этой «педагогики» сделать особый лозунг, *противопоставлять* ее «политике», строить на этом противопоставлении особое направление, апеллировать к массе во имя этого лозунга против «политиков» социал-демократии, тот сразу и неизбежно опустился бы до демагогии.

Всякое сравнение хромает, это давно известно. Всякое сравнение уподобляет лишь одну сторону или лишь некоторые стороны сравниваемых предметов или понятий, абстрагируя временно и условно другие стороны. Напомним читателю эту общеизвестную, но часто забываемую, истину и сравним социал-демократическую партию с большой школой, низшей, средней и высшей в одно и то же время. Никогда и ни при каких условиях эта большая школа не сможет забыть о деле преподавания азбуки, обучения начаткам знания и начаткам самостоятельной мысли. Но если бы кто-нибудь вздумал отделываться от вопросов высшего знания ссылками на азбуку, если бы кто-нибудь стал противополагать непрочные, сомнительные, «узкие» результаты этого высшего знания (доступного во много раз меньшему кругу лиц сравнительно с кругом, проходящим азбуку) — прочным, глубоким, широким и солидным результатам начальной школы, тот обнаружил бы близорукость невероятную. Тот мог бы даже посодействовать полному извращению всего смысла большой школы, ибо игнорирование вопросов высшего знания лишь облегчило бы шарлатанам, демагогам и реакционерам сбить с толку прошедших одну только азбуку людей.

О смешении политики с педагогикой,
т. 10, с. 357—358

...Уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений. Надо

уметь без фраз, без восклицаний, с фактами и цифрами в руках *растолковать* вопросы социализма и вопросы теперешней русской революции.

Социал-демократия и избирательные соглашения, т. 14, с. 92

Мы должны неустанно разъяснять пролетариату теоретические истины, касающиеся сущности классовых интересов буржуазии и мелкой буржуазии в капиталистическом обществе. Но эти истины войдут в плоть и кровь действительно широких пролетарских масс лишь тогда, когда эти классы будут видеть, осязать поведение партий того или иного класса,— когда к ясному сознанию их классовой природы прибавится непосредственная реакция пролетарской психики на все обличье буржуазных партий. Нигде в мире, может быть, буржуазия не проявила в буржуазной революции такого реакционного зверства, такого тесного союза со старой властью, такой «свободы» от чего-нибудь хоть отдаленно похожего на искренние симпатии к культуре, к прогрессу, к охране человеческого достоинства, как у нас,— пусть же наш пролетариат вынесет из русской буржуазной революции тройную ненависть к буржуазии и решимость к борьбе против нее.

Заметки публициста, т. 16, с. 65—66

В 1874 году, говоря о знаменитом манифесте беглецов Коммуны, бланкистов, живших в качестве эмигрантов в Лондоне, Энгельс трактует как глупость их шумливое провозглашение войны религии, заявляя, что такое объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии. Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять того, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную *практику,* в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза [19]. И в 1877 году в «Анти-Дюринге», беспощадно травя малейшие уступки Дюринга-философа идеализму и религии, Энгельс не менее решительно осуждает якобы революционную идею Дюринга о запрещении религии в социалистическом обществе. Объявлять подобную войну религии — значит — говорит Энгельс — «перебисмаркить самого Бисмарка», т. е. повторить глупость бисмарковской борьбы с клерикалами (пресловутая «борьба за культуру», Kulturkampf, т. е. борьба Бисмарка в 1870-х

годах против германской партии католиков, партии «центра», путем полицейских преследований католицизма). Такой борьбой Бисмарк только *укрепил* воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических, отвлек внимание некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой и революционной борьбы в сторону самого поверхностного и буржуазно-лживого антиклерикализма. Обвиняя, желавшего быть ультрареволюционным, Дюринга в желании повторить в иной форме ту же глупость Бисмарка, Энгельс требовал от рабочей партии уменья терпеливо работать над делом организации и просвещения пролетариата [20]...

Об отношении рабочей партии к религии, т. 17, с. 416—417

...Необходима возможно большая инициатива в деле постановки с.-д. работы в легальных обществах: союзы, читальни, библиотеки, различного рода рабочие общества развлечений, распространение профессиональных органов и направление профессиональной прессы в духе марксизма, использование думских речей с.-д., подготовка легальных лекторов из рабочих, создание (в связи с выборами в IV Думу) рабочих и иных избирательных комитетов по районам, по улицам и т. д., с.-д. агитация в связи с выборами в органы городского самоуправления и т. п...

VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. 5—17 (18—30) января 1912 г. О характере и организационных формах партийной работы, т. 21, с. 143

...Что дает прежде всего легальное общество? Лекции марксистского характера; по-видимому, их разрешают. Я вижу в печати, что в крупных городах разрешают. Говорят, трудно достать лекторов... Рабочие должны сами выдвигать лекторов и сами оплачивать. Потом есть библиотека и читальня. Я не знаю, разрешают ли иметь «Звезду» [21]. Потом легальные общества устраивают различные увеселения. Это важно с финансовой стороны, а с другой, благодаря этим увеселениям, получается вроде клуба. Вот если такой тип общества не фикция, а реальность, а это несомненно, то мы должны задать вопрос, работали [ли] мы над расширением таких обществ? Делали [ли] доклады об этих обществах на фабриках и заводах? Старались ли организовывать такие общества?.. У нас должны быть в каждом обществе небольшие ячейки с.-д., тесно свя-

занные с партией, и каждый вопрос решаться в духе постановления партии... Это будет идеалом для пересоздания нашей организации. Эти нелегальные ячейки, окруженные сетью легальных ячеек, дадут нам новую базу. Все сношения доведены до минимума, как будто бы есть организация и нет. Пускай не будет собраний. Партийная работа приняла другую форму. Новая форма врезалась уже в старую. Пускай будет менее оформленная, но расширяющаяся работой в легальных обществах. Нужно, чтобы каждый шаг к культуре был проникнут с.-д. духом, с.-д. культурой. Это будет решительная борьба с ликвидаторством... Имеют ячейку, связаны с ЦО, раз в год сносятся и во сто раз больше делают, чем раньше. Мы сделали недостаточно в легальных обществах. Надо вырвать их из рук либералов, [вырвать] все легальное движение. Нужно распространять, расширять легальные общества. Обратить внимание конкретно, как ставится работа в легальных обществах. Везде нелегальные ячейки окружать сетью легальных ячеек.

VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. Речь по организационному вопросу 24 января 1912 года, т. 54, с. 359—361

...Без непосредственного и немедленного улучшения своего положения, масса трудящихся никогда не согласится представлять себе общий «прогресс» страны. Масса втягивается в движение, энергично участвует в нем, высоко ценит его и развивает героизм, самоотверженность, настойчивость и преданность великому делу не иначе, как при улучшении в экономическом положении работающего. Иначе дело не может обстоять, ибо условия жизни рабочих в «обычное» время невероятно тяжелы. Добиваясь улучшения условий жизни, рабочий класс поднимается вместе с тем и морально, и умственно, и политически, становится более способным осуществлять свои великие освободительные цели.

Экономическая и политическая стачка, т. 21, с. 319

Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоправительственном смысле эта мера. После

этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов».

К вопросу о национальной политике, т. 25, с. 66

Не только некультурным, часто безграмотным массам России, но и высококультурным, поголовно грамотным массам Германии потребовалось испытать на собственной шкуре все бессилие, всю бесхарактерность, всю беспомощность, все лакейство перед буржуазией, всю подлость правительства рыцарей II Интернационала, всю неизбежность диктатуры крайних реакционеров (Корниловв России, Капп и К° в Германии), как единственной альтернативы по отношению к диктатуре пролетариата, чтобы решительно повернуть к коммунизму.

Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. 41, с. 78

«...*ВСЯКОЕ* УМАЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ... ОЗНАЧАЕТ... УСИЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ БУРЖУАЗНОЙ»

...*Всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии...

Но почему же... стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* бо́льшими средствами распространения *. И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат

---

* Часто говорят: рабочий класс *стихийно* влечется к социализму. Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, *если* только эта теория сама не пасует пред стихийностью, *если* только она подчиняет себе стихийность. Обыкновенно это подразумевается само собою, но *«Раб. Дело»* как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему.

против «преувеличения сознательного элемента» и т. п. Авторы «экономического» письма громят, в унисон с «Раб. Делом», нетерпимость, свойственную младенческому периоду движения. Мы ответим на это: да, наше движение действительно находится в младенческом состоянии, и для того, чтобы скорее возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношению к людям, задерживающим его рост своим преклонением пред стихийностью. Нет ничего смешнее и ничего вреднее, как корчить из себя стариков, давно уже переживших все решительные эпизоды борьбы!

Что делать?, т. 6, с. 40, 41—42

...Всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его...

Социал-демократия должна всегда и неуклонно расширять воздействие рабочего движения на все сферы общественной и политической жизни современного общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм. Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась.

Политическая агитация и «классовая точка зрения», т. 6, с. 268—269

...Социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* идеологами.

Письмо «Северному союзу РСДРП», т. 6, с. 362—363

* Буржуазный философ или буржуазный публицист никогда не поймет социал-демократии правильно, ни меньшевистской, ни большевистской социал-демократии. Но если это хоть сколько-ни-

будь толковый публицист, то его не обманет его классовый инстинкт, и значение для буржуазии того или иного течения внутри социал-демократии он всегда схватит в сущности верно, хотя и изобразит превратно. Классовый инстинкт нашего врага, классовое суждение его всегда заслуживает поэтому самого серьезного внимания всякого сознательного пролетария.

Две тактики социал-демократии в демократической революции, т. 11, с. 107—108

В теперешней российской революции задача сплочения сил пролетариата, организации его, политического обучения и воспитания рабочего класса выдвигается вперед особенно настоятельно... И мы употребим поэтому все средства идейной борьбы, чтобы влияние анархистов на русских рабочих осталось столь же ничтожным, каким оно было и до сих пор.

Социализм и анархизм, т. 12, с. 132

Ни в каком случае не сводим мы своей задачи к поддержке самых распространенных лозунгов реформистской буржуазии. Мы ведем самостоятельную политику, выдвигая *лишь* лозунги таких реформ, которые *безусловно* выгодны интересам революционной борьбы, которые *безусловно* повышают самостоятельность, сознательность и боевую способность пролетариата. Только такой тактикой мы *обезвреживаем* всегда половинчатые, всегда лицемерные, всегда снабженные буржуазными или полицейскими ловушками реформы сверху.

Мало того. Только такой тактикой мы действительно двигаем вперед дело серьезных реформ.

Еще о думском министерстве, т. 13, с. 263

...Мы видим, что на протяжении более чем десяти лет Маркс и Энгельс систематически, неуклонно боролись с оппортунизмом в немецкой с.-д. партии и преследовали интеллигентское филистерство и мещанство в социализме. Это крайне важный факт. Широкая публика знает, что немецкая социал-демократия считается образцом марксистской политики и тактики пролетариата, но не знает, какую постоянную войну приходилось вести основоположникам марксизма против «правого крыла» (выражение Энгельса) этой партии. Что вскоре после смерти Энгельса эта война из тайной стала явной,— это не случайность. Это — неизбежный результат десятилетий исторического развития германской социал-демократии.

И теперь перед нами особенно отчетливо встают две линии энгельсовских (и марксовских) советов, указаний, поправок, угроз и назиданий. Англо-американских социалистов они всего настойчивее призывали слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий заскорузлый сектантский дух. Немецких с.-д. они всего настойчивее учили: не впадайте в филистерство, в «парламентский идиотизм» (выражение Маркса в письме от 19-го сентября 1879 г.) [22], в мещански-интеллигентский оппортунизм.

Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.», т. 15, с. 242—243

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии. Наоборот, господствующий ныне оппортунизм воспитывает из рабочей партии отрывающихся от массы представителей лучше оплачиваемых рабочих, «устраивающихся» сносно при капитализме, продающих за чечевичную похлебку свое право первородства, т. е. отказывающихся от роли революционных вождей народа против буржуазии.

Государство и революция, т. 33, с. 26

Вы обязаны не опускаться до уровня масс, до уровня отсталых слоев класса. Это бесспорно. Вы обязаны говорить им горькую правду. Вы обязаны называть их буржуазно-демократические и парламентарные предрассудки предрассудками. Но вместе с тем вы обязаны *трезво* следить за *действительным* состоянием сознательности и подготовленности именно всего класса (а не только его коммунистического авангарда), именно всей трудящейся *массы* (а не только ее передовых людей).

Если не только «миллионы» и «легионы», но хотя бы просто довольно значительное *меньшинство* промышленных рабочих идет за католическими попами,— сельских рабочих за помещиками и кулаками (Grossbauern),— то отсюда уже *с несомненностью* вытекает, что парламентаризм в Германии *еще не* изжит политически, что участие в парламентских выборах и в борьбе на парламентской трибуне *обязательно* для партии революционного пролетариата *именно* в целях воспитания отсталых слоев *своего класса*, именно в целях пробуждения и просвещения неразвитой, забитой, темной деревенской *массы*.

Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. 41, с. 42

Во всякой школе самое важное — идейно-политическое направление лекций. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно *составом лекторов.* Вы прекрасно понимаете, товарищи, что всякий «контроль», всякое «руководство», всякие «программы», «уставы» и проч., все это — звук пустой по отношению к составу лекторов. Никакой контроль, никакие программы и т. д. абсолютно не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов. И никогда и нигде в мире ни единая уважающая себя организация, фракция или группа *не возьмется* разделить ответственность за школу, направление которой уже предопределено составом лекторов, если это направление враждебное.

Ученикам каприйской школы, т. 47, с. 194—197

«ТОЛЬКО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА МОЖЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВОСПИТЫВАТЬ МАССУ ПОЛИТИЧЕСКИ СОЗНАТЕЛЬНО...»

За численно небольшим слоем передовиков идет широкий слой средних рабочих. И эти рабочие жадно стремятся к социализму, принимают участие в рабочих кружках, читают социалистические газеты и книги, участвуют в агитации, отличаясь от предыдущего слоя только тем, что они не могут стать вполне самостоятельными руководителями социал-демократического рабочего движения. В той газете, которая была бы органом партии, средний рабочий не поймет некоторых статей, не даст себе полного отчета в сложном теоретическом или практическом вопросе. Из этого вовсе не следует, что газета должна была бы понизиться к уровню массы своих читателей. Напротив, газета должна именно поднимать их уровень и помогать выделению из среднего слоя рабочих — рабочих-передовиков. Поглощенный *местной* практической деятельностью, интересуясь всего более хроникой рабочего движения и ближайшими вопросами агитации, такой рабочий должен с каждым своим шагом связывать мысль о всем русском рабочем движении, о его исторической задаче, о конечной цели социализма, и потому газета, массу читателей которой составляют средние рабочие, необходимо должна связывать с каждым местным и узким вопросом — социализм и политическую борьбу.

Попятное направление в русской социал-демократии, т. 4, с. 269—270

Необходимо выработать... общую литературу партии, общую не только в том смысле, чтобы она служила всему русскому движению, а не отдельным районам, чтобы она обсуждала вопросы всего движения в целом и помогала борьбе сознательных пролетариев, а не одни лишь местные вопросы, но общую также и в том смысле, чтобы она объединяла все наличные литературные силы, чтобы она выражала все оттенки мнений и взглядов среди русских социал-демократов не как изолированных работников, а как товарищей, связанных общей программой и общей борьбой в рядах одной организации...

Что касается до распределения намеченных нами тем и вопросов между журналом и газетой, то это распределение будет определяться исключительно различиями в объеме этих изданий, а также различиями в их характере: журнал должен служить преимущественно пропаганде, газета преимущественно агитации. Но и в журнале и в газете необходимо отражение всех сторон движения, и мы особенно хотели бы подчеркнуть наше отрицательное отношение к такому плану, чтобы рабочая газета помещала на своих страницах исключительно то, что непосредственно и ближайшим образом затрагивает стихийное рабочее движение, отдавая все относящееся к области теории социализма, к области науки, политики, вопросов партийной организации и прочее в орган «для интеллигентов». Напротив, необходимо именно соединение всех конкретных фактов и проявлений рабочего движения с указанными вопросами, необходимо освещение теорией каждого частного факта, необходима пропаганда вопросов политики и партийной организации среди самых широких масс рабочего класса, необходимо внесение этих вопросов в агитацию. Та форма агитации, которая почти исключительно господствовала до сих пор у нас — именно агитация посредством местных листков — становится недостаточной: она узка, ибо затрагивает только местные и главным образом экономические вопросы. Надо попытаться создать более высокую форму агитации — посредством газеты, регистрирующей периодически и рабочие жалобы, и рабочие стачки, и другие формы пролетарской борьбы, и все проявления политического гнета во всей России, и делающей определенные выводы из каждого такого факта применительно к конечным целям социализма и к политическим задачам русского пролетариата...

Обращаясь прежде всего к русским социалистам и сознательным рабочим, мы не хотим ограничиться исключительно ими. Мы призываем также и всех, кого давит и гнетет современный политический строй России, кто стремится к освобождению русского народа от его политического рабства, мы призываем их к поддержке изданий, которые посвящают свои силы организации рабочего

движения в резолюционную политическую партию, мы предлагаем им страницы наших органов для разоблачения всех гнусностей и преступлений русского самодержавия. Мы делаем этот призыв, убежденные в том, что знамя политической борьбы, поднимаемое русской социал-демократией, может и должно стать общенародным знаменем.

Проект заявления редакции «Искры» и «Зари», т. 4, с. 325—326, 328—329, 332

...Нам нужна именно общерусская газета. Если мы не сумеем и пока мы не сумеем объединить наше воздействие на народ и на правительство посредством печатного слова,— будет утопией мысль об объединении других, более сложных, трудных, но зато и более решительных способов воздействия...

Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор.

С чего начать?, т. 5, с. 9, 11

Мы должны активно взяться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания...

Спрашивается, в чем же должно состоять политическое воспитание? Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочего класса самодержавию? Конечно, нет. Недостаточно *объяснять* политическое угнетение рабочих (как недостаточно было *объяснять* им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения (как мы стали агитировать по поводу конкретных проявлений экономического гнета). А так как *это* угнетение падает на самые различные классы общества, так как оно проявляется в самых различных областях жизни и деятельности, и профессиональной, и общегражданской, и личной, и семейной, и религиозной, и научной, и проч. и проч., то не очевидно ли, что *мы не исполним своей задачи* развивать политическое сознание рабочих, если мы не *возьмем на себя* организацию *всестороннего политического обличения* самодержавия?..

Почему русский рабочий мало еще проявляет свою революционную активность по поводу зверского обращения полиции с народом, по поводу травли сектантов, битья крестьян, по поводу безобразий цензуры, истязаний солдат, травли самых невинных культурных начинаний и т. п.?..

Мы должны винить себя, свою отсталость от движения масс, что мы не сумели еще организовать достаточно широких, ярких, быстрых обличений всех этих гнусностей. Сделай мы это (а мы должны сделать и можем сделать это),— и самый серый рабочий поймет *или почувствует*, что над студентом и сектантом, мужиком и писателем ругается и бесчинствует та самая темная сила, которая так гнетет и давит его на каждом шагу его жизни, а, почувствовав это, он захочет, неудержимо захочет отозваться и сам, он сумеет тогда — сегодня устроить кошачий концерт цензорам, завтра демонстрировать пред домом усмирившего крестьянский бунт губернатора, послезавтра проучить тех жандармов в рясе, что̀ делают работу святой инквизиции, и т. д. Мы еще очень мало, почти ничего не сделали для того, чтобы *бросать* в рабочие массы всесторонние и свежие обличения. Многие из нас и не сознают еще этой своей *обязанности*, а стихийно волочатся за «серой текущей борьбой» в узких рамках фабричного быта. При таком положении дел говорить: ««Искра» имеет тенденцию умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей» (Мартынов, стр. 61) — значит тащить партию назад, значит защищать и прославлять нашу неподготовленность, отсталость...

Идеальной аудиторией для политических обличений является рабочий класс, которому всестороннее и живое политическое знание нужно прежде всего и больше всего; который наиболее способен претворять это знание в активную борьбу, хотя бы она никаких «осязательных результатов» и не сулила. А трибуной для *всенародных* обличений может быть только общерусская газета. «Без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического», а Россия в этом отношении, несомненно, относится также к современной Европе. Печать давно стала уже у нас силой — иначе бы правительство не тратило десятков тысяч рублей на подкуп ее и на субсидирование разных Катковых и Мещерских. И не новость в самодержавной России, что нелегальная печать проламывала цензурные запоры и *заставляла* открыто говорить о себе легальные и консервативные органы. Так было и в 70-х и даже в 50-х годах. А во сколько раз шире и глубже теперь те народные слои, которые готовы читать нелегальную печать и учиться по ней, «как жить и как умереть», употребляя выражение рабочего, обратившегося с письмом в «Искру» (№ 7) [23]. Политические обличения являются именно таким объявлением войны *правительству*, как экономические обличения — объявляют войну фабриканту. И это объявление войны имеет тем большее нравственное значение, чем шире и сильнее эта обличительная кампания, чем многочисленнее и решительнее тот общест-

венный *класс*, который *объявляет войну, чтобы начать войну*. Политические обличения являются поэтому уже сами по себе одним из могучих средств *разложения* враждебного строя, средств отвлечения от врага его случайных или временных союзников, средств посеять вражду и недоверие между постоянными участниками самодержавной власти...

Для фабричных обличений на местах у нас всегда были и *всегда должны будут остаться* листки,— но тип *газеты* мы должны поднимать, а не принижать до фабричного листка. Для «газеты» нам нужны обличения не столько «мелочей», сколько крупных, типичных недостатков фабричной жизни, обличения, сделанные на примерах особенно рельефных и способные потому заинтересовать *всех* рабочих и всех руководителей движения, способные действительно обогатить их знания, расширить их кругозор, положить начало пробуждению нового района, нового профессионального слоя рабочих.

Что делать?, т. 6, с. 56—57, 70—71, 89—90, 147—148

Рабочий класс выдвинул целый авангард «передовиков», которые поставили на ноги *свою*, марксистскую, враждебную либеральным шатаниям, рабочую газету в столице и положили основание *второй* рабочей газете в центре промышленной России. То, что сделали передовые сознательные рабочие для «Правды»[24] и для московской рабочей газеты, позволяет нам безошибочно судить о всей сумме исполненной рабочими большой работы для просвещения и организации своего класса. Ибо «Правда» и московская газета, хотя и важная часть, но все же лишь *часть* этого великого дела.

Дружными совместными усилиями, неослабной, настойчивой работой передовые рабочие будут теперь, ободренные успехом первого года их рабочей газеты, продолжать великое дело просвещения и сплочения вокруг идей марксизма, все более и более широких масс пролетариата!

Годовщина «Правды» (Рабочая поддержка рабочей газеты), т. 23, с. 98—99

3. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, СТУДЕНЧЕСТВО, МОЛОДЕЖЬ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА

Неужели можно отрицать, что российские университеты и иные учебные заведения производят каждогодно такую «интеллигенцию» (??), которая ищет только того, кто ее прокормит? Неужели можно отрицать, что средства, необходимые для содержания этой «интеллигенции», имеются в настоящее время в России только у буржуазного меньшинства?

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, т. 1, с. 245

...Русская «бессословная интеллигенция» представляет из себя «реальную общественную силу», *поскольку она заступает общебуржуазные интересы*... Если тем не менее эта сила не *смогла* создать подходящих для защищаемых ею интересов учреждений, не сумела переделать «атмосферы современной российской культуры» (г. В. В.), если «активный демократизм в эпоху политической борьбы» сменился «общественным индифферентизмом» (г. В. В. в «Неделе»[25] 1894 г., № 47),— то причина этого лежит не только в мечтательном характере отечественной «бессословной интеллигенции», но и главным образом в положении тех классов, из которых она выходила, и от которых черпала силу, в их двуличности.

Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, т. 1, с. 442—443

Образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой революционный и оппозиционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах...

Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества вос-

становлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа. Но кроме пролетариата *ни один* из этих слоев не допустил бы полной демократизации чиновничества, потому что у всех других слоев (буржуазии, мелкой буржуазии, «интеллигенции» вообще) есть нити, связывающие его с чиновничеством, потому что все эти слои — *родня* русскому чиновничеству. Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства,— чиновника, утешающегося тем, что он приносит «пользу» в пределах канцелярской рутины,— чиновника, оправдывающего этой «пользой» свой политический индифферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и нагайки? Только *пролетариат* безусловно враждебен абсолютизму и русскому чиновничеству, только у *пролетариата* нет никаких *нитей,* связывающих его с этими органами дворянско-буржуазного общества, только пролетариат способен на непримиримую вражду и решительную борьбу с ними.

Задачи русских социал-демократов, т. 2, с. 454, 456

Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих,* предъявляет все больший спрос на интеллигенцию. Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень. Переходное, неустойчивое, противоречивое положение рассматриваемого общественного слоя отражается в том, что среди него особенно широко распространяются те половинчатые, эклектические воззрения, та мешанина противоположных принципов и точек зрения, то стремление подниматься на словах в превыспренние области и затушевывать фразами конфликты исторических групп населения,— которые так беспощадно бичевал своими сарказмами Маркс полвека тому назад.

Рецензия. Karl Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik, т. 4, с. 209

Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног

прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов. И тот рабочий недостоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему,— рабочий должен прийти на помощь студенту.

Отдача в солдаты 183-х студентов, т. 4, с. 395

Мы хотим сказать только, что г. Сипягин *выдумывает небылицы,* стараясь выставить свои страхи и опасения результатом опыта. Мы хотим сказать, что слова г. Сипягина доказывают только одну старую истину: полицейское правительство боится всякого соприкосновения с народом сколько-нибудь независимой и честной интеллигенции, боится всякого правдивого и смелого слова, прямо обращенного к народу, подозревает — и подозревает совершенно справедливо,— что одна уже забота о действительном (а не мнимом) удовлетворении нужды будет равносильна агитации против правительства, ибо народ видит, что частные благотворители искренне хотят ему помочь, а чиновники царя мешают этому...

Борьба с голодающими, т. 5, с. 283

В чем это выражалось, позвольте спросить, «подталкивание» наших рабочих нашими студентами? *Единственно* в том, что студент нес рабочему те обрывки политического знания, которые у него были, те крохи социалистических идей, которые ему перепали (ибо главная умственная пища современного студента — легальный марксизм и не мог дать ничего кроме азбуки, кроме крох)... Но именно тем, что вы выбираете такое гнусное слово, как «подталкивание со стороны», которое неизбежно вызывает у рабочего (по крайней мере, у рабочего, столь же неразвитого, как неразвиты вы) недоверие ко *всем,* кто несет ему со стороны политическое знание и революционный опыт, вызывает инстинктивное желание дать отпор *всем* таким людям,— вы оказываетесь *демагогом,* а демагоги худшие враги рабочего класса.

Что делать?, т. 6, с. 122—123

Против учения Маркса о единственном действительно революционном классе современного общества с.-р. * выдвигают троицу: «интеллигенция, пролетариат и крестьянство», обнаруживая этим безнадежную путаницу понятий. Если вы противополагаете интел-

* — партия социал-революционеров, эсеры. *Ред.*

лигенцию пролетариату и крестьянству,— значит, вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определенна социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такового слоя русская интеллигенция является именно буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией. По отношению к этому слою вполне прав г. Струве, называющий свой орган органом русской интеллигенции. Если же вы говорите о тех интеллигентах, которые *еще не заняли* никакой определенной социальной позиции или *уже выбиты* жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата,— то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату. Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей. Поход с.-р. против основного «догмата» марксизма лишний раз доказывает только, что всю силу этой партии представляет та кучка русских интеллигентов, которые от старого отстали, а к новому не пристали.

Революционный авантюризм, т. 6, с. 389

...В современном студенчестве имеется *шесть* политических групп: реакционеры, равнодушные, академисты, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы.

Спрашивается: не случайная ли эта группировка? не есть ли это временное распределение настроений? Достаточно прямо поставить этот вопрос, чтоб на него был тотчас дан отрицательный ответ всяким, сколько-нибудь знакомым с делом, человеком. Да иной группировки и быть не могло бы в нашем студенчестве, потому что оно является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе. Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе,— «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе.

Задачи революционной молодежи, т. 7, с. 343

Посмотрите на либеральных профессоров, ректоров, помощников ректоров и всю эту компанию Трубецких, Мануиловых и проч. Ведь это — лучшие люди либерализма и конституционно-демократической партии, наиболее идейные, наиболее образованные, наиболее бескорыстные, наиболее свободные от непосредственного давления интересов и влияний денежного мешка. И как ведут себя эти лучшие люди? Как воспользовались они первой властью, властью правления в университетах, властью, врученной им по выбору? Они уже трусят революции, они боятся обострения и расширения движения, они уже тушат пожар и стараются внести успокоение, получая за это вполне заслуженные плевки в лицо в виде похвал князей Мещерских.

И они были хорошо наказаны, эти филистеры буржуазной науки. Они закрыли университет в Москве, боясь бойни в университете. Они вызвали только еще скорее несравненно более крупную бойню на улице. Они хотели затушить революцию в университете, они только зажгли революцию на улице. Они попали в хорошие тиски, вместе с господами Треповыми и Романовыми, которых они бросились теперь убеждать в необходимости свободы собраний: закроешь университет — откроешь уличную борьбу. Откроешь университет — откроешь трибуну для народных революционных собраний, готовящих новых и еще более решительных борцов за свободу.

Политическая стачка и уличная борьба в Москве, т. 11, с. 352

...Пора позаботиться также о том, чтобы создавать местные хозяйственные, так сказать, опорные пункты рабочих социал-демократических организаций в виде содержимых членами партии столовых, чайных, пивных, библиотек, читален, тиров и проч., и проч...

Соответственно таким условиям, надо будет заботиться о более правильном распределении социал-демократической интеллигенции, чтобы она не толклась зря там, где движение уже встало на ноги и обходится, если можно так выразиться, своими силами, чтобы она шла «в низы», где работа тяжелее, условия труднее, нужда в опытных и знающих людях сильнее, источников света меньше, политическая жизнь бьет слабее.

О реорганизации партии, т. 12, с. 90—91

Кадет — типичный буржуазный интеллигент и частью даже либеральный помещик. Сделка с монархией, прекращение революции — его основное стремление. Неспособный совершенно к борьбе,

кадет — настоящий маклер. Его идеал — увековечение буржуазной эксплуатации в упорядоченных, цивилизованных, парламентарных формах. Его политическая сила — объединение громадной массы буржуазной интеллигенции, необходимой во всяком капиталистическом обществе, но, конечно, абсолютно неспособной сколько-нибудь серьезно влиять на действительное изменение порядков этого общества.

Типичный октябрист — не буржуазный интеллигент, а крупный буржуа. Он — не идеолог буржуазного общества, а его непосредственный хозяин. Заинтересованный самым прямым образом в капиталистической эксплуатации, он презирает всякую теорию, плюет на интеллигенцию, отбрасывает всякие, свойственные кадетам, претензии на «демократизм».

Опыт классификации русских политических партий, т. 14, с. 25

Большая часть буржуазной интеллигенции живет с теми и кормится около тех, кого потянуло прочь от политики. Лишь немногие интеллигенты идут в кружки пропагандистов рабочей партии, которые по опыту знают *«волчий голод»* народных масс на политическую книжку, газету и на социалистическое знание. Но, конечно, такие интеллигенты идут если не на геройскую смерть, то действительно на геройскую каторжную жизнь плохо оплачиваемого, полуголодного, вечно переутомленного, издерганного до невозможности партийного «рядовика». Вознаграждением *такой* интеллигенции служит то, что она избавилась от навозных куч «общества» и забыла думать о равнодушии *ее* аудитории к общественно-политическим вопросам. А ведь «интеллигент», не умеющий найти себе неравнодушной к этим вопросам аудитории, так же похож на «демократа» и на интеллигента в хорошем смысле слова, как продавшаяся за деньги в законный брак женщина похожа на любящую жену. И здесь и там — простые разновидности официально-благоприличной и вполне легальной проституции.

Дума и русские либералы, т. 15, с. 252

Тесные связи с молодыми солдатами дают возможность союзам молодежи вести среди солдат широкую антимилитаристскую пропаганду. Делается это, главным образом, при помощи антимилитаристской литературы, которую союзы молодежи издают и распространяют в громадном количестве, особенно во Франции, в Бельгии, а также в Швейцарии, Швеции и пр...

Особенно много внимания уделяется новобранцам. Им устраивают торжественные проводы. Во время рекрутского набора по го-

роду ходят процессии. Так, например, в Австрии рекруты, одетые в траур, под звуки похоронного марша проходят через весь город. Впереди них едет разукрашенная красным повозка. На стенах всюду расклеиваются красные афиши, на которых крупными буквами напечатано: «Вы не станете стрелять в народ!» В честь рекрутов устраиваются вечеринки, на которых говорятся горячие антимилитаристские речи. Одним словом, делается все, чтобы пробудить сознание рекрута, чтобы застраховать его от зловредного влияния тех идей и чувств, которые будут ему всеми правдами и неправдами внушать в казарме.

Антимилитаристская пропаганда и союзы социалистической рабочей молодежи, т. 16, с. 116—117

Возможны условия, когда академическое движение принижает политическое или раздробляет его или отвлекает от него, и — тогда социал-демократические группы студентов, конечно, обязаны были бы сосредоточить свою агитацию против такого движения. Всякий видит, однако, что объективные политические условия данного момента иные: академическое движение выражает *начало* движения новой «смены» учащейся молодежи, которая более или менее привыкла уже к узенькой автономии, причем начинается это движение в обстановке отсутствия других форм массовой борьбы в данный момент, в обстановке затишья, когда широкие массы продолжают *переваривать* опыт трех лет революции все еще молча, сосредоточенно, медленно.

При таких условиях социал-демократия сделала бы глубокую ошибку, если бы она высказалась «против академического выступления».

Студенческое движение и современное политическое положение, т. 17, с. 217

Известный сборник «Вехи» [26], составленный влиятельнейшими к.-д. публицистами, выдержавший в короткое время несколько изданий, встреченный восторгом всей реакционной печати, представляет из себя настоящее знамение времени. Как бы ни «исправляли» к.-д. газеты слишком бьющие в нос отдельные места «Вех», как бы ни отрекались от них отдельные кадеты, совершенно бессильные повлиять на политику всей к.-д. партии или задающиеся целью обмануть массы насчет истинного значения этой политики,— остается несомненный факт, что *«Вехи» выразили несомненную суть современного кадетизма*. Партия кадетов есть партия «Вех».

Ценя выше всего развитие политического и классового сознания масс, рабочая демократия должна приветствовать «Вехи», как великолепное разоблачение идейными вождями кадетов сущности их политического направления. «Вехи» написаны господами: Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном, Кистяковским, Струве, Франком и Изгоевым. Одни уж эти имена известных депутатов, известных ренегатов, известных кадетов говорят достаточно много за себя. Авторы «Вех» выступают как настоящие идейные вожди целого общественного направления, давая в сжатом наброске целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии. Назвав «Вехи» «сборником статей о русской интеллигенции», авторы сузили этим подзаголовком действительную тему своего выступления, ибо «интеллигенция» выступает у них на деле в качестве духовного вождя, вдохновителя и выразителя всей русской демократии и всего русского освободительного движения. «Вехи» — крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями.

I

Энциклопедия либерального ренегатства охватывает три основные темы: 1) борьба с идейными основами всего миросозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих «ливрейных» чувств (и соответствующей «ливрейной» политики) по отношению к октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще.

Авторы «Вех» начинают с философских основ «интеллигентского» миросозерцания. Красной нитью проходит через всю книгу решительная борьба с материализмом, который аттестуется не иначе, как догматизм, метафизика, «самая элементарная и низшая форма философствования»...

Вполне естественно, что, стоя на этой точке зрения, «Вехи» неустанно громят атеизм «интеллигенции» и стремятся со всей решительностью и во всей полноте восстановить религиозное миросозерцание. Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, «Вехи» уничтожают Белинского, как публициста. Белинский, Добролюбов, Чернышевский — вожди «интеллигентов» (134, 56, 32, 17 и др.). Чаадаев, Владимир Соловьев, Достоевский — «вовсе не интеллигенты». Первые — вожди направления,

с которым «Вехи» воюют не на живот, а на смерть. Вторые «неустанно твердили» то именно, что твердят и «Вехи», но «их не слушали, интеллигенция шла мимо них», гласит предисловие к «Вехам».

Читатель уже может видеть отсюда, что не на «интеллигенцию» нападают «Вехи», это только искусственный, запутывающий дело, способ выражения. Нападение ведется по всей линии против демократии, против демократического миросозерцания. А так как идейным вождям партии, которая рекламирует себя, как «конституционно-демократическую», неудобно назвать вещи их настоящими именами, то они позаимствовали терминологию у *«Московских Ведомостей»* [27], они отрекаются не от демократии,— (какая недостойная клевета!),— а только от «интеллигентщины».

Письмо Белинского к Гоголю [28], вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения» (56). «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар» (82).

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?

«Московские Ведомости» всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только «интеллигентское настроение».

Программа «Вех» и «Московских Ведомостей» одинакова и в философии, и в публицистике. Но в философии либеральные ренегаты решились сказать всю правду, раскрыть *всю* свою программу (война материализму и материалистически толкуемому позитивизму; восстановление мистики и мистического миросозерцания), а в публицистике они виляют, вертятся, иезуитничают. Они порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями, но делают вид, что рвут только с «интеллигентщиной». Либеральная буржуазия решительно повернула от защиты прав народа к защите учреждений, направленных против народа. Но либеральные политиканы желают сохранить название «демократов».

Тот же самый фокус, который проделали над письмом Белинского к Гоголю и над историей русской публицистики, проделывается над историей недавнего движения.

II

В действительности нападение ведется в «Вехах» только на такую интеллигенцию, которая была выразителем демократического движения, и только за то, в чем она проявила себя, как настоящий участник этого движения. «Вехи» с бешенством нападают на интеллигенцию именно за то, что эта «маленькая подпольная секта вышла на свет божий, приобрела множество последователей и на время стала идейно-влиятельной и даже реально могущественной» (176). Либералы сочувствовали «интеллигенции» и тайком поддерживали иногда ее, *пока* она оставалась *только* маленькой подпольной сектой, пока она не приобрела множество последователей, пока она не становилась реально могущественной; это значит: либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс, ибо без вовлечения масс она только служила своекорыстным целям либерализма, она только помогала верхам либеральной буржуазии пододвинуться к власти...

«Надо иметь, наконец, смелость сознаться,— пишет ренегат Изгоев,— что в наших Государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков к.-д. и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России» (208). Ну, разумеется, где же мужицким депутатам трудовикам или каким-то рабочим браться за такое дело. Для этого нужно большинство к.-д. и октябристов, а для такого большинства нужна III Дума...

А чтобы народ и народопоклонники понимали свою «ответственность» перед вершителями дел в III Думе и в третьедумской России, для этого нужно проповедовать народу — вместе с Антонием Волынским — «покаяние» («Вехи», 26), «смирение» (49), борьбу с «гордыней интеллигента» (52), «послушание» (55), «простую, грубую пищу старого моисеева десятословия» (51), борьбу с «легионом бесов, вошедших в гигантское тело России» (68). Если крестьяне выбирают трудовиков, а рабочие — социал-демократов, это, разумеется,— именно такое бесовское наваждение, ибо, собственно говоря, по натуре своей, как давно уже открыли Катков и Победоносцев, народ питает «ненависть к интеллигенции» (87; читай: к демократии).

Русские граждане должны поэтому — научают нас «Вехи» — «благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас («интеллигентов») от ярости народной» (88).

Эта тирада хороша тем, что откровенна,— полезна тем, что вскрывает правду относительно действительной сущности политики всей к.-д. партии за всю полосу 1905—1909 годов. Эта тирада хороша тем, что вскрывает в краткой и рельефной форме весь дух «Вех». А «Вехи» хороши тем, что вскрывают весь дух *действительной* политики русских либералов и русских кадетов, в том числе. Вот почему кадетская полемика с «Вехами», кадетское отречение от «Вех» — одно сплошное лицемерие, одно безысходное празднословие. Ибо на деле кадеты, как коллектив, как партия, как общественная сила, вели и ведут *именно* политику «Вех». Призывы идти в булыгинскую Думу в августе и сентябре 1905 года, измена делу демократии в конце того же года, систематическая боязнь народа и народного движения и систематическая борьба с депутатами рабочих и крестьян в обеих первых Думах, голосование за бюджет, речи Караулова о религии и Березовского об аграрном вопросе в III Думе, поездка в Лондон,— все это бесчисленные *вехи* именно той, именно *такой* политики, которая идейно провозглашена в «Вехах».

Русская демократия не может сделать ни шага вперед, пока она не поймет сути этой политики, не поймет ее классовых корней.

О «Вехах», т. 19, с. 167—171, 174—175

Позорно знаменитая книга «Вехи», имевшая громадный успех среди либерально-буржуазного общества, насквозь пропитанного ренегатскими стремлениями, вызвала недостаточный отпор и недостаточно глубокую оценку в лагере демократии.

Отчасти это произошло потому, что время успехов «Вех» совпало с таким временем, когда «открытая» печать демократии была почти совсем придушена.

Теперь г. Щепетев в «Русской Мысли»[29] (август) выступает с подновленным изданием «веховщины»...

Общее принципиальное рассуждение г. Щепетева заслуживает воспроизведения полностью:

«До сих пор, особенно в кругах, причастных к революции, гуманитарные и альтруистические чувства слишком уже подавляли запросы личности и часто в ущерб общему прогрессу и культурному развитию всей нашей страны. Стремление к «общественной пользе» и к «благу всего народа» заставляло слишком уж забывать о себе, о своих личных потребностях и запросах, забывать настолько, что самые общественные чувства и стремления не могли быть реализованы в виде положительной (!!) творческой и вполне сознательной работы, а фатально приводили к пассивным формам самопожертвования. Да и не только специально в этой области, а и в сфере самых обыденных отношений запросы личности постоянно и всячески угнетались, с одной стороны, «больной совестью», доводившей часто до гипертрофиче-

ских размеров эту жажду подвига и самопожертвования, с другой — недостаточной оценкой самой жизни, обусловленной низким уровнем нашей культуры. А в результате — постоянная раздвоенность, постоянное сознание неправильности и даже «греховности» своей жизни, постоянное стремление принести себя в жертву, пойти на помощь неимущим и обездоленным, пойти, наконец, «в стан погибающих» — факт, получивший такое полное и такое яркое отражение в нашей литературе.

Ничего подобного нельзя встретить в воззрениях и нравах французского народа...»

Это — продолжение и повторение «Вех». Еще и еще раз можно и должно убедиться на примере этого рассуждения, что «Вехи» только, по-видимому, воюют с «интеллигенцией», что на деле они *воюют с демократией*, отрекаются целиком от демократии...

«Споры» с веховцами, «полемика» с ними гг. Гредескулов, Милюковых и пр. есть только отвод глаз, только лицемерное прикрытие глубокой принципиальной солидарности всей партии к.-д. с «Вехами». Разве можно, в самом деле, «спорить» с основными положениями приведенной цитаты? Разве можно оставаться в одной партии с людьми таких взглядов, не неся *полной* ответственности за эту проповедь решительного отречения от элементарнейших принципов всякой демократии?

Вопрос затемняют те, кто соглашается ставить его à la * «Вехи» в терминах противоположения «индивидуализма» «альтруизму» и т. п. Политический смысл этих фраз яснее ясного: это — поворот *против* демократии, это — поворот к *контрреволюционному* либерализму.

Надо понять, что этот поворот не случайность, а результат классового положения буржуазии. Надо сделать отсюда необходимые политические выводы относительно ясного размежевания демократии от либерализма. Без сознания этих истин, без их широкого распространения в массе населения не может быть и речи ни о каком серьезном шаге вперед.

Еще один поход на демократию, т. 22, с. 82, 91—93

В «Интернационале Молодежи»[30] помещен ряд хороших статей в защиту революционного интернационализма, и все издание проникнуто превосходным духом горячей ненависти к изменникам социализма, «защищающим отечество» в настоящей войне, самым искренним стремлением к очищению международного рабочего движения от разъедающих его шовинизма и оппортунизма.

Разумеется, теоретической ясности и твердости в органе молодежи *еще* нет, а может быть, и никогда не будет именно потому,

---

* — в духе, на манер. *Ред.*

что это — орган кипящей, бурлящей, ищущей молодежи. Но к недостатку теоретической ясности *таких* людей надо относиться совсем иначе, чем мы относимся — и должны относиться — к теоретической каше в головах и к отсутствию революционной последовательности в сердцах наших «окистов», «социал-революционеров», толстовцев, анархистов, всеевропейских каутскианцев («центра») и т. п. Одно дело — сбивающие пролетариат с толку взрослые люди, претендующие на то, чтобы вести и учить других: с ними необходима *беспощадная* борьба. Другое дело — организации *молодежи*, которые открыто заявляют, что они еще учатся, что их основное дело — готовить работников социалистических партий. Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и путем преимущественно *убеждения*, а не борьбы. Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых *не умеют* подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе*, не *тем* путем, *не в той форме*, *не в той* обстановке, как ее отцы. Поэтому, между прочим, *за организационную самостоятельность* союза молодежи мы должны стоять безусловно *и не только* вследствие того, что этой самостоятельности боятся оппортунисты, а и по существу дела. Ибо без полной самостоятельности молодежь *не сможет* ни выработать из себя хороших социалистов ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм *вперед*.

За полную самостоятельность союзов молодежи, но и за полную свободу товарищеской критики их ошибок! Льстить молодежи мы не должны.

Интернационал молодежи (Заметка), т. 30, с. 225—226

4. БОРЬБА МАРКСИСТОВ ПРОТИВ «КУЛЬТУРНИЧЕСТВА» И «КУЛЬТУРНОГО» КАПИТАЛИЗМА

Борьба с самодержавием... проявляется в разных «формах»: одна форма — это борьба революционная, нелегальная, другая форма — это вообще «борьба за политический и общественный прогресс», т. е., другими словами, мирная, легальная деятельность, насаждающая культуру в рамках, дозволенных самодержавием. Мы нисколько не сомневаемся в том, что и при самодержавии возможна легальная деятельность, двигающая вперед российский прогресс: в некоторых случаях довольно быстро двигающая прогресс технический, в немногих случаях весьма незначительно — прогресс общественный, в совершенно исключительных случаях и в совершенно миниатюрных размерах — прогресс политический. Можно спорить о том, насколько именно велик и насколько возможен этот миниатюрный прогресс, насколько единичные случаи такого прогресса способны парализовать то массовое политическое развращение населения, которое производится самодержавием повсюду и постоянно. Но подводить, хотя бы и косвенно, мирную легальную деятельность под понятие борьбы с самодержавием — значит содействовать этому развращению, значит ослаблять и без того бесконечно слабое в русском обывателе сознание своей ответственности, как гражданина, за *все*, что делает правительство.

К сожалению, г. Р. Н. С. не одинок среди нелегальных писателей, пытающихся стереть разницу между революционной борьбой и мирным культурничеством.

Гонители земств и Аннибалы либерализма, т. 5, с. 58

...Для всего русского общества, с его зачаточным (сравнительно) развитием классовых антагонизмов, с его политической девственностью, с его забитостью и придавленностью громадных и громаднейших масс населения полицейским деспотизмом, характерны именно такие шесть групп: реакционеры, равнодушные, *культурники*, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы.

Вместо «академистов» я поставил здесь «культурников», т. е. сторонников легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия. Такие культурники есть во всех слоях русского общества, и везде они, подобно студенческим «академистам», ограничиваются маленьким кругом профессиональных интересов, улучшением данных отраслей народного хозяйства или государственного и местного управления, везде они боязливо сторонятся «политики», не различая (как не различают академисты) «политиков» различных направлений и называя политикой все и вся, относящееся до... формы правления. Слой культурников всегда являлся и является поныне широким основанием нашего либерализма: в «мирные» времена (т. е., в переводе на «русский» язык, во времена политической реакции) понятия культурника и либерала почти совершенно сливаются, да даже и в военные времена, во времена подъема общественного настроения, во времена растущего натиска на самодержавие, различие между этими понятиями нередко остается смутным. Русский либерал, даже когда он выступает перед публикой в свободном заграничном издании с прямым и открытым протестом против самодержавия, все ж таки не перестает чувствовать себя больше всего культурником и нет-нет, а примется рассуждать по-рабьи, или, если хотите, по-легальному, по-лояльному, по-верноподданнически: зри «Освобождение» [31].

Задачи революционной молодежи. Письмо первое, т. 7, с. 343—344

Вся масса русской легальной, культурнической интеллигенции, все старые русские социалисты, все деятели типа освобожденцев совершенно игнорировали и игнорируют глубину классовых противоречий в России вообще и в русской деревне в особенности. Даже крайняя левая русской радикальной интеллигенции, партия социалистов-революционеров, грешит больше всего таким же игнорированием...

Самодержавие и пролетариат, т. 9, с. 132

Буржуазно-демократическая сущность русского интеллигентского движения, начиная от самого умеренного, культурнического, и кончая самым крайним, революционно-террористическим, стала выясняться все более и более, одновременно с появлением и развитием пролетарской идеологии (социал-демократии) и массового рабочего движения. Но рост этого последнего сопровождался расколом среди социал-демократов. Ясно обнаружилось революцион-

ное и оппортунистическое крыло социал-демократии, выражавшие первое — пролетарские, второе — интеллигентские тенденции нашего движения.

Рабочая и буржуазная демократия, т. 9, с. 180

Интеллигентные буржуа прекрасно знают, что рабочего движения им не избыть. Они поэтому выступают вовсе не против рабочего движения, вовсе не против классовой борьбы пролетариата,— нет, они даже расшаркиваются всячески перед свободой стачек, культурной классовой борьбой, понимая рабочее движение и классовую борьбу в брентановском или гирш-дункеровском смысле. Другими словами, они вполне готовы «уступить» рабочим (фактически уже почти отвоеванную самими рабочими) свободу стачек и союзов, лишь бы рабочие отказались от «бунтарства», от «узкого революционизма», от вражды к «практически-полезным компромиссам», от претензий и стремлений наложить на «всенародную русскую революцию» печать *своей* классовой борьбы, печать пролетарской последовательности, пролетарской решительности, «плебейского якобинизма». Интеллигентные буржуа во всей России тысячами способов и путей,— книгами, лекциями, речами, беседами и пр., и пр.— стараются поэтому изо всех сил внушить рабочим идеи (буржуазной) трезвенности, (либеральной) практичности, (оппортунистического) реализма, (брентановской) классовой борьбы, (гирш-дункеровских) профессиональных союзов [32] и пр. Два последние лозунга особенно удобны для буржуев «конституционно-демократической» или «освобожденской» партии, ибо по внешности они совпадают с марксистскими, ибо при маленьком умолчании и небольшом извращении их легко смешать с социал-демократическими, даже иногда выдать за социал-демократические.

Две тактики социал-демократии в демократической революции, т. 11, с. 110

...При теперешней напряженности борьбы нет и не может быть такого массового пассивного сопротивления, которое не переходило бы непосредственно в активное наступление. Г-н Струве вполне прав, говоря, что такой культурный способ борьбы (в противоположность, изволите ли видеть, способу чисто революционному, наступательному) уместен только против культурного, конституционного правительства. Кто усомнится хоть на минуту в том, что столыпинская банда двинет свои карательные экспедиции при пер-

вых же признаках массового неплатежа податей и массовой недачи рекрутов. А кто остановит тогда население от перехода к обороне, к активному наступлению с оружием в руках?

К итогам кадетского съезда, т. 14, с. 39—40

Почему помещики советуют крестьянам *оставить мысль* о расширении крестьянского землевладения? Депутат Святополк-Мирский объясняет: потому, что помещичьи хозяйства лучше устроены, чем крестьянские, «культурнее» крестьянских. Крестьяне, дескать, «серы, темны, невежественны». Им нельзя, изволите видеть, обойтись без руководства помещиков... Продолжайте в том же духе, господа! Вы прекрасно помогаете нам раскрывать глаза даже самым темным крестьянам!

Говорят: помещичьи хозяйства культурнее крестьянских... Крестьянам не обойтись без руководства помещиков!

А я скажу вам: вся история помещичьего землевладения и хозяйства в России, все данные о теперешнем помещичьем хозяйстве показывают, что помещичье *«руководство»* всегда означало и означает безмерные насилия над крестьянами, бесконечное надругательство над личностью крестьян и крестьянок, означает самую бессовестную, бесстыдную, нигде в мире невиданную эксплуатацию (по-русски это значит: ограбление) крестьянского труда. Такой задавленности и забитости, такой нищеты, как у русских крестьян, не найти не только в Западной Европе, но и в Турции.

Мой товарищ, Церетели, говорил уже о том, как раздавали населенные имения временщикам и любимчикам придворных «сфер». Я хочу остановить ваше внимание на вопросе о *хозяйстве,* затронутом депутатом Святополком-Мирским, который говорил о пресловутой «культуре» помещиков.

Знает ли этот депутат, что называют крестьяне *отработками или панщиной?* что называет экономическая наука *отработочным хозяйством?*

Отработочное помещичье хозяйство есть прямое наследие, прямой пережиток *крепостнического,* барщинного хозяйства помещиков...

Преобладание отработочного хозяйства... что это значит?

Это значит, что помещичья земля обрабатывается тем же крестьянским инвентарем, трудом разоренного, обнищалого, закабаленного крестьянина. Вот она какова, та «культура», о которой говорил депутат Святополк-Мирский и о которой говорят все защитники помещичьих интересов. У помещиков, конечно, лучший скот, которому живется в барской конюшне лучше, чем мужику

и крестьянской избе. У помещика, конечно, лучшие урожаи, потому что помещичьи комитеты еще в 1861 году позаботились отрезать лучшие земли от крестьян и записать их помещикам. Но о «культурности» хозяйства русских помещиков можно говорить только в насмешку. В массе имений *никакого* помещичьего хозяйства нет, а ведется то же крестьянское хозяйство, земля пашется обессиленной крестьянской лошадью, обрабатывается старым и плохим крестьянским инвентарем. Ни в одной стране в Европе не уцелело до сих пор это крепостническое хозяйство на крупных и крупнейших участках земли при помощи закабаленного крестьянина,— ни в одной, кроме России.

Помещичья «культура» есть сохранение помещичьего крепостничества. Помещичья культура есть ростовщичество по отношению к обнищавшему крестьянину, которого обирают, как липку, и кабалят за десятину земли, за выпас, за водопой, за лес, за пуд муки, данной в ссуду голодному мужику зимой за безбожные проценты, за рубль денег, выпрошенный крестьянской семьей...

И эти господа с правых скамей толкуют еще об эксплуатации крестьян евреями, о еврейских процентах! Да тысячи евреев-купцов не оберут так русского мужика, как обирают его истинно русские, православные помещики! Никакие проценты самого худшего ростовщика не сравняются с теми процентами, которые берет истинно русский помещик, который зимой нанимает мужика на летнюю работу или заставляет его за десятину земли платить и деньгами, и работой, и яйцами, и курами, и бог знает еще чем!

Это кажется шуткой, но эта горькая шутка слишком похожа на правду. Вот вам *фактический* пример того, что́ платит крестьянин за *одну* десятину земли (пример, взятый из известной книги Карышева о крестьянских арендах): за одну десятину крестьянин должен обработать $1^1/_2$ десятины, да принести 10 яиц и 1 курицу, да дать один женский рабочий день (см. стр. 348-ую книги Карышева).

Что это такое? «Культура» или самая бесстыдная крепостническая эксплуатация?

Вопиющую неправду говорят про крестьян, клевещут на крестьян те, кто хочет заставить Россию и Европу думать, будто наши крестьяне борются против культуры. Неправда! Русские крестьяне борются за свободу против *крепостнической* эксплуатации.

Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, т. 15, с. 128—129, 133—134

Адвокаты и профессора, делающие себе карьеру на парламентаризме, фарисейски осуждая подполье, восхваляют открытую деятельность партий, а на деле издеваются над демократическим принципом гласности и скрывают от публики различные политические тенденции в своей партии. Нужна вся близорукость коленопреклоненного перед Милюковым Плеханова, чтобы не видеть этого грубого, грязного, подкрашенного лаком культурности обмана демократии кадетами.

А судьи кто?, т. 16, с. 160

Мы можем только радоваться этой идейной эволюции русского либерализма. Ибо на деле этот либерализм *уже оказался* в русской революции как раз таким, каким хочет его сделать систематически, целостно, продуманно, «философски» г. Струве. Выработка последовательной контрреволюционной *идеологии* есть ключ, когда есть налицо уже вполне сложившийся и в важнейшие периоды жизни страны контрреволюционно действовавший класс. Соответствующая классовому положению и классовой политике буржуазии идеология поможет всем и каждому изжить остатки веры в «демократизм» кадетов. А эти остатки полезно изжить. Их необходимо изжить для того, чтобы можно было идти вперед в деле действительно массовой борьбы за демократизацию России.

Заказанная полицейски-патриотическая демонстрация, т. 16, с. 459

Для пролетариата переработка и критическое усвоение опыта революции должны состоять в том, чтобы научиться применять *тогдашние* методы борьбы *более успешно,* чтобы ту же октябрьскую стачечную и декабрьскую вооруженную борьбу сделать более широкой, более сосредоточенной, более сознательной. Для контрреволюционного либерализма, ведущего за собой на поводу ренегатствующую интеллигенцию, усвоение опыта революции должно состоять в том, чтобы навсегда отделаться от «наивной» порывистости «дикой» массовой борьбы, заменив ее «культурной, цивилизованной» *конституционной* работой на почве столыпинского «конституционализма».

К оценке русской революции, т. 17, с. 40—41

...Две исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19-го февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее. Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедовавшей удовлетворение «культурной» работой

и чуравшейся революционного подполья. Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов.

«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, т. 20, с. 176

Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной «передовой», образованной буржуазии. И чем выше развитие капитализма в данной стране, чем чище господство буржуазии, чем больше политической свободы, тем шире область применения «новейшего» буржуазного лозунга: реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти.

Реформизм в русской социал-демократии, т. 20, с. 305

Либералы ограничиваются тем, быть ли «культурному капитализму» или нет, быть ли «бурям» или нет. Марксист не позволяет ограничиваться этим, требуя разбора того, *какие классы, или слои классов,* в освобождающемся буржуазном обществе ведут ту или иную, конкретно определенную, линию этого освобождения, создания, например, тех или иных политических форм так называемого «культурного капитализма». Марксисты и во время «бурь» и во время заведомого отсутствия бури ведут принципиально отличную от либерализма линию создания истинно демократических, а не вообще «культурных» форм жизни. Мы все стремимся к «культурному капитализму», говорят, корча из себя надклассовую партию, либералы. Мы не то должны понимать под «культурой», о чем толкуют либералы,— говорят рабочим и всей демократии марксисты.

Манифест либеральной рабочей партии, т. 20, с. 399

В контрреволюционности либерализма одна из главных особенностей данного исторического момента. Кто не видит этой контрреволюционности «культурной» буржуазии, тот все забыл и ничему не научился, тот всуе приемлет имя демократа, не говоря уже о социалисте...

«Поддерживать» прогрессистов, видя в их «победах» «приближение к власти культурного буржуа», это — либеральная рабочая политика.

Мы, социал-демократы, видим в «победе» прогрессистов *косвенное* выражение демократического подъема. Использовать стычки прогрессистов с правыми надо, голый лозунг поддержки прогрессистов не годится. Наше дело — развивать демократический подъем, пестовать новую, по-новому растущую в новой России революционную демократию.

Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии, т. 21, с. 248, 250—251

Недавно умерший миллионер, издатель «Нового Времени», А. С. Суворин, историей своей жизни отразил и выразил очень интересный период в истории всего русского буржуазного общества.

Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути,— миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути. Разве это не типично для *массы* «образованных» и «интеллигентных» представителей так называемого общества? Не все, конечно, играют в ренегатство с такой бешеной удачей, чтобы становиться миллионерами, но девять десятых, если не девяносто девять сотых — играют именно такую же самую игру в ренегатство, *начиная* радикальными студентами, *кончая* «доходными местечками» той или иной службы, той или иной аферы.

Бедный студент, из-за недостатка средств не попадающий в университет; учитель уездного училища, служащий, кроме того, секретарем предводителя дворянства или дающий частные уроки у знатных и богатых крепостников; начинающий либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции,— вот чем *начал* Суворин в 50—60-х годах прошлого века.

Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству.

Либеральный журналист Суворин во время второго демократического подъема в России (конец 70-х годов XIX века) повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед власть имущими. Русско-турецкая война помогла этому карьеристу «найти себя» и найти свою дорожку лакея, награждаемого громадными доходами его газеты *«Чего изволите?»*.

«Новое Время» Суворина на много десятилетий закрепило за собой это прозвище *«Чего изволите?»*. Эта газета стала в России образцом продажных газет. «Нововременство» стало выражением, однозначащим с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство. «Новое Время» Суворина — образец бойкой торговли «на вынос и распивочно». Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями.

А теперь, после третьего демократического подъема в России (в начале XX века), сколько еще либералов повернуло по «веховской» дорожке, к национализму, к шовинизму, к оплевыванию демократии, к подхалимству перед реакцией!

Катков — Суворин — «веховцы», это все исторические этапы поворота русской либеральной буржуазии *от демократии к* защите реакции, к шовинизму и антисемитизму.

Сознательные рабочие закаляют свои убеждения, понимая неизбежность такого поворота буржуазии,— как и поворота трудящихся масс к идеям рабочей демократии.

Карьера, т. 22, с. 43—44

«Культурных хозяйств партия народной свободы без крайней необходимости никогда не желала разрушать»,— заявил г. помещик А. Е. Березовский, наверное считающий свое хозяйство «культурным». А мы спросим: *кто* будет определять, *чье* хозяйство и в каких частях «культурное» и где начинается «крайняя необходимость»? Ответ: это будут определять сначала комиссии из помещиков и крестьян *поровну*, а потом Государственный совет...

Что же? Демократическая ли партия кадеты или контрреволюционная партия либерально-монархической буржуазии? Партия ли это «народной свободы» или помещичьего успокоения?

Русская буржуазная демократия, т. е. трудовики и народники всех оттенков, сильно грешила тем, что ожидала от перехода помещичьей земли к крестьянам «уравнительности», распространения «трудовых принципов» и т. п., грешила и тем, что пустыми разговорами о разных «нормах» землевладения заслоняла вопрос о том, быть или не быть средневековому землевладению, но эта демократия помогала новому вытеснить старое, а не сочиняла проектов *сохранения* ряда привилегий за старым.

Нет, отрицать, что кадеты не демократическая партия, а партия контрреволюционной, либерально-монархической буржуазии, значит прямо-таки издеваться над общеизвестными фактами.

Кадеты и аграрный вопрос, т. 22, с. 54—55

Что же необходимо для того, чтобы десятки миллионов русских крестьян «удлинили свою национальную одежду», то есть, говоря без метафор, увеличили свое потребление, перестали быть нищими, стали, наконец, хоть сколько-нибудь людьми?

Сатрапы нашей промышленности отвечают пустой фразой: «общее культурное развитие страны», рост промышленности, городов и пр., «подъем производительности крестьянского труда» и т. п.

Пустое фразерство, жалкие отговорки! Более полвека *происходит* в России такое развитие, такой «подъем», происходит несомненно. За «культуру» распинаются *все* классы. На почву капитализма становятся *даже* черносотенцы и народники. Вопрос стоит давно иначе: *почему* это развитие капитализма и культуры идет у нас с черепашьею медленностью? почему мы отстаем все больше и больше? почему эта увеличивающаяся отсталость делает необходимою экстренную быстроту и «стачки»?

На этот вопрос, вполне ясный каждому сознательному рабочему, сатрапы нашей промышленности боятся ответить именно потому, что они — сатрапы. Они — не представители свободного и сильного капитала, вроде американского, а кучка монополистов, защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с теми именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым землевладением (миллионов в 70 десятин лучшей земли) и своим гнетом осуждают $^5/_6$ населения на нищету, а всю страну на застой и гниение.

Как увеличить размеры душевого потребления в России?, т. 23, с. 361

Раздел III

СОЦИАЛИЗМ И КУЛЬТУРА

1. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ОБЪЕКТИВНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

«САМОДЕРЖАВИЕ ДЕРЖАЛОСЬ... ЗАСТОЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ВСЯКОЙ ДРУГОЙ КУЛЬТУРЫ»

Остановимся хотя бы на тех «интеллигентах» (??), деятельность которых прямо относится к экономической области, на этих лесоводах, агрономах, техниках и т. д. Как в самом деле нужны эти люди деревне! Но только **КАКОЙ** деревне? — разумеется, деревне землевладельцев, деревне хозяйственных мужичков, имеющих «сбережения» и могущих платить за услуги всем этим ремесленникам, которых г. Кривенко изволит величать «интеллигентами». *Эта* деревня и в самом деле давно жаждет и техников, и кредита, и товарных складов — об этом свидетельствует вся экономическая литература. Но есть и другая деревня, гораздо более многочисленная, о которой не мешало бы почаще вспоминать «друзьям народа»,— деревня разоренного и оголенного, обобранного до нитки крестьянства, не имеющего не только «сбережений» для оплаты труда «интеллигентов», но даже и хлеба в таком количестве, чтобы не умереть с голоду.

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, т. 1, с. 259

В 1871 г. инструкция инспекторам народных училищ предоставляет им устранять от должности учителей, признаваемых неблагонадежными, и останавливать всякое решение училищного совета с предоставлением дела на разрешение попечителя. 25-го декабря 1873 г. Александр II в рескрипте на имя министра народного просвещения выражает опасение, что народная школа *при недостатке попечительного наблюдения* может быть обращаема *«в орудие нравственного растления народа, к чему уже и обнаружены некоторые попытки»*, и повелевает предводителям дворянства способствовать ближайшим своим участием обеспечению нравственного влияния этих школ. Затем в 1874 г. выходит новое Положение о народных училищах, отдающее всю силу заведования школами в руки директоров народных училищ.

Гонители земства и Аннибалы либерализма, т. 5, с. 38

Без разрешения чиновников, поставленных над нами без нашего согласия, как барин в старое время назначал бурмистра без согласия крестьян,— мы не смеем даже печатать газеты и книги, мы не смеем говорить перед всеми и для всех о делах всего государства!

Как крестьяне были рабами помещиков, так русский народ остается до сих пор рабом чиновников. Как крестьяне при крепостном праве не имели гражданской свободы, так русский народ не имеет до сих пор *политической* свободы. Политическая свобода означает свободу народа распоряжаться своими общенародными, государственными делами. Политическая свобода означает право народа выбирать своих гласных (депутатов) в Государственную думу (парламент). Все законы должны обсуждаться и издаваться, все налоги и подати назначаться только этой выбранной самим народом Государственной думой (парламентом). Политическая свобода означает право народа самому выбирать себе всех чиновников, устраивать всякие сходки для обсуждения всех государственных дел, издавать, без всяких разрешений, какие угодно книги и газеты.

Все остальные европейские народы давно уже завоевали себе политическую свободу...

Очень важное улучшение для всего народа, а для деревенской бедноты особенно, состоит в *даровом обучении* детей, которого требуют социал-демократы. В настоящее время в деревне гораздо меньше школ, чем в городах, и притом везде только богатые классы, только буржуазия имеет возможность давать детям хорошее образование. Только даровое и обязательное обучение *всех детей* может избавить народ хотя бы отчасти от теперешней темноты. А деревенская беднота особенно страдает от темноты и особенно нуждается в образовании. Но, конечно, нам нужно настоящее, свободное образование, а не такое, какого хотят чиновники и попы.

К деревенской бедноте, т. 7, с. 134—135, 172—173

Падение Порт-Артура подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны и которые будут обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо... Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же не-

обходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела,— того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией. Гроб повапленный — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности. События подтвердили правоту тех иностранцев, которые смеялись, видя, как десятки и сотни миллионов рублей бросаются на покупку и постройку великолепных военных судов, и говорили о бесполезности этих затрат при неумении обращаться с современными судами, при отсутствии людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники. Отсталыми и никуда не годными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия.

Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время.

Падение Порт-Артура, т. 9, с. 155—156

Самодержавие держалось вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоем экономической и всякой другой культуры. На этой почве беспрепятственно росло и лицемерно распространялось учение о «неразрывном единении царя с народом и народа с царем», учение о том, что самодержавная власть царя стоит выше всех сословий и классов народа, выше деления на бедных и богатых, что она выражает всеобщие интересы всего народа.

«Единение царя с народом и народа с царем», т. 11, с. 180—181

Следующую речь сказал тоже рабочий Измайлов, прошедший от крестьянской курии по Новгородской губернии (18 заседание, 29 марта 1907). Он отвечал своему земляку, крестьянину Богатову, соглашавшемуся на выкуп от имени новгородских мужиков. Из-

майлов с негодованием отверг выкуп. Он рассказал условия «освобождения» новгородских крестьян, получивших 2 млн. дес. из 10 млн. дес. земельных угодий и 1 млн. дес. из 6 млн. дес. лесу. Он описал нужду крестьян, дошедшую до того, что они не только «десятки лет сжигают в печах свои огорожи кругом хат», но «отпиливают углы у собственных изб», «из больших старинных изб делают маленькие для того только, чтобы при перестройке как-нибудь сэкономить охапку дров для топлива»... «Вот при таком-то положении наших крестьян господа правые заскучали о культуре. Мужик, вишь, заел по-ихнему культуру. Да разве до культуры голодному и холодному мужику? И вот вместо земли они хотели бы предложить ему эту культуру; но я и тут не доверяю им, я думаю, что они также согласятся продать свои земли, но только будут рядиться, чтобы мужик заплатил за землю подороже. И вот почему они соглашаются. По-моему — и крестьяне особенно должны это знать — дело вовсе не в земле, господа. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что за землей кроется что-то другое, другая какая-то сила, которую крепостники-дворяне боятся передать народу, боятся потерять вместе с землею, это, господа,— власть. Они передадут землю и хотят ее передать, но так, чтобы мы по-старому остались рабами у них. Если мы задолжаем, мы все-таки не выскребемся из власти помещиков-крепостников»... Трудно представить себе что-либо более рельефное и меткое, чем это разоблачение сущности кадетских планов рабочим!

Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, т. 16, с. 397—398

Теперь крестьян ограбили — посредством всех ухищрений, завоеваний и прогрессов цивилизации — ограбили так, что они пухнут от голода, едят лебеду, едят комья грязи вместо хлеба, болеют цингой и умирают в мучениях. А русские помещики, с Николаем II во главе, и русские капиталисты загребают деньги миллионами: владельцы увеселительных заведений в столицах говорят, что давно они так бойко не торговали. Давно не было такой наглой, разнузданной выставки роскоши, как теперь в больших городах.

Почему в России и только в России сохранились еще эти средневековые голодовки рядом с новейшим прогрессом цивилизации? Потому, что новый вампир — капитал — надвигается на русских крестьян при таких условиях, когда крестьяне связаны по рукам и ногам крепостниками-помещиками, крепостническим, помещичьим, царским самодержавием.

Голод, т. 21, с. 196—197

Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания,— такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а *неизбежна* при гнете помещиков, захвативших десятки и десятки миллионов десятин земли, захвативших и государственную власть как в Думе, так и в Государственном совете, да и не только в этих учреждениях, сравнительно еще *низших*...

Четыре пятых молодого поколения осуждены на безграмотность крепостническим государственным устройством России. Этому отуплению народа помещичьею властью соответствует безграмотность в России. Тот же правительственный «Ежегодник России» считает (на странице 88-ой), что в России грамотных всего 21% населения, а за вычетом (из населения) детей *до*школьного возраста, т. е. детей до 9 лет, всего 27%.

А в цивилизованных странах неграмотных нет вовсе, как в Швеции и в Дании, или неграмотных всего 1—2%, как в Швейцарии и в Германии. Даже отсталая Австро-Венгрия создала для своего славянского населения условия жизни *неизмеримо* более культурные, чем крепостническая Россия: в Австрии 39% неграмотных, в Венгрии 50%...

Россия *всегда* останется бедной и нищей в отношении расходов на просвещение народа, *пока* народ не просветится настолько, чтобы свергнуть с себя гнет крепостников-помещиков.

Россия бедна, когда речь идет о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в нетопленных и почти нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирках и преследованиях со стороны начальства. Россия бедна, чтобы платить честным работникам народного просвещения, но Россия очень богата, чтобы кидать миллионы и десятки миллионов на дворян-тунеядцев, на военные авантюры, на подачки сахарозаводчикам и нефтяным королям и тому подобное...

В 1870 году в Америке числилось 200 515 учителей с жалованием в 37,8 миллионов долларов, т. е. по 189 долларов или по *377 рублей* в год в среднем на учителя. Это было *сорок лет* тому назад! А теперь в Америке *523 210* учителей, а жалованья они получают 253,9 миллиона долларов, т. е. по 483 доллара или *по 966 рублей* в год на учителя. И в России, даже при теперешнем уровне ее производительных сил, было бы вполне возможно уже в настоящее время обеспечить не менее удовлетворительным жалованьем армию народных учителей, помогающих народу под-

няться из невежества, темноты и забитости,— если бы... если бы весь государственный строй России, снизу доверху был переделан в столь же демократический, как американский...

Если в Финляндии мы видим культуру, цивилизацию, свободу, грамотность, образованных женщин и так далее, то это *исключительно* потому, что в Финляндии *нет* такого «общественного бедствия», как российское правительство. Теперь хотят и Финляндии навязать это бедствие, и Финляндию сделать рабской страной. Не удастся вам это, господа!! Своими попытками насильно ввести политическое рабство в Финляндии вы только ускорите пробуждение от политического рабства народов России!..

Наконец, вот вам последняя цитата из речи моего свидетеля, г-на октябристского чиновника министерства народного просвещения, члена III (и IV) Думы Клюжева:

«За пятилетие 1906—1910 годов,— говорит г. Клюжев,— в казанском округе исключено со службы директоров средних учебных заведений и народных школ — 21, инспекторов народных училищ — 32, учителей городских училищ — *1054*, а перемещено тех и других *870* человек. Подумайте,— восклицал г. Клюжев,— как может спать спокойно наш учитель? Засыпая в Астрахани, он не уверен, что завтра не очутится в Вятке. Войдите в это психическое состояние загнанного, как заяц, педагога!».

Это восклицание не какого-нибудь «левого» учителя, а октябриста. Эти данные приведены служакой-чиновником. Это — *ваш* свидетель, господа правые, националисты и октябристы!! И этот «ваш» свидетель вынужден признать самый бесшабашный, самый бесстыдный, самый отвратительный произвол правительства в обращении с учителями!! Этот *ваш* свидетель, господа владыки IV Думы и Государственного совета, вынужден признать тот факт, что учителя в России *«загнаны»*, как зайцы, русским правительством!!

И, опираясь на этот факт, один из тысячи и тысяч подобных фактов русской жизни, мы спросим русский народ и все народы, населяющие Россию: для того ли нужно нам правительство, чтобы охранять привилегии дворян и чтобы *«загонять»* народных учителей? Не заслуживает ли это правительство того, чтобы народ его *выгнал?*

К вопросу о политике министерства народного просвещения (Дополнения к вопросу о народном просвещении), т. 23, с. 127, 129—130, 132, 134—135

За последнее время народное образование все же, несмотря на тысячи препятствий, растет и развивается быстрее, чем прежде. Знать правду о положении народного образования — прямой и насущнейший интерес народных масс вообще, рабочих в особенности.

Статистику народного образования было бы очень нетрудно поставить по-европейски. Каждый учитель и учительница легко могли бы сообщать ежегодно сведения и о каждом учащемся (возраст, национальность, условия семейной жизни, хозяйственное положение родителей и т. д.) и о каждом учащем (образование, размер получаемого жалованья, рабочий день, национальность и пр. и т. п.). Небольшое число статистиков, разрабатывая ежегодно такие данные, могло бы доставлять государству богатейший и ценнейший материал и об условиях воспитания и обучения молодого поколения, и о целом ряде сторон народной жизни...

Интересный съезд, т. 23, с. 288—289

Какая злободневная новость! Какая насущная нужда рабочих получает удовлетворение! Дешевое мясо для народа — где? что? как?

В Москве при городских бойнях открыт «фрейбанк», т. е. лавка для продажи дешевого, обезвреженного, условно-годного мяса. Так сообщило «Русское Слово» [33]...

Вываренное, обезвреженное мясо, от которого не помрешь, а животом намаешься — это как раз для народа. Настоящее мясо народу не по карману.

Говорят, чем тщательнее ветеринарный надзор, тем больше бракуется мяса. «Таким образом,— заключает «Русское Слово»,— население с двух сторон заинтересовано в тщательности надзора: средние классы в том, чтобы с боен в продажу поступало здоровое мясо; беднота — чтобы больше браковалось скота и чтобы фрейбанк вполне был обеспечен мясом».

Вот в какое культурное и человеколюбивое время мы живем: «с двух сторон» научились «заинтересовывать» население. И какая «свобода» для дешевого мяса: ведь «фрейбанк» значит по-немецки «свободная лавка».

Культура, свобода, дешевизна продуктов, оживление торговли — все для народа!..

Увидите надпись: «народная библиотека» — вы можете торжествовать. Будет дешевая, а то и бесплатная брошюра, изданная союзом русского народа [34] или всероссийским клубом националистов, под врачебным надзором духовной цензуры...

Культура, свобода, дешевизна продуктов, оживление торговли — все для народа!

Дешевое мясо — для «народа», т. 23, с. 293, 294—295

Всероссийская школьная перепись 18 января 1911 года дает возможность,— несмотря на крайне плохую обработку данных,— приоткрыть чуточку завесу казенной тайны.

Данные есть пока только о петербургском учебном округе,— отдельно по городам и селениям. Посмотрим, на основании этих данных, что представляют из себя наши *церковно-приходские* школы.

В городах числилось 329 городских одноклассных училищ, 139 частных III разряда и 177 церковно-приходских одноклассных. Сравним среднее жалованье учительницам (число учителей совсем невелико): — в городских школах — 924 рубля в год, в частных — 609, в церковно-приходских — *302 рубля.*

Нищие, голодные учительницы — вот что такое наши церковно-приходские школы.

Посмотрим, как велик процент учащих с высшим и средним светским общим образованием. В городских школах — 76 проц., в частных — 67 проц., в церковно-приходских — 18 проц.!

Необразованные учительницы (о законоучителях пока нет речи) — вот что такое наши церковно-приходские школы.

В деревнях имеем 3545 земских одноклассных школ и 2506 церковно-приходских одноклассных. В первых среднее жалованье учительниц 374 рубля в год, во вторых — *301 рубль.*

В первых процент образованных учителей (учащих вообще) — 20 проц., *во вторых* — 2,5 проц.— опять-таки не считая законоучителей.

Можно видеть по этим данным, до чего жалко положение церковно-приходских школ!

Перепись собрала также данные о том, сколько приходится в среднем на одного учащегося квадратных аршин пола и кубических аршин воздуха — т. е. о тесноте школ.

В земских школах имеется 2,6 кв. аршина пола и 10,1 куб. аршина воздуха, в церковно-приходских — 2,4 кв. аршина пола и 9,6 куб. аршина воздуха.

Площадь пола должна быть в 6 раз больше световой площади окон. На деле она больше в 9 раз, т. е. школы не только тесны, но и *темны.*

Разумеется, эти данные крайне скудны. Министерство изо всех сил постаралось, чтобы подробных, точных, полных данных о нищенском положении наших школ *не* было собираемо.

И все же жалкое, нищенское положение церковно-приходских школ выступает даже из неполных, казенно-урезанных, плохо обработанных данных.

Одна из насущных задач представителей культурно-просветительных и профессиональных рабочих организаций на предстоя-

щем Всероссийском съезде по народному образованию — поставить всесторонне вопрос и всесторонне осветить вопрос о положении нашей школы и школьного учителя.

О наших школах, т. 24, с. 239—240

Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем, что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания и который погибнет неминуемо и скоро, как бы чудовищно зверски ни были проявления его предсмертного неистовства.

Пророческие слова, т. 36, с. 478

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ «СООБРАЗНО ОРИГИНАЛЬНЫМ ЧЕРТАМ ЕЕ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ, КУЛЬТУРЫ...»

Нет ни одного социалиста, товарищи, который не признавал бы той очевидной истины, что между социализмом и капитализмом лежит долгий, более или менее трудный переходный период диктатуры пролетариата, и что этот период в своих формах будет во многом зависеть от того, преобладает ли мелкая собственность или крупная, мелкая культура или крупная. Понятно, что переход к социализму в Эстляндии, в этой маленькой, поголовно грамотной стране, состоящей из крупных сельских хозяйств, не может походить на переход к социализму в стране по преимуществу мелкобуржуазной, какой является Россия. С этим надо считаться.

Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11 (24) января, т. 35, с. 263—264

Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию...

Мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России — стране Николая и Распутина, когда громадной части населения было совершенно все равно, какие там народы на окраинах живут, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко, это значило — перышко поднять.

А начать без подготовки революцию в стране, где развился капитализм, дал демократическую культуру и организованность последнему человеку,— неправильно, нелепо.

Седьмой Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального Комитета 7 марта, т. 36, с. 10, 15—16

Мы знаем, что там, на Западе, против трудящихся стоит не гнилой режим Романова и пустых хвастунов, а поголовно организованная буржуазия, опирающаяся на все завоевания современной культуры и техники. Вот почему нам революцию было так легко начать и труднее продолжать, и вот почему там, на Западе, революцию труднее начать, но будет легче продолжать.

Речь на II Всероссийском съезде комиссаров труда 22 мая 1918 г., т. 36, с. 366—367

Вся тяжесть русской революции состоит в том, что русскому революционному рабочему классу было гораздо легче начать, чем другим западноевропейским классам, но нам труднее продолжать. Там, в западноевропейских странах, начать революцию труднее, потому что против революционного пролетариата стоит высшая мысль культуры и рабочий класс находится в культурном рабстве.

IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 27 июня — 2 июля 1918 г. Доклад о текущем моменте 27 июня, т. 36, с. 440

Для продолжения работы строительства социализма, для доведения ее до конца требуется еще очень и очень многое. Советские республики стран более культурных, с большим весом и влиянием пролетариата, имеют все шансы обогнать Россию, раз они встанут на путь диктатуры пролетариата.

Третий Интернационал и его место в истории, т. 38, с. 307

В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общест-

венного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти могут касаться только не самого главного.

Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, т. 39, с. 272

Большинство народов Востока находится в худшем положении, чем самая отсталая в Европе страна — Россия, но нам удалось соединить в борьбе против остатков феодализма и капитализма русских крестьян и рабочих, и наша борьба так легко прошла потому, что против капитала и феодализма соединились крестьяне и рабочие. Здесь связь с народами Востока особенно важна, потому что большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы,— не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета...

Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекоммунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача, но она особенно благодарна, потому что в борьбу втягивается та масса, которая еще не участвовала в борьбе, а с другой стороны, благодаря организации коммунистических ячеек на Востоке, вы получаете возможность осуществить теснейшую связь с III Интернационалом. Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока. В маленьких размерах мы осуществили в нашей стране то, что в большом размере, в больших странах осуществите вы...

Само собой понятно, что окончательно может победить только пролетариат всех передовых стран мира, и мы, русские, начинаем то дело, которое закрепит английский, французский или немецкий пролетариат; но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс всех угнетенных колониальных народов, и в первую голову народов Востока. Мы должны себе дать отчет в том, что один авангард не может осуществить перехода к коммунизму. Задача в том, чтобы пробудить революционную активность к самодеятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое

учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран.

Вот те задачи, решения которых вы не найдете ни в одной коммунистической книжке, но решение которых вы найдете в общей борьбе, которую начала Россия. Вам придется эту задачу поставить и решать ее самостоятельным опытом.

Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г., т. 39, с. 328—330

Но, проделывая везде однородную, по сути дела, подготовительную школу к победе над буржуазией, рабочее движение каждой страны совершает это развитие *по-своему*. Притом крупные, передовые капиталистические страны идут по этой дороге *гораздо более быстро,* чем большевизм, получивший от истории пятнадцатилетний срок на подготовку его, как организованного политического течения, к победе...

Все дело теперь в том, чтобы коммунисты каждой страны вполне сознательно учли как основные принципиальные задачи борьбы с оппортунизмом и «левым» доктринерством, так и *конкретные особенности,* которые эта борьба принимает и неизбежно должна принимать в каждой отдельной стране, сообразно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры, ее национального состава (Ирландия и т. п.), ее колоний, ее религиозных делений и т. д. и т. п.

Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. 41, с. 76

При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. При ином уровне культуры можно было бы решить задачу прямее,— и, может быть, другие страны так ее и решат, когда придет время строения их коммунистических республик. Но мы прямым путем не можем решать вопрос...

После решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи — задачи культурные, которые можно назвать «маленькими делами». Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией...

Пора, когда надо было политически рисовать великие задачи, прошла, и наступила пора, когда их надо проводить практически.

Теперь перед нами задачи культурные, задачи переваривания того политического опыта, который должен и может претвориться в жизнь. Либо гибель всех политических завоеваний Советской власти, либо подведение под них экономического фундамента. Этого нет сейчас. Именно за это надо взяться.

Задача подъема культуры — одна из самых очередных.

Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., т. 44, с. 168—169

Главное, чего нам не хватает,— культурности, уменья управлять. Иллюстрация этого небольшими примерами. Экономически и политически *нэп* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда...

Разрыв между величием начатых осуществлением задач и нищетой, как материальной, так и культурной.

Письмо В. М. Молотову для пленума ЦК РКП(б) с планом политдоклада на XI съезде партии. 23 марта 1922 г., т. 45, с. 60—61

Надо считаться с тем, что в сравнении со всеми государствами, в которых теперь идет бешеная капиталистическая конкуренция, в которых — миллионы и десятки миллионов безработных, в которых капиталисты организуют своими силами могущественные капиталистические союзы, организуют поход на рабочий класс,— в сравнении с ними мы наименее культурны, производительные силы у нас развиты менее всех, работать мы умеем хуже всех. Это очень неприятно, может быть, что нам приходится в этом сознаться. Но я думаю, что именно потому, что мы таких вещей не прикрываем благовидными фразами и казенными восклицаниями, а сознаемся в них прямиком, именно потому, что мы все это сознаем и не боимся сказать с трибуны, что на исправление этого направлено больше сил, чем у любого из государств, мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали.

Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г., т. 45, с. 246—247

Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен.

Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тожественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству...

Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база).

О кооперации, т. 45, с. 375—377

Перелистывал эти дни записки Суханова о революции. Бросается особенно в глаза педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала...

Они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцом mutatis mutandis *, не иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения общего хода всемирной истории)...

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*

Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным.

Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?..

Что̀ если полная безвыходность положения, удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?..

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы...

Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?

Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу.

Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция.

О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова), т. 45, с. 378, 379—381

«В ВОПРОСАХ КУЛЬТУРЫ ТОРОПЛИВОСТЬ И РАЗМАШИСТОСТЬ ВРЕДНЕЕ ВСЕГО»

Мы превосходно знаем, что значит культурная неразвитость России, что делает она с Советской властью, в принципе давшей неизмеримо более высокую пролетарскую демократию, давшей образец этой демократии для всего мира,— как эта некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен, как мы все это знаем. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: наши законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало. Необходима масса работы воспитательной, организационной, культурной,— чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадной длительной работы.

VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Доклад о партийной программе 19 марта, т. 38, с. 165—166

Культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные. Нужно понять, что условия движения вперед теперь не те. Политически победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель. На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо

к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность.

Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., т. 44, с. 174—175

Всегда в истории великие политические перевороты требовали длинного пути на то, чтобы их переварить. Все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса. Иначе развитие и не могло идти в том обществе, которое было придавлено царями, помещиками, капиталистами. И эта часть работы, т. е. политический переворот, была выполнена нами так, что всемирное историческое значение этого дела бесспорно. Затем, за великим политическим переворотом встает, однако, другая задача, которую нужно понять: нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь... Нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурный экономический уровень... Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет, что это завоевание сделано, но в плоть и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий, и на нее нужно потратить огромные усилия. Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу.

IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря, т. 44, с. 326—327

5. *Учиться* у арендаторов и капиталистов.
   Сурьезная, *жестокая* наука.
6. *Подъем производства* во что бы то ни стало.

| Вы вне учреждений? Даже лучше, что вне. |

7. *Грамотность*. Ликвидация безграмотности, а не в эмпиреях и ликвидация комиссии по ликвидации. 19. VII. 1920. Позорный список отсталых губерний и уездов по части безграмотности.
8. *Повышение культуры*
   (после всякого великого политического переворота длительное время на «переваривание», на «усвоение», на обучение пользоваться, на доделку грубой топорной первоначальной постройки).

9. Повышение законности... научить бороться *культурно* за законность, ничуть не забывая границ законности в революции. Зло не в этом *теперь*, а в *тьме* беззаконий.
10. *Взятка* специально. Кто что сделал для борьбы с взяткой.
10 bis *. Бюрократизм и волокита.
11. Производственная пропаганда, выдвигание успехов хозяйства, *доступных* тотчас крестьянину, уменье выдвигать, пропагандировать, **следить** за успехом.
12. *Практические успехи строительства* хозяйства ——— в этом суть. Проверка всего этим.

План доклада на II Всероссийском съезде политпросветов, т. 44, с. 464—465

После политического переворота его надо долго (и тем дольше, чем больше мелких производителей, чем > безграмотных) *переваривать*.

Культурная и хозяйственная работа.

«Мелкие дела»? Да, в них *теперь* гвоздь...

Рост жажды ученья очень грубо и неточно выражается

	1920	1921	
изб-читален	34 тыс.	37	(+10%)
учащихся в профтехнических школах . . .	47 тыс.	95 тыс.	(+100%)
рабфаки (учащихся) .	17 тыс.	41 тыс.	(+143%).

План доклада о внутренней и внешней политике на IX Всероссийском съезде Советов, т. 44, с. 492

Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения «цивилизованного» (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось *«только»* одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. *«Только»* это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он

* — вторично. *Ред.*

приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего. Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения — вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д.,— без этого нам своей цели не достигнуть.

О кооперации, т. 45, с. 372

В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус.

И вот, в вопросе о госаппарате мы теперь из предыдущего опыта должны сделать тот вывод, что лучше бы помедленнее.

Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д. Иначе и не могло быть, конечно, в революционную эпоху и при такой головокружительной быстроте развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю...

Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.

Лучше меньше, да лучше, т. 45, с. 389—390

«...МОЖНО (И ДОЛЖНО) СТРОИТЬ КОММУНИЗМ ИЗ МАССОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА, ИСПОРЧЕННОГО ВЕКАМИ И ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ РАБСТВА...»

Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия* и *без подчинения*...

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*...

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделываются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество,— ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

Государство и революция, т. 33, с. 83, 96, 97

Капитализм нам оставляет в наследство, особенно в отсталой стране, тьму таких привычек, где на все государственное, на все казенное смотрят, как на материал для того, чтобы злостно его попортить. Эта психология мелкобуржуазной массы чувствуется на каждом шагу. И в этой области борьба очень трудна. Только организованный пролетариат может все выдержать.

Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Доклад об очередных задачах Советской власти, т. 36, с. 265

Мы не можем построить коммунизма иначе, как из материалов, созданных капитализмом, иначе, как из того культурного аппарата, который взращен буржуазной обстановкой и поэтому неизбежно бывает пропитан — раз речь заходит о человеческом материале, как части культурного аппарата — буржуазной психологией. В этом трудность построения коммунистического общества, но в этом же гарантия возможности и успешности его построения. Тем и отличается марксизм от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд.

Маленькая картинка для выяснения больших вопросов, т. 37, с. 409

Когда мы сбросили капиталистические учреждения, оказалось, что есть еще одна сила, которой держался капитализм,— это сила привычки. Чем решительнее мы сбросили все учреждения, которые капитализм поддерживали, тем яснее выступила другая сила, которая капитализм поддерживала,— сила привычки. Учреждение можно при удаче разбить сразу, привычку никогда, ни при какой удаче разбить сразу нельзя.

I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая, т. 38, с. 361

Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное, все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из

них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные.

Великий почин, т. 39, с. 20

Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно...

Капитализм неизбежно оставляет в наследство социализму, с одной стороны, старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремесленные различия между рабочими, с другой стороны, профсоюзы, которые лишь очень медленно, годами и годами, могут развиваться и будут развиваться в более широкие, менее цеховые, производственные союзы (охватывающие целые производства, а не только цехи, ремесла и профессии) и затем, через эти производственные союзы, переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых и всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*. К этому коммунизм идет, должен идти и *придет*, но только через долгий ряд лет. Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике...

Пока не исчезло совершенно мелкое хозяйство и мелкое товарное производство, до тех пор буржуазная обстановка, собственнические привычки, мещанские традиции будут портить пролетарскую работу как извне, так и извнутри рабочего движения... неизбежно во всех и всяческих областях общественной деятельности, на всех, без исключения, культурных и политических поприщах.

Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. 41, с. 27, 33, 103

После свержения царей, помещиков и капиталистов впервые только очищается поле для настоящей стройки социализма, для выработки новой общественной связи, новой дисциплины общего труда, нового всемирно-исторического уклада всего народного (а

зятем и международного) хозяйства. Это дело переработки самих нравов, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства, а вместе с ней всей той атмосферой грызни, недоверия, вражды, раздробленности, взаимоподсиживания, которая неминуемо порождается — и постоянно возрождается вновь — мелким обособленным хозяйством, хозяйством собственников при «вольном» обмене между ними...

Долой старые общественные связи, старые экономические отношения, старую «свободу» *(подчиненного капиталу)* труда, старые законы, старые привычки!

Будем строить новое общество!

...Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд.

Мы сдвинули с места глыбу неслыханной тяжести, глыбу косности, невежества, упорства в отстаивании привычек «свободной торговли» и «свободной» купли-продажи человеческой рабочей силы, как любого другого товара. Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые, заскорузлые привычки. Наши субботники за один год сделали громадный шаг вперед. Они еще бесконечно слабы. Нас этим не запугаешь. Мы видели, как «бесконечно слабая» Советская власть на наших глазах, нашими усилиями окрепла и стала превращаться в бесконечно могучую всемирную силу. Мы будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, улучшением, внедрением в нравы. Мы придем к победе коммунистического труда!

От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко Всероссийскому субботнику-маевке, т. 41, с. 107—109

...Таким же прикрашиванием капитализма и буржуазной демократии, таким же обманом рабочих является обычное у старых партий и старых вождей II Интернационала допущение мысли о том, будто большинство трудящихся и эксплуатируемых способно в обстановке капиталистического рабства, под гнетом буржуазии, который принимает бесконечно разнообразные формы, тем более утонченные и в то же время жестокие и беспощадные, чем культурнее данная капиталистическая страна,— способно выработать в себе полную ясность социалистического сознания, твердость социалистических убеждений и характера. На самом деле, только после того, как авангард пролетариата, поддержанный всем этим,

единственно революционным, классом или большинством его, свергнет эксплуататоров, подавит их, освободит эксплуатируемых от их рабского положения, улучшит их условия жизни немедленно на счет экспроприированных капиталистов, только после этого и в самом ходе острой классовой борьбы осуществимо просвещение, воспитание, организация самых широких трудящихся и эксплуатируемых масс вокруг пролетариата, под его влиянием и руководством, избавление их от эгоизма, раздробленности, пороков, слабости, порождаемых частной собственностью, превращение их в свободный союз свободных работников.

Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала, т. 41, с. 186

Мы в наследство от капитализма получили не только разрушенную культуру, не только разрушенные заводы, не только отчаявшуюся интеллигенцию, мы получили разрозненную, темную массу, одиночек-хозяев, мы получили неумение, непривычку к общей солидарной работе, непонимание того, что нужно поставить крест над прошлым.

Речь на торжественном заседании пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП(б) и МГСПС, посвященном 3-ей годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1920 г., т. 42, с. 5

С безграмотностью бороться должно, но одна грамотность также недостаточна, а нужна та культура, которая учит бороться с волокитой и взятками. Это — такая болячка, которую никакими военными победами и никакими политическими преобразованиями нельзя вылечить. По сути дела эту болячку нельзя вылечить военными победами и политическими преобразованиями, а можно вылечить только одним подъемом культуры.

Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., т. 44, с. 172

2. СОЦИАЛИЗМ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Демонстрация по поводу высылки Горького не удалась, но 18 числа произошла, без всякой подготовки, небольшая демонстрация студентов и «посторонних лиц» (как выражаются наши министры) перед домом генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова, со дня смерти которого минуло 17 ноября 40 лет. Представитель самодержавной власти в Москве был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства.

Начало демонстраций, т. 5, с. 370

...Национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что *роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что̀ это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!

Что делать?, т. 6, с. 25

Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли» [35]. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом.*

Памяти Герцена, т. 21, с. 261—262

История рабочей печати в России неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шли таким, а не другим каким-либо путем.

Освободительное движение в России прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время.

Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен. В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего *класса* из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» *сословия* не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» [36] Герцена во главе ее.

Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев,* образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору.

Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество. Оно никогда не могло, как общественное течение, отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева. Но Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм.

Эпоха 60-х и 70-х годов знает целый ряд начавших уже идти в «массы» бесцензурных произведений печати боевого демократического и утопически-социалистического содержания. А среди деятелей той эпохи виднейшее место занимают рабочие Петр Алексеев, Степан Халтурин и др. Но в общем потоке народничества пролетарски-демократическая струя не могла выделиться. Выделение ее стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа «Освобождение труда», 1883 г.) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—1896 годов).

...Рабочая печать в России имеет за собой почти вековую историю — сначала подготовительную, т. е. историю *не* рабочего, *не* пролетарского, а «общедемократического», т. е. буржуазно-демократического освободительного движения,— а затем свою собственную, двадцатилетнюю историю пролетарского движения, пролетарской демократии или социал-демократии.

Из прошлого рабочей печати в России, т. 25, с. 93—94, 100

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $^9/_{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы» [37]. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы» [38], так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями

революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины; — нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $^9/_{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $^9/_{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесчещивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами...

Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев.

О национальной гордости великороссов, т. 26, с. 107—110

Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации.

Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г. Заключительное слово перед закрытием съезда 18(31) января, т. 35, с. 289

Припомните, что писали прежние социалисты о будущей социалистической революции; сомнительно, чтобы можно было перейти к социализму, не учась у организаторов треста, ибо они занимались этим производством в крупном масштабе. Нам не нужно их учить социализму, нам нужно их экспроприировать, сломить их саботаж. Эти две задачи мы выполнили. Надо заставить их подчиниться рабочему контролю. И если наши критики из «левых коммунистов» упрекали нас в том, что мы в нашей

тактике не ведем к коммунизму, а движемся назад, то их упреки смешны: они забывают, что мы отстали с учетом и контролем, потому что очень трудно было сломить это сопротивление и повести к себе на службу буржуазию и ее техников и ее буржуазных специалистов. А их знания, их опыт и труд нам нужны, без них невозможно на деле взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и осталась как материальный базис социализма.

Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Доклад об очередных задачах Советской власти, т. 36, с. 262—263

Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Σ * = социализм.

Планы статьи «Очередные задачи Советской власти», т. 36, с. 550

Кооперация — огромнейшее культурное наследство, которым нужно дорожить и пользоваться.

И поэтому, когда нам в Совнаркоме приходилось подходить к вопросу о роли кооперации, мы подходили к этому вопросу очень осторожно, отлично понимая, как важно полностью использовать весь этот хорошо налаженный хозяйственный аппарат.

Речь на собрании уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива 26 ноября 1918 г., т. 37, с. 202

В буржуазном обществе массой трудящихся управляла буржуазия, при помощи тех или иных форм, более или менее демократических, управляло меньшинство, имущие, участвующие в капиталистической собственности, превратившие образование и науку, высший оплот и высший цвет капиталистической цивилизации, в орудия эксплуатации, в монополию, для того чтобы громадное большинство людей держать в рабстве. Переворот, который мы начали, который мы уже два года совершаем и который мы твердо решились довести до конца (аплодисменты),— этот переворот возможен и осуществим лишь при условии, что мы достигнем перехода власти к новому классу, что на месте буржуазии, капиталистических рабовладельцев, буржуазных интеллигентов, представителей всех имущих, всех собственников,— во

* — Summa — сумма, итог. *Ред.*

всей области управления, во все дело государственного строительства, во все дело руководства новой жизнью — с низов до верхов вступит новый класс...

Профессиональные союзы могут начать государственное экономическое строительство по-новому, опираясь на все созданное капиталистической культурой...

Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г., т. 37, с. 444—446

...Нельзя построить социализма, не используя остатка капитализма. Необходимо использовать все то, что против нас создал капитализм в смысле культурных ценностей. В этом трудность социализма, что его нужно строить из материалов, созданных чужими людьми, но только в этом возможность социализма, и мы все знаем это теоретически, а с тех пор как пережит этот год, мы убедились практически, что построить социализм можно только из того, что создано капитализмом против нас и что мы должны употребить все это на постройку социализма, на укрепление его.

Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов 17 января 1919 г., т. 37, с. 425

Советский аппарат значит, что трудящиеся объединены так, чтобы весом своего массового объединения раздавить капитализм. Они его и раздавили. Но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем...

У нас, в лучшем случае, есть наука агитатора, пропагандиста, человека, закаленного дьявольски тяжелой судьбой фабричного рабочего или голодного крестьянина,— наука, которая учит долго держаться, оказывать упорство в борьбе, что и спасало нас до сих пор; это все необходимо; но этого мало, с этим одним победить нельзя; чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру.

Успехи и трудности Советской власти, т. 38, с. 55, 58—59

Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм.

VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Отчет Центрального Комитета 18 марта, т. 38, с. 142

Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом,— только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную, крупнокапиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся,— только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему,— только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у «интеллигенции»,— только тот класс, который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку.

Привет венгерским рабочим, т. 38, с. 387—388

Социализм был бы невозможен, если бы он не научился пользоваться той техникой, той культурой, тем аппаратом, который создала культура буржуазная, культура капитализма.

Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г., т. 40, с. 102

...Вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм. Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

Вы читали и слышали о том, как коммунистическая теория, коммунистическая наука, главным образом созданная Марксом, как это учение марксизма перестало быть произведением одного, хотя и гениального социалиста XIX века, как это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма. И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ: это

произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно прийти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции...

Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.), т. 41, с. 303—305

3. Весь опыт новейшей истории и в особенности более чем полувековая революционная борьба пролетариата всех стран мира со времени появления «Коммунистического Манифеста» доказали бесспорно, что только миросозерцание марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата.

4. Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры.

О пролетарской культуре, т. 41, с. 336—337

...Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры *с точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры.

Наброски резолюции о пролетарской культуре, т. 41, с. 462

...Уместным, мне кажется, заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма *.

Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина, т. 42, с. 290

---

* Кстати, нельзя не пожелать, во-1-х, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и проч. Ибо это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма. Во-2-х, рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание...

3. ЖИВОЕ ТВОРЧЕСТВО МАСС В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

«ПОДНЯТЬ НАИНИЗШИЕ НИЗЫ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ТВОРЧЕСТВУ...»

Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности... Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс.

Заседание ВЦИК 4(17) ноября 1917 г. Ответ на запрос левых эсеров, т. 35, с. 57

Буржуазия и интеллигентские буржуазные круги населения всемерно саботируют народную власть. Трудящимся массам надеяться, кроме как на самих себя, ни на кого не приходится. Без сомнения, задачи, стоящие перед народом, неизмеримо трудны и велики. Но нужно верить в свои собственные силы, нужно, чтобы все, что проснулось в народе и способно к творчеству, вливалось в организации, которые имеются и будут строиться в дальнейшем трудящимися массами. Массы беспомощны, если они разрознены; они сильны, если сплочены. Массы поверили в свои силы и, не смущаясь травлей со стороны буржуазии, начали приступать к самостоятельной работе по управлению государством. На первых шагах могут встретиться трудности, может сказаться недостаточная подготовленность. Но нужно практически учиться управлять страной, учиться тому, что составляло раньше монополию буржуазии.

Речь на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г., т. 35, с. 113—114

...Поднять наинизшие низы к историческому творчеству: Mit dem Umfang der geschichtlichen Aktion wird auch der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist. «Увеличение глубины захвата исторического действия связано с увеличением численности исторически действенной массы» [39].

Из дневника публициста (Темы для разработки), т. 35, с. 189

...Всякий человек, способный сколько-нибудь исторически взглянуть на вещи, не усомнится ни на минуту в том, что теперешнее состояние дезорганизации есть состояние перехода,— перехода от старого к новому,— есть состояние роста этого нового. Переход от старого к новому, если он проходит так круто, как проходит он в России с февраля 1917 года, предполагает, конечно, гигантское разрушение обветшалого и омертвевшего в общественной жизни. И понятно, что поиски нового не могут дать сразу тех определенных, установившихся, почти застывших и окоченевших форм, которые раньше складывались веками и веками держались. Теперешние советские учреждения и те экономические организации, которые характеризуются понятием рабочего контроля в промышленности,— эти организации находятся еще в периоде брожения и полной неустановленности. В этих организациях преобладает, естественно, сторона, так сказать, дискуссионная или сторона митинговая над стороной деловой. Иначе быть не может, потому что без привлечения к общественному строительству новых слоев народа, без пробуждения активности широких масс, доселе спавших, ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи. Бесконечные дискуссии и бесконечные митингования,— о чем так много и так озлобленно говорит буржуазная печать,— являются необходимым переходом совершенно еще неподготовленных к общественному строительству масс,— переходом от исторической спячки к новому историческому творчеству. Нет решительно ничего страшного в том, что этот переход местами затягивается, или в том, что обучение масс новой работе идет не с той быстротой, о которой может мечтать человек, привыкший работать в одиночку и не понимающий, что значит поднять сотни, тысячи и миллионы к самостоятельной политической жизни.

Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти», т. 36, с. 154—155

Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся. Лишь в том случае, если пролетариат и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости,— победа социалистической революции будет обеспечена.

Очередные задачи Советской власти, т. 36, с. 171

Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем. Наше дело обеспечено тем, что массы сами взялись за строительство новой, социалистической России. Они учатся на своем собственном опыте, на своих неудачах и ошибках, они видят, насколько просвещение необходимо для победоносного окончания той борьбы, которую они ведут.

Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г., т. 37, с. 77

Если бы в России, во главе миллионов забитых, темных, совершенно неспособных к самостоятельному строительству, веками угнетаемых помещиками крестьян, если бы около них не было передового слоя городских рабочих, которые им понятны, близки, которые пользуются их доверием, которым крестьянин поверит, как своим рабочим людям, если бы не было этой организации, способной сплотить трудящиеся массы и внушить им, разъяснить, убедить их в важности задачи взять всю буржуазную культуру себе,— тогда дело коммунизма было бы безнадежно...

Социалистическую революцию нельзя совершить без рабочего класса; ее нельзя совершить, если в рабочем классе не накоплено столько сил, чтобы руководить десятками миллионов забитых капитализмом, измученных, неграмотных и распыленных деревенских людей. А руководить ими могут только передовые рабочие. Но лучшие силы уже исчерпались, надорвались и утомились. Их надо заменять, двигая середняков, молодежь. Возможно, что они будут делать ошибки,— не беда; только бы были преданы рабочему делу, воспитаны в обстановке пролетарской борьбы.

Успехи и трудности Советской власти, т. 38, с. 59, 67

Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда.

Речь на конференции железнодорожников Московского узла 16 апреля 1919 г., т. 38, с. 315

Мы стоим на том, что те рабочие, которые взяли на себя тяготы, которые купили спокойствие и твердость Советской власти самыми неслыханными жертвами, должны смотреть на себя, как на передовой отряд, который поднимет остальную трудовую массу путем просвещения и дисциплинирования, ибо мы знаем, что капитализм оставил в наследство нам трудящегося в состоянии полной забитости, полной темноты, не понимающего, что можно работать не только из-под палки капитала, а под руководством организованного рабочего.

Речь на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г., т. 41, с. 147

История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов подхлестываемых самой острой борьбой классов.

Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. 41, с. 80—81

Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов. В последнем счете потому наша революция все остальные революции далеко оставила за собой, что она подняла через Советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались незаинтересованными в этом строительстве.

VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г. Доклад Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря, т. 42, с. 140

...Советская республика идет вперед в деле народного просвещения, это несомненно. «Снизу», т. е. из той массы трудящихся, которую капитализм отстранял — и путем открытым, путем насилия, и средствами лицемерия и обмана — отстранял от образования, идет могучий подъем к свету и знанию. Мы вправе гордиться тем, что помогаем этому подъему и служим ему.

О работе Наркомпроса, т. 42, с. 326

Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране.

И мы вправе гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем великая французская революция свыше 125 лет тому назад.

К четырехлетней годовщине Октябрьской революции, т. 44, с. 144

...Нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас.

Странички из дневника, т. 45, с. 364—365

«ПАРТИИ ПРЕДСТОЯТ ГОДЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ...»

Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинуясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше по-

нятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября), т. 35, с. 21

При Советской власти в вашу и в нашу, пролетарскую, партию полезет еще больше буржуазно-интеллигентских выходцев. Они пролезут и в Советы, и в суды, и в администрацию, ибо нельзя, не из чего, строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее — как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями... Внутри советских инженеров, внутри советских учителей, внутри привилегированных, т. е. наиболее квалифицированных и наилучше поставленных, *рабочих* на советских фабриках мы видим постоянное возрождение решительно *всех* тех отрицательных черт, которые свойственны буржуазному парламентаризму, и только повторной, неустанной, длительной, упорной борьбой пролетарской организованности и дисциплины мы побеждаем — постепенно — это зло.

Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. 41, с. 101—102

Трудящиеся массы, массы крестьян и рабочих, должны побороть старые навыки интеллигенции и перевоспитать себя для строительства коммунизма — без этого к делу строительства приступить нельзя. Весь наш опыт показывает, что это дело слишком серьезное, и потому признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду, и мы не можем упускать этого при обсуждении вопроса о деятельности, об организационном строительстве...

Но мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы

могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить...

Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство коммунистической партии. Таким образом, цель политической культуры, политического образования — воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков.

Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г., т. 41, с. 402—404

Коммунизм говорит: авангард пролетариата, коммунистическая партия, руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, подготовляя, обучая, воспитывая эту массу («школа» коммунизма), сначала рабочих, а затем и крестьян, для того, чтобы она могла прийти и пришла бы к сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством.

Кризис партии, т. 42, с. 241

Партии предстоят годы воспитательной работы, начиная от ликвидации безграмотности и кончая всей суммой работ партии в профсоюзах. Работы в профсоюзах масса, чтобы к этому должным путем идти.

II Всероссийский съезд горнорабочих 25 января — 2 февраля 1921 г. Заключительное слово по докладу о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 24 января, т. 42, с. 258

Одной из самых больших и грозных опасностей для численно скромной компартии, которая, в качестве авангарда рабочего класса, руководит громадной страной, совершающей (пока еще без прямой поддержки более передовых стран) переход к социализму, является опасность отрыва от масс, опасность того, что авангард забежит слишком далеко вперед, не «выровняв фронта», не сохраняя прочной связи со всей армией труда, т. е. с громадным большинством рабочей и крестьянской массы. Как самая лучшая фабрика с превосходным двигателем и первоклассными машинами окажется бездействующей, если попорчен передаточный механизм

от двигателя к машинам, так неизбежна катастрофа нашего социалистического строительства, если неправильно построен или неправильно работает передаточный механизм от компартии к массам,— профсоюзы...

С одной стороны, они должны уметь приспособиться к массе, к ее данному уровню; с другой, они никоим образом не должны потакать предрассудкам и отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень более и более высокий...

Эти противоречия не случайны и неустранимы в течение ряда десятилетий... Пока есть остатки капитализма и мелкого производства, неизбежны противоречия во всем общественном строе между этими остатками и ростками социализма.

Практические выводы отсюда двоякие. Первый: для успешной работы профсоюзов недостаточно правильное понимание их задач; недостаточно правильное строение их; необходим еще особый такт, уменье подойти к массе особым образом в каждом отдельном конкретном случае, достигая с минимумом трений подъема этой массы на ступеньку выше в отношении культурном, хозяйственном, политическом.

Второй вывод: указанные противоречия неизбежно будут порождать конфликты, несогласованность, трения и т. п. Необходима высшая инстанция, достаточно авторитетная, чтобы разрешать их немедленно. Такой инстанцией является компартия и международное объединение компартий всех стран, Коминтерн.

Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики, т. 44, с. 348—350

...*Связь с массой.*
Жить в *гуще*.
Знать *настроения*.
Знать *все*.
Понимать массу.
Уметь подойти.
Завоевать ее абсолютное доверие.
Не оторваться руководителям от руководимой массы, авангарду от всей армии труда.

Планы тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики», т. 44, с. 497

Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает: не

хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет. Но если взять Москву — 4700 ответственных коммунистов — и взять эту бюрократическую махину, груду,— кто кого ведет? Я очень сомневаюсь, чтобы можно было сказать, что коммунисты ведут эту груду. Если правду говорить, то не они ведут, а их ведут. Тут произошло нечто подобное тому, что нам в детстве рассказывали по истории. Нас учили: бывает, что один народ завоюет другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов, потому что у них нет достаточного уменья управлять. Коммунисты, становясь во главе учреждений,— а их иногда нарочно так подставляют искусно саботажники, чтобы получить вывеску-фирму,— зачастую оказываются одураченными. Это признание очень неприятное. Или, по крайней мере, не очень приятное, но мне кажется, что его надо сделать, ибо в этом сейчас гвоздь вопроса.

XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта, т. 45, с. 95—96

...Каждый момент, свободный от военной деятельности, от войны, мы должны использовать для учебы, и притом сначала.

Вся партия и все слои России доказывают это своей жаждой знания. Это стремление к учению показывает, что важнейшей задачей для нас является сейчас: учиться и учиться. Но учиться должны также и иностранные товарищи, не в том смысле, как мы должны учиться — читать, писать и понимать прочитанное, в чем мы еще нуждаемся. Спорят о том, относится ли это к пролетарской или буржуазной культуре? Я оставляю этот вопрос открытым. Во всяком случае, несомненно: нам необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное. Иностранцам этого не нужно. Им нужно уже нечто более высокое: сюда отно-

сится прежде всего и то, чтобы также поняли, что мы писали об организационном построении коммунистических партий и что иностранные товарищи подписали, не читая и не понимая. Это должно стать их первой задачей. Необходимо привести эту резолюцию в исполнение. Этого нельзя сделать за одну ночь, это абсолютно невозможно. Резолюция слишком русская: она отражает российский опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна, и они не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться. Этим ничего достигнуть нельзя. Они должны воспринять часть русского опыта. Как это произойдет, этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни.

IV конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября — 5 декабря 1922 г. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября, т. 45, с. 293

ПЕРЕХОД К «ПОГОЛОВНОМУ ОБУЧЕНИЮ... ИСКУССТВУ УПРАВЛЯТЬ ГОСУДАРСТВОМ...»

...Переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?)... «примитивный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры — не то, что̀ примитивный демократизм в первобытные или в докапиталистические времена. Капиталистическая культура *создала* крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а *на этой базе* громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного»...

Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все» *могли* участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, за-

тем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д. и т. п.

Государство и революция, т. 33, с. 43—44, 100

Советы суть новый государственный аппарат... Он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части *угнетенных* классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитывать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории.

Удержат ли большевики государственную власть?, т. 34, с. 304

Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой *организационной* работы. Во что бы то ни стало надо разбить старый, *нелепый,* дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов.

Это предрассудок. Поддерживается он гнилой рутиной, заскорузлостью, рабьей привычкой, а еще больше грязной корыстью капиталистов, заинтересованных в том, чтобы управлять грабя и грабить управляя. Нет. Ни на минуту не забудут рабочие, что им нужна сила знания. Необыкновенное рвение, которое проявляют рабочие в деле образования, проявляют как раз сейчас, доказывает, что на этот счет заблуждений в среде пролетариата нет и быть не может. Но *организаторская* работа подсильна и *рядовому* рабочему и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом. Таких людей в «простонародье», о котором высокомерно и пренебрежительно говорят буржуазные интеллигенты, *масса.* Таких талантов в рабочем классе и в крестьянстве непочатой еще родник и богатейший родник.

Рабочие и крестьяне еще «робеют», еще не освоились с тем, что *они* — теперь *господствующий* класс, еще недостаточно решительны. Этих качеств в миллионах и миллионах людей, всю жизнь вынужденных голодом и нуждой работать из-под палки, не мог со-

здать переворот *сразу*. Но в том-то и сила, в том-то и жизненность, в том-то и непобедимость Октябрьской революции 1917 года, что она *будит* эти качества, ломает все старые препоны, рвет обветшавшие путы, выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества новой жизни.

Как организовать соревнование?, т. 35, с. 198—199

...Советская республика России сложилась теперь вполне как республика социалистическая... открыв народу доступ к тому, чтобы он сам управлял теми неслыханными богатствами, которые капиталисты составили и сложили, чтобы направлять их не на угнетение трудящихся, а на развитие благосостояния и рост культуры всех трудящихся.

Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд 5—30 января (18 января — 12 февраля) 1918 г. Доклад Совета Народных Комиссаров 13(26) января, т. 35, с. 300—301

...Для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций.

Седьмой Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта, т. 36, с. 53

Одно из главных условий победы социалистической революции есть усвоение рабочим классом и проведение в жизнь *господства* этого класса на время перехода от капитализма к социализму...

Все наши успехи вызваны тем, что рабочие поняли это и взялись *за управление* государством, через свои Советы.

Но рабочие *недостаточно* еще поняли это и часто бывают чрезмерно *робки* в деле выдвигания *рабочих для управления* государством.

Боритесь за это, товарищи! Пусть пролетарские культурно-просветительные организации помогут этому. В этом — залог дальнейших успехов и окончательной победы социалистической революции.

Письмо президиуму конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, т. 37, с. 87

...Социалистический переворот будет прочен лишь постольку, поскольку мы сумеем новый класс, пролетариат, поднять к управлению, сделать так, чтобы управлял Россией пролетариат. Сделать так, чтобы это управление было переходом к поголовному обучению всех трудящихся искусству управлять государством, и обучению не книжному, не газетному, не в речах и брошюрках, а к обучению на практике, чтобы каждый мог испытать свою способность взяться за это дело.

Речь на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов 17 января 1919 г., т. 37, с. 414

И теперь впервые наступает в истории человечества переворот, который может привести к полной победе социализма,— и это лишь при условии, что новые громадные массы возьмутся за дело управления самостоятельно...

В буржуазном обществе массой трудящихся управляла буржуазия, при помощи тех или иных форм, более или менее демократических, управляло меньшинство, имущие, участвующие в капиталистической собственности, превратившие образование и науку, высший оплот и высший цвет капиталистической цивилизации, в орудия эксплуатации, в монополию, для того чтобы громадное большинство людей держать в рабстве. Переворот, который мы начали, который мы уже два года совершаем и который мы твердо решились довести до конца,— этот переворот возможен и осуществим лишь при условии, что мы достигнем перехода власти к новому классу, что на месте буржуазии, капиталистических рабовладельцев, буржуазных интеллигентов, представителей всех имущих, всех собственников,— во всей области управления, во все дело государственного строительства, во все дело руководства новой жизнью — с низов до верхов вступит новый класс.

Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г., т. 37, с. 443—444

...В общем и целом различие между буржуазной демократией и парламентаризмом, с одной стороны, и советской или пролетарской демократией, с другой, сводится к тому, что первая перепосила центр тяжести на торжественное и пышное провозглашение всяческих свобод и прав, фактически не позволяя именно большинству населения, рабочим и крестьянам, пользоваться ими сколько-нибудь достаточно. Напротив, пролетарская или советская демократия центр тяжести переносит не на то, чтобы провозглашать права и свободы всего народа, а на то, чтобы на деле обеспе-

чить именно тем массам трудящихся, которые были угнетены и эксплуатируемы капиталом, фактический доступ к управлению государством, фактическое пользование лучшими зданиями и помещениями для собраний и съездов, лучшими типографиями и крупнейшими складами (запасами) бумаги для просвещения тех, кого капитализм отуплял и забивал, обеспечить именно этим массам реальную (фактическую) возможность постепенно освобождаться от гнета религиозных предрассудков и т. д. и т. п. Именно в этом направлении фактического предоставления трудящимся и эксплуатируемым возможности на деле пользоваться благами культуры, цивилизации и демократии состоит важнейшая работа Советской власти, которая должна неуклонно продолжать ее и дальше.

Проект программы РКП(б), т. 38, с. 94

Мы в борьбе с бюрократизмом сделали то, чего ни одно государство в мире не сделало. Тот аппарат, который насквозь был бюрократическим и буржуазно-угнетательским, который остается таковым даже в самых свободных буржуазных республиках,— мы его уничтожили до основания... Этот старый бюрократический элемент мы разогнали, переворошили и затем начали снова ставить на новые места. Царистские бюрократы стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, перекрашиваться в коммунистов и для большей успешности карьеры доставать членские билеты РКП. Таким образом, их прогнали в двери, они влезают в окно. Тут больше всего сказывается недостаток культурных сил. Этих бюрократов можно было бы раскассировать, но нельзя их сразу перевоспитать. Здесь перед нами выступают прежде всего задачи организационные, культурные и воспитательные.

Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы над ним можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении. В буржуазных республиках это было не только невозможно: *этому мешал самый закон*. Самые лучшие буржуазные республики, как бы демократичны они ни были, имеют тысячи законодательных помех, которые препятствуют участию трудящихся в управлении. Мы сделали то, что этих помех у нас не осталось, но до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении,— кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Этот низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы.

Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием. Сейчас эта задача для нас непомерно трудна, потому что, как мне не раз случалось указывать, слой рабочих, который управляет, непомерно, невероятно *тонок*. Мы должны получить подмогу. По всем признакам такой резерв внутри страны растет. Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования, достигаемый чаще всего внешкольным путем,— гигантский успех образования трудящихся масс не подлежит ни малейшему сомнению. Этот успех не укладывается ни в какие школьные рамки, но этот успех колоссален. Все признаки говорят за то, что в близком будущем мы получим громадный резерв, который займет места слишком надорвавшихся на работе представителей тонкого слоя пролетариата. Но во всяком случае сейчас наше положение в этом отношении чрезвычайно трудно...

Свободы для буржуазии мы не хотим, равенства эксплуататоров и эксплуатируемых мы не признаем, но мы рассматриваем в программе этот вопрос таким образом, что меры такого рода, как неравенство рабочих с крестьянами, Конституцией вовсе не предписываются. Конституция их записала *после* того, как они были введены в жизнь. Даже не большевики выработали конституцию Советов, ее выработали до большевистской революции меньшевики и эсеры против себя. Они выработали ее так, как выработала жизнь. Организация пролетариата шла гораздо быстрее, чем организация крестьянства, что делало рабочих опорой революции и давало им фактически преимущество. Дальше стоит задача: от этих преимуществ переходить постепенно к их уравнению...

Наша Конституция, как мы указываем, вынуждена была внести это неравенство, потому что культурный уровень слаб, потому что организация у нас слаба. Но мы не превращаем этого в идеал, а, напротив, в программе партия обязуется систематически работать над уничтожением этого неравенства более организованного пролетариата с крестьянством. Это неравенство мы отменим, как только нам удастся поднять культурный уровень. Тогда мы сможем обойтись без таких ограничений. Эти ограничения уже сейчас, после каких-нибудь 17 месяцев революции, имеют практически весьма небольшое значение.

VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Доклад о партийной программе 19 марта, т. 38, с. 169—173

Получив понимание из опытов войны, мы выдвинем тысячи прошедших советскую школу людей, способных управлять государством. В рабочую инспекцию вы должны привлечь самых боязливых и неразвитых, самых робких рабочих и должны двинуть их

вверх. Пусть они поднимаются в этой работе. Посмотрев, как рабочая инспекция участвует в государственных делах, пусть они от простейших занятий, на которые способны,— сначала только в виде понятых,— далее постепенно переходят к более важным ролям в государственных делах. Вы получите из широких источников помощников, которые возьмут на себя государственное бремя, придут на помощь и на работу. Нужны десятки тысяч новых передовых рабочих.

Речь на заседании Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г., т. 40, с. 201

Ввиду того, что культурный уровень крестьян и рабочей массы не соответствовал задаче, и в то же время мы, чуть ли не на 99%, привыкли к военно-политическим задачам, у нас получилось возрождение бюрократизма. Это всеми признано. Задача Советской власти в том, чтобы старый аппарат уничтожить целиком, как он был уничтожен в Октябре, и передать власть Советам, но мы уже в своей программе признаемся, что у нас получилось возрождение бюрократизма, что экономических основ для действительного социалистического общества еще нет. Культурных условий, грамотности, вообще более высокой культуры в массе рабочих и крестьян нет. Это получилось потому, что военные задачи отвлекали все лучшее из пролетариата.

Московская губернская конференция РКП(б) 20—22 ноября 1920 г. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Речь 21 ноября, т. 42, с. 32

С бюрократизмом мы будем бороться долгие годы, и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, потому что для того, чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность, поголовное участие в Рабоче-Крестьянской инспекции.

II Всероссийский съезд горнорабочих 25 января — 2 февраля 1921 г. Заключительное слово по докладу о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 24 января, т. 42, с. 260

У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы

имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, в то время как внизу они самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это — несомненно. Здесь мы должны работать в течение многих лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы. Мы это делаем довольно быстрым, может быть слишком быстрым, темпом. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат.

IV конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября — 5 декабря 1922 г. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября, т. 45, с. 290—291

В вопросе об улучшении нашего госаппарата Рабкрину следует, по моему мнению, не гнаться за количеством и не торопиться. Мы так мало успели до сих пор подумать и позаботиться о качестве нашего госаппарата, что будет законной забота об особенно серьезной подготовке его, о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала действительно современного качества, т. е. не отстающего от лучших западноевропейских образцов. Конечно, для социалистической республики это условие слишком скромно. Но нам первое пятилетие порядочно-таки набило голову недоверием и скептицизмом. Мы невольно склонны проникаться этим качеством по отношению к тем, кто слишком много и слишком легко разглагольствует, например, о «пролетарской» культуре: нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п...

Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить много, много, много лет.

Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами.

И тут нельзя забывать, что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т. д.

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом. Одним словом, нам надо предъявлять не те требования, что предъявляет буржуазная Западная Европа, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну.

Выводы из сказанного: мы должны сделать Рабкрин, как орудие улучшения нашего аппарата, действительно образцовым учреждением.

Для того, чтобы он мог достигнуть необходимой высоты, нужно держаться правила: семь раз примерь, один раз отрежь.

Для этого нужно, чтобы действительно лучшее, что есть в нашем социальном строе, с наибольшей осторожностью, обдуманностью, осведомленностью было прилагаемо к созданию нового наркомата.

Для этого нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести,— не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели.

Лучше меньше, да лучше, **т. 45,**
с. 389—392

«...ЧЕРЕЗ ВСЕ... КОЛЕБАНИЯ... ПОЛУЧАТЬ СЛОИ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЯДЫ СОВЕТСКИХ РАБОТНИКОВ...»

...Надо, чтобы рабочие и крестьяне ясно поняли разницу между необходимым советом образованного человека и необходимым контролем «простого» рабочего и крестьянина за *разгильдяйством,* столь обычным у «образованных» людей.

Это разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу — разговорами, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца есть одно из свойств «образованных людей», вытекающих вовсе не из их дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное.

Среди ошибок, недочетов, промахов нашей революции немалую роль играют те ошибки и пр., которые порождаются этими печальными,— но неизбежными в данный момент — свойствами интеллигентов из нашей среды и *отсутствием* достаточного контроля за *организаторской* работой интеллигентов со стороны *рабочих.*

Рабочие и крестьяне еще «робеют», от этого они должны избавиться и они, *несомненно,* от этого избавятся. Без совета, без руководящего указания людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя. Всякий сколько-нибудь толковый рабочий и крестьянин понимают это превосходно, и интеллигенты нашей среды не могут пожаловаться на недостаток внимания и товарищеского уважения со стороны рабочих и крестьян. Но одно дело — совет и руководящее указание, другое дело — организация *практического* учета и контроля. Интеллигенты сплошь да рядом дают великолепнейшие советы и руководящие указания, но оказываются до смешного, до *нелепого,* до позорного «безрукими», неспособными *провести* в жизнь эти советы и указания, провести *практический контроль* за тем, чтобы слово превращалось в дело.

Вот где без помощи и *без руководящей роли* практиков-организаторов из «народа», из рабочих и трудящихся крестьян ни в коем случае не обойтись.

Как организовать соревнование?,
т. 35, с. 201—202

Созданы новые формы государства, при котором появилась возможность подавления эксплуататоров, подавления сопротивления этой ничтожной кучки, сильной вчерашним денежным меш-

ком, вчерашним запасом знаний. Они свое знание — профессора, учителя, инженера — превращают в орудие эксплуатации трудящихся, говоря: я хочу, чтобы мое знание служило буржуазии, а иначе я не буду работать. Но их власть нарушена рабоче-крестьянской революцией, и против них возникает государство, в котором сами массы свободно выбирают своих представителей.

Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11(24) января, т. 35, с. 272—273

...Специалистов у нас нет, вот в чем гвоздь дела, вот почему нужно привлечь 1000 людей, первоклассных специалистов в своих отраслях, которые ценят свое дело, которые любят крупное производство, потому что они знают, что тут повышение техники. И когда здесь говорят, что социализм можно взять без выучки у буржуазии, так я знаю, что это психология обитателя Центральной Африки. Мы не представляем себе другого социализма, как основанного на основах всех уроков, добытых крупной капиталистической культурой. Социализм без почты, телеграфа, машин — пустейшая фраза. Но сразу нельзя вымести буржуазную обстановку и буржуазные привычки, им нужна та организация, на которой стоит вся современная наука и техника.

Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г., т. 36, с. 272—273

Когда власть оказалась в руках пролетариата и беднейшего крестьянства, когда власть ставит себе задачи при поддержке этих масс, нам приходится осуществлять эти социалистические преобразования при помощи буржуазных специалистов, тех специалистов, которые в буржуазном обществе воспитывались, которые другой обстановки не видели, которые другой общественной обстановки не могут себе представить, и поэтому даже в тех случаях, когда эти люди совершенно искренни и преданы своему делу, даже в этих случаях они полны тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся и поэтому оказывающим бешеное сопротивление буржуазным обществом.

Эти трудности задачи и достижения для нас не могут быть скрыты. Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалисти-

ческом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники,— превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти, это задача величайшего труда. Если в этой области происходят эксперименты, если мы делаем неоднократные исправления частичных ошибок, это неизбежно, когда не удается сразу в той или иной области народного хозяйства превратить специалистов из служителей капитализма в служителей трудящихся масс, в их советчиков.

Речь на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства 26 мая 1918 г., т. 36, с. 381—382

СНК поручает Комиссариату народного просвещения подготовить немедленно ряд постановлений и шагов для того, чтобы, в случае если число желающих поступить в высшие учебные заведения превысит обычное число вакансий, были приняты самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих, и никаких не только юридических, но и фактических привилегий для имущих классов не могло быть. На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии.

О приеме в высшие учебные заведения РСФСР. Проект постановления Совета Народных Комиссаров, т. 37, с. 34

Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупнокапиталистической культуры, и интеллигенция есть такой элемент. Если нам приходилось с ней беспощадно бороться, то к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех «демократов» и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул. Теперь явилась возможность использовать эту интеллигенцию для социализма, ту интеллигенцию, которая не социалистична, которая никогда не будет коммунистичной, но которую сейчас объективный ход событий и соотношений настраивает по отношению к нам нейтрально, по-соседски...

По отношению к мелкобуржуазной демократии наш лозунг был соглашение, но нас заставили применить террор. Если вы

действительно согласны жить в добрососедских отношениях с нами, то потрудитесь исполнить те или другие задания, господа кооператоры и интеллигенты. А если не исполните,— вы будете нарушителями закона, нашими врагами, и мы будем с вами бороться. А если вы стоите на почве добрососедских отношений и исполните эти задания,— этого нам с избытком достаточно. Опора у нас прочная. В вашей дряблости мы никогда не сомневались. Но что вы нам нужны — этого мы не отрицаем, потому что вы являлись единственным культурным элементом...

Мы строим власть из элементов, оставленных нам капитализмом. Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано.

Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии, т. 37, с. 221—223

Вопрос о специалистах должен быть поставлен шире. Мы ими должны пользоваться во всех областях строительства, где, естественно, не имея за собой опыта и научной подготовки старых буржуазных специалистов, сами своими силами не справимся. Мы не утописты, думающие, что дело строительства социалистической России может быть выполнено какими-то новыми людьми, мы пользуемся тем материалом, который нам оставил старый капиталистический мир. Старых людей мы ставим в новые условия, окружаем их соответствующим контролем, подвергаем их бдительному надзору пролетариата и заставляем выполнять необходимую нам работу. Только так и можно строить. Если вы не можете построить здание из оставленного нам буржуазным миром материала, то вы вообще его не построите, и вы не коммунисты, а пустые фразеры. Для социалистического строительства необходимо использовать полностью науку, технику и вообще все, что нам оставила капиталистическая Россия. Конечно, на этом пути мы встретимся с большими трудностями. Неизбежны ошибки. Всюду есть перебежчики и злостные саботажники. Тут необходимо было насилие прежде всего. Но после него мы должны использовать моральный вес пролетариата, сильную организацию и дисциплину. Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их. Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы. Одновременно необходимо учиться у них. При всем этом — ни малей-

шей политической уступки этим господам, пользуясь их трудом всюду, где только возможно. Отчасти мы уже этого достигли. От подавления капиталистов мы перешли к их использованию, и это, пожалуй, самое важное завоевание, достигнутое нами за год внутреннего строительства.

Заседание Петроградского Совета 12 марта 1919 г. Доклад о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров, т. 38, с. 6—7

Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика.

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз бо̀льшие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов угнетенных крестьян, темных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведет умелую тактику, вокруг него объединиться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным миросозерцанием, есть военные специалисты, которые воспитались в буржуазных условиях,— и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических. Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя — все они брались из имущего класса; не из воздуха они упали! Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника — для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов...

Здесь, повторяю, одним насилием ничего не сделаешь. Тут, в добавление к насилию, после победоносного насилия, нужна организованность, дисциплина и моральный вес победившего пролетариата, подчиняющего себе и втягивающего в свою работу всех буржуазных специалистов!

Скажут: вместо насилия Ленин рекомендует моральное влияние! Но глупо воображать, что одним насилием можно решить вопрос организации новой науки и техники в деле строительства коммунистического общества...

Нам строить коммунизм не из чего как только из того, что создал капитализм. Надо... сломить сопротивление... не делая никаких политических уступок, на которые бесхарактерные люди поддаются ежеминутно. Культурные люди поддаются политике и влиянию буржуазии потому, что они восприняли всю свою культуру от буржуазной обстановки и через нее. Вот почему они на каждом шагу спотыкаются и делают политические уступки контрреволюционной буржуазии.

Успехи и трудности Советской власти, т. 38, с. 53—54, 56, 58

Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, мы никоим образом не можем ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму. Поэтому необходимо оставить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для той же цели нельзя отказываться и от системы премий за наиболее успешную и особенно за организаторскую работу; премии будут недопустимы при системе полного коммунизма, но в переходную эпоху от капитализма к коммунизму обойтись без премий нельзя, как свидетельствуют и теоретические соображения и годичный опыт Советской власти.

Вместе с тем надо неуклонно работать над тем, чтобы окружать буржуазных специалистов обстановкой товарищеского общего труда рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и терпеливо, не смущаясь неизбежными отдельными неудачами, добиваться того, чтобы пробуждать в людях, обладающих научной подготовкой, сознание всей мерзости использования науки для личного обогащения и для эксплуатации человека человеком, сознание более высокой задачи использовать науку для ознакомления с ней всей массы трудящихся.

Проект программы РКП(б), т. 38, с. 98

Нам нужно строить сейчас практически, и приходится руками наших врагов создавать коммунистическое общество... Мы должны поставить их на работу, как техническую и культурную силу, чтобы сохранить их и сделать из некультурной и дикой капиталистической страны — культурную коммунистическую страну. И я думаю, что за этот год мы научились строить, мы стали на верный путь и с этого пути не собьемся.

VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Отчет Центрального Комитета 18 марта, т. 38, с. 142—143

Нам надо сейчас же, не ожидая поддержки от других стран, немедленно и сейчас же поднять производительные силы. Сделать это без буржуазных специалистов нельзя. Это надо раз навсегда сказать. Конечно, большинство этих специалистов насквозь проникнуто буржуазным миросозерцанием. Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистическими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться, но надо дать им возможность работать в лучших условиях, чем при капитализме, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя,— это мы прекрасно испытали. Можно заставить их не участвовать активно в контрреволюции, можно устрашить их, чтобы они боялись руку протянуть к белогвардейскому воззванию. На этот счет у большевиков действуют энергично. Это сделать можно, и это мы делаем достаточно. Этому мы научились все. Но заставить работать целый слой таким способом невозможно. Эти люди привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя, т. е. обогащали буржуазию огромными материальными приобретениями, а для пролетариата уделяли их в ничтожных дозах. Но они все-таки двигали культуру, в этом состояла их профессия. Поскольку они видят, что рабочий класс выдвигает организованные передовые слои, которые не только ценят культуру, но и помогают проводить ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Когда врач видит, что в борьбе с эпидемиями пролетариат поднимает самодеятельность трудящихся, он относится к нам уже совершенно иначе. У нас есть большой слой этих буржуазных врачей, инженеров, агрономов, кооператоров, и, когда они увидят на практике, что пролетариат вовлекает в это дело все более широкие массы, они будут побеждены *морально*, а не только политически отсечены от буржуазии. Тогда наша задача станет легче. Тогда они будут сами собой вовлечены в наш аппарат, сделаются его частью...

Мы уже добились в среде колеблющейся интеллигенции громадного перелома. Если вчера мы говорили о легализации мелкобуржуазных партий, а сегодня арестовываем меньшевиков и эсеров, то в этих колебаниях мы проводим совершенно определенную систему. Через эти колебания идет одна, самая твердая линия: *контрреволюцию отсекать, культурно-буржуазный аппарат использовать*... Но мы через все эти колебания будем получать слои культурной интеллигенции в ряды советских работников и отсекать те элементы, которые продолжают поддерживать белогвардейцев.

VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Доклад о партийной программе 19 марта, т. 38, с. 166—167, 168—169

Мы сумели привлечь на службу тысячи специалистов, громадное число офицеров, генералов, которые наравне с рабочими коммунистами стоят на ответственных постах. Всю решительность, весь опыт гражданской войны мы должны обратить па борьбу с эпидемиями.

Когда-то представители медицинской профессии были также пропитаны недоверием к рабочему классу, когда-то и они мечтали о возврате буржуазного строя. Теперь и они убедились, что только вместе с пролетариатом можно привести Россию к культурному расцвету. Сотрудничество представителей науки и рабочих,— только такое сотрудничество будет в состоянии уничтожить весь гнет нищеты, болезней, грязи. И это будет сделано.

Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила.

Речь на II Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда 1 марта 1920 г., т.40, с. 188—189

Нужно, чтобы специалисты отдали нам свои знания для проведения в жизнь наших идей... Сейчас нам нужно использовать всех тех буржуазных специалистов, которые, накопив свои знания в прошлом, должны расплачиваться этими знаниями теперь. Вот с помощью этих специалистов мы и должны провести нашу работу, с их помощью мы должны победить все, что нам нужно, победить и создать наши боевые рабочие ряды, которые бы у них учились и их направляли, которые всегда обращались бы к широкой рабочей среде для разъяснения этого опыта.

Речь на заседании Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г., т. 40, с. 200

Задача коммунистов...— поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники («они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и навыками», как говорит Программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки*, что *по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.

Об едином хозяйственном плане, т. 42, с. 346

Если все наши руководящие учреждения, т. е. и компартия, и Сов власть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи. Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов. Никто не согласится признать поставленным сколько-нибудь сносно такое ведомство, в котором не ведется планомерно поставленной и дающей практические результаты работы по всестороннему обеспечению спецов, поощрению лучших из них, защиты и охраны их интересов и т. д. Профсоюзы должны вести всю работу всех этих видов (или систематически участвовать в соответственной работе всех ведомств) не с точки зрения интересов данного ведомства, а с точки зрения интересов труда и нархозяйства в целом. На профсоюзы ложится в отношении спецов самая тяжелая и трудная работа повседневного воздействия на наиболее широкие массы трудящихся, чтобы создавать правильные взаимоотношения их к спецам; и только такая работа способна дать действительно серьезные практические результаты.

Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики, т. 44, с. 350—351

4. СТРУКТУРА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ — ОСНОВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЙНОСТЬ

Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой,— социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы,* развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

...Литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование

литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа!.. Речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения» своей партии...

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески,— не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу.

Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих).

Партийная организация и партийная литература, т. 12, с. 100—104

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов.

Три источника и три составных части марксизма, т. 23, с. 47

1. В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком.

О пролетарской культуре, т. 41, с. 336

Лозунг «свободы печати» стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX века. Почему? Потому что он выражал прогрессивную буржуазию, т. е. ее борьбу против попов и королей, феодалов, помещиков.

Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния *попов* и *помещиков*, как РСФСР. *Эту* задачу «свободы печати» мы выполняли и выполняем *лучше всех* в мире.

Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода *покупать* газеты, *покупать* писателей, *подкупать* и покупать и фабриковать «общественное мнение» *в пользу буржуазии*.

Это факт.

Никто никогда не сможет его опровергнуть.

А у нас? Может ли кто отрицать, что буржуазия разбита, *но не уничтожена?* что она *притаилась?* Нельзя этого отрицать.

Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода *политической организации* буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров.

Это факт неопровержимый.

Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как свобода политической организации (= свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу.

Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем.

Мы ясно видим *факт:* «свобода печати» означает *на деле* немедленную покупку международной буржуазией сотни и тысячи кадетских, эсеровских и меньшевистских писателей и организацию их пропаганды, их борьбы против нас.

Это факт. «Они» богаче нас и купят «силу» вдесятеро большую против нашей наличной силы.

Нет. Мы этого не сделаем, мы всемирной буржуазии помогать не будем.

Письмо Г. Мясникову. 5 августа 1921 г., т. 44, с. 79

У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция. Не говоря уже о Г. В. Плеханове, достаточно назвать Чернышевского, от которого современные народники (народные социалисты, эсеры и т. п.) отступали назад нередко в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы «последнего слова» европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности.

Во всяком случае, у нас в России есть еще — и довольно долго, несомненно, будут — материалисты из лагеря некоммунистов, и наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества»...

Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма.

Помещенная в 1—2 номере журнала «Под Знаменем Марксизма» [40] статья А. Тимирязева о теории относительности Эйнштейна позволяет надеяться, что журналу удастся осуществить и этот второй союз. Надо обратить на него побольше внимания. Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей — это задача, без решения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом. Если Тимирязев в первом номере журнала должен был оговорить, что за теорию Эйнштейна, который сам, по словам Тимирязева, никакого активного похода против основ материализма не ведет, ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции всех стран, то это относится не к одному Эйнштейну, а к целому ряду, если не к большинству великих преобразователей естествознания, начиная с конца XIX века.

И для того чтобы не относиться к подобному явлению бессознательно, мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом. Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под Знаменем Марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с

материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах...

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае.

О значении воинствующего материализма, т. 45, с. 24, 29—31

НАУКА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Главная задача, которую должен себе поставить Коминолит,— это добиться того, чтобы в Москве, Петрограде и крупных городах Республики было сосредоточено в специальных библиотеках по 1 экземпляру всех заграничных новейших технических и научных (химия, физика, электротехника, медицина, статистика, экономика и пр.) журналов и книг 1914—1921 гг. и было бы налажено

регулярное получение всех периодических изданий. Всю работу Коминолита я буду оценивать в первую очередь с точки зрения реального выполнения этого задания.

В Комитет иностранной литературы. 30 сентября 1921 г., т. 53, с. 228—229

Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил * России, следует немедленно дать от Высшего совета народного хозяйства поручение

образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное *размещение* промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности *самостоятельно* снабдить себя *всеми* главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию.

Набросок плана научно-технических работ, т. 36, с. 228—231

Социализм немыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов.

О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, т. 36, с. 300

---

* NB: Надо ускорить *издание* этих материалов изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в союз типографских рабочих, и в Комиссариат труда.

СНК, вполне одобряя и приветствуя идею, легшую в основе проекта учреждения Социалистической академии, поручает Комиссариату народного просвещения переработать этот проект на следующих основах:

1) — во главу угла поставить издательское общество марксистского направления;

2) — привлечь в особенно большом числе заграничные марксистские силы;

3) — одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований;

4) — немедленно принять меры к выяснению, сбору и использованию русских преподавательских сил.

О Социалистической академии общественных наук. Проект постановления Совнаркома, т. 36, с. 372

Если мы перечитаем сочинения тех социалистов, которые в течение последнего полувека наблюдали развитие капитализма и приходили к выводу еще и еще раз, что социализм неизбежен, то они все без исключения указывали на то, что только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия.

Речь на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства 26 мая 1918 г., т. 36, с. 381

Принимая во внимание совершенно исключительные научные заслуги академика И. П. Павлова, имеющие огромное значение для трудящихся всего мира, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Образовать на основании представления Петросовета специальную комиссию с широкими полномочиями в следующем составе: тов. М. Горького, заведующего высшими учебными заведениями Петрограда тов. Кристи и члена коллегии отдела управления Петросовета тов. Каплуна, которой поручить в кратчайший срок создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика Павлова и его сотрудников.

2. Поручить Государственному издательству в лучшей типографии республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд, сводящий результаты его научных работ за последние 20 лет, причем оставить за академиком И. П. Павловым право собственности на это сочинение как в России, так и за границей.

3. Поручить комиссии по рабочему снабжению предоставить академику Павлову и его жене специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам.

4. Поручить Петросовету обеспечить профессора Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартирой и обставить ее и лабораторию академика Павлова максимальными удобствами.

Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников. Постановление Совета Народных Комиссаров, т. 42, с. 262—263

Поправлять с кондачка работу сотен лучших специалистов, отделываться пошло звучащими шуточками, чваниться своим правом «не утвердить»,— разве это не позорно?

Надо же научиться ценить науку, отвергать «коммунистическое» чванство дилетантов и бюрократов, надо же научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою же практику!..

Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца.

...Если коммунист — администратор, его первый долг — остерегаться увлечения командованием, уметь сначала посчитаться с тем, что наука уже выработала, сначала спросить, проверены ли факты, сначала добиться изучения (в докладах, в печати, на собраниях и проч.) — изучения того, где именно мы сделали ошибку, и лишь на этой основе исправлять делаемое.

...Надо научиться скромности и уважению к деловой работе «специалистов науки и техники»... Поменьше интеллигентского и бюрократического самомнения, побольше изучения того, что́ наш практический опыт, в центре и на местах дает, и того, что́ наука нам уже дала.

Об едином хозяйственном плане, т. 42, с. 344, 346—347

Да, комячейки есть представители нашей партии, и рабфаки есть представители нашего класса, но что они делают ошибки и мы должны их исправлять, это — азбучная истина. Как тут поправлять, я не знаю, потому что лично в собраниях ЦК, где обсуждался этот вопрос, не участвовал. Но я знаю, что пересол о нас имеется в смысле линии рабфаков и комячеек против профессоров. Но когда ЦК, рассмотрев дело со всех сторон, увидел, что

тут был пересол и что по отношению к этим профессорам, чужим, представителям не нашего класса, нужно взять линию поосторожней, тогда является Преображенский, вынимает программу и говорит: никаких политических уступок этому слою, иначе это — нарушение программы.

Если так начать управлять партией, то это приведет нас, наверное, к гибели. Не потому, что тов. Преображенский неправильно понимает политику вообще, а потому, что он подходит ко всему с тем, что составляет его сильную сторону: он теоретик, устремленный на определенные рамки, привычные и обычные, пропагандист, который занят разными мерами, направленными к тому, чтобы пропагандировать. Все знают и ценят эту сильную сторону, а, когда он подходит с точки зрения политической и административной, выходит нечто чудовищное.

XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта, т. 45, с. 121

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом.

Лучше меньше, да лучше, т. 45, с. 391

***

Популяризация, сказали бы мы автору, очень далека от вульгаризации, от популярничанья. Популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные *выводы* из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы. Популярный писатель не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя,— напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и *помогает* ему делать эту серьезную и трудную работу, *ведет* его, помогая ему делать первые шаги и *уча* идти дальше самостоятельно. Вульгарный писатель предполагает читателя не думающего и думать не спо-

собного, он не наталкивает его на первые начала серьезной науки, а в уродливо-упрощенном, посоленном шуточками и прибауточками виде, преподносит ему «готовыми» *все* выводы известного учения, так что читателю даже и жевать не приходится, а только проглотить эту кашицу.

О журнале «Свобода», т. 5, с. 358—359

Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача — организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением. Вся социал-демократическая литература должна стать партийной. Все газеты, журналы, издательства и т. д. должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации.

Партийная организация и партийная литература, т. 12, с. 104—105

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?..

Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?

Об очистке русского языка (Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях), т. 40, с. 49

...Всероссийский съезд Пролеткульта[41] самым решительным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать обла-

сти работы Наркомпроса и Пролеткульта или устанавливать «автономию» Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса и т. п. Напротив, съезд вменяет в безусловную обязанность всех организаций Пролеткульта рассматривать себя всецело как подсобные органы сети учреждений Наркомпроса и осуществлять под общим руководством Советской власти (специально Наркомпроса) и Российской коммунистической партии свои задачи, как часть задач пролетарской диктатуры.

О пролетарской культуре, т. 41, с. 337

...Работа Пролеткульта в области научного и политического просвещения сливается с работой НКПроса и губнаробразов, в области же художественной (музыкальной, театральной, изобразительных искусств, литературной) остается автономной, и руководящая роль органов НКПроса, сугубо процеженных РКПой, сохраняется лишь для борьбы против явно буржуазных уклонений.

Проект постановления пленума ЦК РКП(б) о Пролеткульте, т. 42, с. 12

1) Каково *юридическое* положение Пролеткульта?

2) *Каков* и 3) *кем* назначен его руководящий центр?

4) Сколько даете ему финансов от НКпроса?

5) Еще что есть *важного* о положении, роли и итогах работы Пролеткульта.

М. Н. Покровскому. Август, не позднее 20, 1920 г., т. 51, с. 265

Это — книжка озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца Аркадия Аверченко: «Дюжина ножей в спину революции». Париж, 1921. Интересно наблюдать, как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки. Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно...

Зато большая часть книжки посвящена темам, которые Аркадий Аверченко великолепно знает, пережил, передумал, перечувствовал. И с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, объевшейся и объедавшейся России. Так, именно так должна казаться революция представителям командующих классов. Огнем пышущая ненависть делает рассказы Аверченко иногда — и большей частью — яркими до поразительности. Есть

прямо-таки превосходные вещички, например, «Трава, примятая сапогами», о психологии детей, переживших и переживающих гражданскую войну.

До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали в Петрограде — нет, не в Петрограде, а в Петербурге — за 14 с полтиной и за 50 рублей и т. д. Автор описывает это прямо со сладострастием: вот это он знает, вот это он пережил и перечувствовал, вот тут уже он ошибки не допустит. Знание дела и искренность — из ряда вон выходящие...

Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять.

Талантливая книжка, т. 44, с. 249—250

Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему[42]. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно.

О международном и внутреннем положении Советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г., т. 45, с. 13

Насчет Демьяна Бедного продолжаю *быть за.* Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех (во сто раз больше «грехов» личных разных, буде есть таковые...) перед рабочей демократией, если вы талантливого сотрудника не притянете, *не поможете* ему.

В редакцию газеты «Правда». Май 1913 г., т. 48, с. 182

Почему, вопреки постановлению СНК и несмотря на безработицу (и несмотря на 1. V),

не начаты в Москве работы

1) по *хорошему* закрытию царских памятников?
2) по снятию царских орлов?

3) по подготовке *сотен* надписей (революционных и социалистических) на *всех* общественных зданиях?

4) по постановке *бюстов* (хоть временных) разных великих революционеров?

П. П. Малиновскому. Май 1918 г., т. 50, с. 68—69

Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь и классиками,* от Пушкина до Горького.

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?

Как бы Вы отнеслись к этой мысли?

Словарь классического русского языка?

Не делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне Ваше мнение.

А. В. Луначарскому. 18 января 1920 г., т. 51, с. 122

т. Литкенс!

Условимся, значит, по вопросу о словаре так:

1) приблизительно через месяц (в отсутствие Покровского) сделайте *формальное* постановление и назначьте *ответственное лицо* или *лица;*

2) на основе этого постановления составить *план* работы с указанием не только ответственных лиц, но и расходов и пайков.

Выполнять должны начать по плану, с августа или сентября.

Ленин

Е. А. Литкенсу. Май 1921 г., т. 52, с. 238

СИСТЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Идейно-политическое и нравственное воспитание масс, культурно-просветительная работа

Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т. е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами.

Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, железных дорог и т. п.; когда бога-

тейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих *тормозит* капитализм; когда сознательные рабочие сплотили партию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых,— когда *есть* налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции.

Удержат ли большевики государственную власть?, т. 34, с. 332—333

Главная особенность теперешнего момента, в рассматриваемом отношении, следующая:

Советская власть, как диктатура пролетариата, победила и среди пролетарских масс города и среди беднейшего крестьянства деревни, но далеко еще не охватила коммунистической пропагандой и прочной организацией ни всех профессий ни всей массы полупролетариата.

Отсюда — особая, исключительная для данного момента важность усиленной пропаганды и организационной работы, с одной стороны, с целью распространить наше влияние на слои рабочих и. служащих, которые являются *наименее советскими* (т. е. наиболее далекими от полного признания советской платформы), подчинить эти слои общему движению пролетариата; — а с другой стороны, с целью идейно встряхнуть и поднять, организационно сплотить наиболее неразвитые слои и элементы пролетариата и полупролетариата, каковы, например, чернорабочие, затем прислуга в городах, полупролетарии в деревнях и т. п...

Поэтому главная задача теперь — не в том, чтобы сломить сопротивление сильного врага, ибо такого врага среди масс пролетариата и полупролетариата в Советской России теперь уже нет, а в том, чтобы преодолеть упорной, настойчивой, более широкой просветительной и организационной работой предрассудки известных мелкобуржуазных слоев пролетариата и полупролетариата, неуклонно расширять недостаточно еще широкую базу Советской власти (т. е. расширять число рабочих и беднейших крестьян, непосредственно участвующих в управлении государством), просвещать отсталые слои трудящихся (не только книжкой, лекцией, газетой, а практическим участием в управлении), изыскивать *новые организационные формы* как для этих новых задач профессионального движения вообще, так и для привлечения несравненно более многочисленных масс полупролетариата, например беднейшего крестьянства.

О задачах профсоюзов, т. 37, с. 403—405

Внешкольное образование важно для переустройства всей жизни...

В партийной работе мы выработали свои навыки широкого воздействия на массы, но их нужно соединить с методами культурно-просветительными, в частности, школьными и особенно внешкольными...

Скачками здесь завоевать можно меньше всего, особенно среди масс, стоящих на низком культурном уровне. Надо стремиться к сближению с партийными организациями, как органами пропаганды, и приобщить массы к внешкольной работе.

Речь на II совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 24 января 1919 г., т. 37, с. 463—464

Я уверен, что едва ли найдется такая область советской деятельности, как внешкольное образование и просвещение, где бы за полтора года были достигнуты столь громадные успехи. Несомненно, что в этой области работать нам и вам было легче, чем в других областях. Здесь нам приходилось отбросить старые рогатки и старые препятствия. Здесь было легче пойти навстречу той громадной потребности в знании, в свободном образовании, в свободном развитии, которая больше всего сказалась среди рабочих и крестьянских масс, ибо если нам легко было, благодаря могучему напору масс, скинуть те внешние препятствия, которые стояли на их пути, сломить исторические буржуазные учреждения, которые привязывали нас к империалистической войне и осуждали Россию на самые большие тягости, следующие из этой войны, если нам легко было сломить внешние препятствия, то зато нам пришлось с тем большей остротой чувствовать всю тяжесть работы в деле перевоспитания масс, в деле организации и обучения, в деле распространения знаний, в деле борьбы с тем наследием темноты и некультурности, дикости и одичалости, которое нам досталось. Здесь борьбу приходилось вести совсем иными методами. Здесь приходилось рассчитывать только на длительный успех и упорное систематическое воздействие передовых слоев населения, на воздействие, которое встречает со стороны масс самый радушный прием, и мы часто оказываемся виноватыми в том, что даем меньше, чем могли бы дать...

Если мы называемся партией коммунистов, мы должны понять, что только теперь, когда мы покончили с внешними препятствиями, сломали старые учреждения, пред нами впервые настоящим образом и во весь рост встала первая задача настоящей пролетарской революции — организация десятков и сотен миллионов лю-

дей. После полуторагодичного опыта в этой области, который мы все проделали, мы должны, наконец, встать на правильный путь, который бы победил ту некультурность и ту темноту и дикость, от которых нам приходилось все время страдать.

I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г. Приветственная речь 6 мая, т. 38, с. 329—330, 332

Чтобы школьное образование поставить более солидно, для этого нужен целый ряд материальных изменений: постройка школ, подбор учителей, внутренние реформы по организации и подбору преподавательского персонала. Это все вещи, которые требуют длительной подготовки. По отношению к внешкольному образованию вы этой длительной подготовкой не очень стеснены. Потребность населения получить образование вне установленной школьной системы и нужда в работниках в этой области чрезвычайно сильно возрастают. Мы уверены, что с общей помощью и общими усилиями будет сделано больше, чем до сих пор.

Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 25 февраля 1920 г., т. 40, с. 161—162

Мы имеем также аппарат Всевобуча [43], который параллельно с военной работой должен вести культурную работу, должен поднимать сознание крестьянства.

Этот государственный аппарат очень плох, там нет людей действительно преданных, убежденных, действительно коммунистов, и вы, которые поедете в деревню, как коммунисты, должны работать не оторванно от этого аппарата, а, наоборот, вы должны работать вместе с ним. Всякий партийный агитатор, который появляется в деревне, он вместе с тем должен быть и инспектором народных училищ, инспектором не в прежнем смысле слова, инспектором не в том смысле, чтобы он вмешивался в дело просвещения — этого допустить нельзя, но он должен быть инспектором в том смысле, чтобы согласовать свою работу с работой Наркомпроса, с работой Всевобуча...

Речь на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г., т. 41, с. 148—149

Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам...

Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов...

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может. Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своей силой отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества. Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда.

Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании. Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание. Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, кто начинал борьбу против эксплуататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжить эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты,— тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами. В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.), т. 41, с. 309, 311, 312—313

Самое главное, что должно заставить товарищей принять участие вместе с нами в совместной культурно-просветительной работе,— это вопрос о связи просвещения с нашей политикой... Ибо мы по всей линии своей просветительной работы не можем стоять на старой точке аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой...

Для Главполитпросвета [44], работающего по внешкольному образованию, решающего задачу этого образования и просвещения масс, особенно ярко встает задача сочетать партийное руководство и подчинить себе, пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы этот громадный аппарат — полумиллионную армию преподавательского персонала, которая состоит сейчас на службе у рабочего. Работники просвещения, учительский персонал, были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе, враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты.

...Сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах...

Мы должны поставить на службу коммунистического просвещения сотни тысяч нужных людей...

Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства. Он должен сказать, что для того, чтобы быть коммунистом, нужно знать, нужно прочесть вот такую-то брошюрку, вот такую-то книжку. Вот как мы улучшим хозяйство и сделаем его более солидным, более общественным, увеличим производство, улучшим хлебный вопрос, более правильно распределим произведенные продукты, увеличим добычу угля и восстановим промышленность без капитализма и без капиталистического духа.

В чем состоит коммунизм? Вся пропаганда его должна быть поставлена так, чтобы дело свелось к руководству практически государственным строительством. Коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело. Это дело ведется плохо, с тысячами ошибок. Мы этого не скрываем, но сами рабочие и крестьяне должны при нашей помощи, при нашем небольшом и слабом содействии выработать и выровнять наш аппарат; для нас он уже перестал быть программой, теорией и заданием, для нас это дело сегодняшнего фактического строительства. И если мы терпели в нашей войне самые жестокие поражения от наших врагов, то мы зато учились на этих поражениях и достигли полной победы. И теперь в каждом поражении мы должны черпать знания, мы должны помнить, что надо учить рабочих и крестьян на примере проделанной работы. Указывать на то, что у нас плохо, чтобы в дальнейшем этого избежать.

На примере этого строительства, повторяя его большое количество раз, мы добьемся того, что из плохих начальников-коммунистов мы создадим настоящих строителей, прежде всего нашего экономического хозяйства. Мы добьемся всего, что надо, преодолеем все препятствия, которые нам остались от старого строя и которые сразу откинуть нельзя, надо перевоспитать массы, а перевоспитать их может только агитация и пропаганда, надо связывать массы с строительством общей хозяйственной жизни в первую голову. Это должно быть главным и основным в работе каждого агитатора-пропагандиста, и когда он себе это усвоит, тогда успех его работы будет обеспечен.

Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г., т. 41, с. 399, 403, 405, 407—408

9. Необходимо планомерно организованное и систематическое привлечение инженеров, агрономов, учителей, затем советских служащих, удовлетворяющих известной квалификации, к участию в деле производственной пропаганды (в связи с ликвидацией безграмотности).

Организация лекций, бесед, отчетов и пр.

Трудповинность всех могущих знакомить население с электрификацией, с тейлоризацией и т. д.

Тезисы о производственной пропаганде (Черновой набросок), т. 42, с. 10

...Политическое просвещение означает подведение итогов всему... Оно означает практические результаты... Это — очень трудное искусство, которого без общего подъема культуры, без того, чтобы сделать рабоче-крестьянскую массу более культурной, чем наша теперешняя,— не решить! И на эту задачу Главполитпросвета мне и хотелось бы обратить больше всего внимания.

Все, что я сказал, я хочу резюмировать и подвести практические итоги всем задачам, стоящим перед губполитпросветами...

На мой взгляд, есть три главных врага, которые стоят сейчас перед человеком, независимо от его ведомственной роли, задачи, которые стоят перед политпросветчиком, если этот человек коммунист, а таких большинство. Три главных врага, которые стоят перед ним, следующие: первый враг — коммунистическое чванство, второй — безграмотность и третий — взятка.

Первый враг — коммунистическое чванство

Коммунистическое чванство — значит то, что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием. Пока он состоит членом правящей партии и таких-то государственных учреждений, на этом основании он воображает, что это дает возможность ему говорить об итогах политического просвещения. Ничего подобного! Это только коммунистическое чванство. Научиться политически просвещать — вот в чем дело, а мы этому не научились, и у нас к этому правильного подхода еще нет.

Второй враг — безграмотность

Относительно второго врага — безграмотности — я могу сказать, что, пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политико

говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика.

Третий враг — взятка

Наконец, если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет речи о политике. Тут еще нет даже подступа к политике, тут нельзя делать политики, потому что все меры останутся висеть в воздухе и не приведут ровно ни к каким результатам. Хуже будет от закона, если практически он будет применяться в условиях допустимости и распространенности взятки. При таких условиях нельзя делать никакой политики, здесь нет основного условия, чтобы можно было заняться политикой. Чтобы можно было набросать перед народом политические наши задачи, чтобы можно было показать народным массам: «вот к каким задачам мы должны стремиться» (а это мы должны бы были сделать!), надо понять, что здесь требуется повысить культурный уровень масс. И нужно добиться этого известного уровня культуры. Без этого осуществить на деле наши задачи нельзя.

Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., т. 44, с. 172—174

Народное образование

Ленин приветствует съезд от имени Совета Народных Комиссаров и говорит, что учительство, которое раньше медленно переходило на работу с Советской властью, теперь все больше убеждается в том, что эта совместная работа необходима. Подобные превращения из противников в сторонников Советской власти очень многочисленны и в других слоях общества.

Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительные задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения. Надо освободить жизнь, знание от подчинения капиталу, от ига буржуазии. Нельзя ограничить себя рамками узкой учительской деятельности. Учительство должно слиться со всей борющейся массой трудящихся. Задача новой педагогики — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества.

Речь на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г. Краткая протокольная запись, т. 36, с. 420

Одна из составных частей в той борьбе, которую мы сейчас ведем,— дело народного образования...

В области народного образования — то же самое: чем более культурно было буржуазное государство, тем более утонченно оно лгало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом.

На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих. Война показала, как чудеса современной техники служат средством для истребления миллионов рабочих и несметного обогащения наживающихся на войне капиталистов. Война внутренне подорвана, потому что мы разоблачили их ложь, противопоставив ей правду. Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие. Что такое был саботаж, объявленный наиболее образованными представителями старой буржуазной культуры? Саботаж показал нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми «низами». Они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступили против трудящихся масс.

Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г., т. 37, с. 76—77

Одним из таких буржуазных лицемерий является убеждение в том, что школа может быть вне политики. Вы прекрасно знаете, насколько лживо это убеждение. И буржуазия, выдвигающая такое положение, сама во главу угла школьного дела ставила свою буржуазную политику и старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислужников, старалась снизу доверху даже всеобщее обучение свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных слуг, исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием воспитания человеческой личности. И теперь ясно для всех, что это может сделать только школа социалистическая, стоящая в неразрывной связи со всеми трудящимися и эксплуатируемыми и стоящая не за страх, а за совесть на советской платформе.

Конечно, дело перестройки школы — дело трудное. И, конечно, тут бывали и сейчас наблюдаются ошибки и попытки принцип связи школы с политикой перетолковать и извратить в грубом и уродливом смысле, когда пытаются неумело внести эту политику в умы еще молодого подрастающего поколения, которому следует подготовиться. И несомненно, что с этим грубым применением основного принципа нам всегда придется бороться...

Далее, пропаганда и агитация. Сейчас естественно, что при том недоверии к учительскому составу, которое оставила практика саботажа и предрассудки буржуазного состава учительства, которое привыкло думать, что настоящее образование могут получать только богатые и что для большинства трудящихся достаточна только подготовка хороших слуг и хороших рабочих, но не настоящего хозяина жизни,— оставалась раздробленность во всех областях пропаганды и просвещения. Это осуждает часть учителей на узкую сферу, на сферу якобы учебы, и не дает нам возможности полностью создать единый аппарат, в который все силы науки войдут и будут работать вместе с нами. Нам удастся это сделать постольку, поскольку мы порвем со старыми буржуазными предрассудками, и тут задача вашего союза — привлечь самые широкие учительские массы в вашу семью, задача воспитать наиболее отсталые слои учительства, подчинить их общепролетарской политике, связать в общую организацию.

Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 18 января 1919 г., т. 37, с. 431—432

6. Мы боремся не только за победу социализма в России, но и во всем мире.
7. И в этой борьбе важнейшее значение имеет народное образование...
8. = *часть* этой борьбы.
9. Образование народа в капиталистическом обществе:
   - приличного слугу
   - расторопного холопа
   - услужливого приказчика
10. При социализме: ... чтобы те, кого капитализм отбрасывал в ряды наиболее придавленных, забитых, темных,
    — чтобы они *сами* управляли *всей* промышленностью, *всем* производством...

11. Борьба классов: саботаж...
использоют *силу знания,* как *монополию* богатых против трудящихся.
Уже сломан (в главной части) этот саботаж.
12. «Идти в народ» ... «Союз науки и рабочих» ...

План речи на I Всероссийском съезде по просвещению, т. 37, с. 527—528

В области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 года дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие разрушения этого господства, как равно и полного уничтожения деления общества на классы.

В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно осуществить коммунизм.

Ближайшими задачами на этом пути являются в настоящее время:

1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 16-ти лет.

2) Осуществление тесной связи обучения с общественно производительным трудом.

3) Снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

4) Усиление агитации и пропаганды среди учительства.

5) Подготовление кадров нового учительства, проникнутого идеями коммунизма.

6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие советов народного образования, мобилизация грамотных и т. д.).

Проект программы РКП(б). Основные задачи диктатуры пролетариата в России, т. 38, с. 95—96

Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и

держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии. В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

...Надо уметь различать, что́ было в старой школе плохого и полезного нам, и надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма...

Также и отрицая старую школу, питая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, ценя готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить уменье взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

...Наша школа должна давать молодежи основы знания, уменье вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей.

Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.), т. 41, с. 303, 306, 313

Нельзя *так* писать о политехническом образовании: выходит абстрактно, для далекого будущего, *не учитывается* насущная, теперешняя, печальная действительность.

Надо

1) добавить 1 или 2 тезиса о *принципиальном* значении политехнического образования

{*по Марксу*
по нашей программе РКП.}

2) Сказать ясно, что никоим образом мы не можем отказаться от принципа и от осуществления тотчас *в мере возможного* образования именно политехнического.

17-й тезис *долой.*

Про вторую ступень (12—17) сказать:

Крайне тяжелое хозяйственное положение республики требует в данное время безусловно и немедленно

слияния * 2-й ступени с профтехшколами,

превращения * 2-й ступени в профтехшколы, но вместе с тем, *дабы не было превращения в ремесленничество,* надо установить следующие точные правила:

1) избегать ранней специализации; разработать инструкцию об этом.

2) расширить во *всех* профтехшколах *общеобразовательные* предметы.

(Если таких программ еще нет, то повесить Луначарского)

Составить программу по годам:

коммунизм
история вообще
» революций
» революции 1917 г.

география
литература
и т. д.

3) *безусловным* заданием поставить *немедленный* переход к *политехническому* образованию или, вернее, немедленное осуществление ряда доступных сейчас же *шагов к политехническому образованию,* как-то:

| совместно с ГОЭЛРО |

а) посещение электрической станции, ближайшей, и ряд лекций с опытами на ней; *ряд практических работ,* какие только возможны с электричеством; разработать тотчас детальные программы
(на 1 посещение;
на курс в 5, 10 лекций; в 1, 2 месяца и т. д.),

б) тоже — *каждый сносно* поставленный *совхоз,*

в) тоже — *каждый сносно* поставленный *завод,*

| совместно с ГОЭЛРО |

г) мобилизация (для лекций по электричеству и политехническому образованию, руководству практическими занятиями, поездок и проч.) *всех* инженеров, агрономов, всех кончивших университет по физико-математическому факультету,

д) устройство маленьких музеев по политехническому образованию, поездов, пароходов и проч.

Это — архиважно. Мы нищие. Нам нужны столяры, слесаря, *тотчас. Безусловно.* **Все** должны стать столярами, слесарями и проч., *но* с таким-то добавлением общеобразовательного и политехнического минимума.

---

* (Исправить: сливать не всю 2-ю ступень, а с 13, 14 лет, *по указанию* и *решению* **педагогов.**)

Задача школ 2-й ступени (вернее: высших классов 2-й ступени) (12—17): дать вполне знающего свое дело, вполне способного стать мастером и практически подготовленного к этому

столяра,

плотника,

слесаря и т. п.,

с тем, однако, чтобы этот «ремесленник» имел

широкое общее образование (знал minimum* *основы* таких-то и таких-то наук; указать точно, каких);

был коммунистом (точно указать, *чтó* должен знать);

имел политехнический кругозор и основы (начатки) политехнического образования,

именно:

(аа) *основные* понятия об электричестве (точно определить, какие),

(бб) о применении электричества к *механической* промышленности,

(вв) — » — тоже к *химической,*

(гг) тоже о плане электрификации РСФСР,

(дд) посетил не **менее 1—3** раз электрическую станцию, завод, совхоз,

(ее) знал *такие-то* основы агрономии и т. д.

Разработать *детально минимум знаний.*

(Гринько, видимо, пересобачил до глупости, *отрицая* политехническое образование (может быть, частью и О. Ю. Шмидт). *Исправить это.*)

О политехническом образовании. Заметки на тезисы Надежды Константиновны [45]*, т. 42, с. 228—230*

Руководитель-коммунист тем и только тем должен доказать свое право на руководство, что он *находит* себе *многих,* все больше и больше, помощников из педагогов-практиков, что он *умеет им* помочь работать, *их* выдвинуть, *их* опыт показать и учесть.

В *этом* смысле безусловный лозунг наш должен быть: *поменьше* «руководства», побольше практического дела, то есть поменьше общих рассуждений, побольше фактов и проверенных фактов, показывающих, в чем, при каких условиях, насколько идем мы вперед или стоим на месте или отступаем назад. Коммунист-руководитель, исправивший программы преподавания педагогов-практиков, составивший удачный учебник, добившийся хотя бы ничтожного, но *практически-осуществляющегося* улучшения в содер-

* — минимум. *Ред.*

жании работы, в условиях работы *десяти, сотни, тысячи* педагогов-спецов,— вот это настоящий руководитель. А коммунист, *рассуждающий* о «руководстве» *и не умеющий* приспособить к практическому делу спецов, не умеющий добиться *их* успеха на практике, не умеющий использовать практического опыта сотен и сотен учителей, такой коммунист никуда не годится.

О работе Наркомпроса, т. 42, с. 325—326

От всей души рекомендую настоящую работу тов. Степанова вниманию всех коммунистов.

Автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов. Автор прекрасно сделал, что решил писать книгу не для интеллигентов (как у нас принято писать книги, подражая худшим манерам буржуазных писателей), а для трудящихся, для настоящей массы народа, для рядовых рабочих и крестьян...

Чего нам больше всего не хватает для настоящей (а не чиновнически-бездельной) работы по народному просвещению — это именно вот таких «пособий для школ» (для всех, обязательно всех школ вообще), как настоящее. Если бы все наши литераторы-марксисты вместо того, чтобы тратить свои силы на всем надоевшую газетную и журнальную политическую трескотню, засели за такие же пособия или учебники по всем без изъятия общественным вопросам, тогда мы не переживали бы такого позора, что почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в *его*, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу.

Восьмой съезд Советов постановил, что преподавание плана электрификации обязательно во всех — во всех без изъятия — учебных заведениях РСФСР. Это постановление осталось, как и многие другие, на бумаге вследствие нашей (нас, большевиков) некультурности. Теперь, с появлением в свет настоящего «пособия для школ» тов. Степанова, надо добиться — и мы добьемся! — того, чтобы в каждой уездной библиотеке (а затем и в каждой волостной) было по нескольку экземпляров этого «пособия»; — чтобы при каждой электрической станции в России (а их свыше 800) не только была эта книга, но и читались обязательно общедоступные народные чтения об электричестве и об электрификации РСФСР и о технике вообще; — чтобы каждый народный учитель в каждой школе прочел и усвоил это «пособие» (для помощи в этом деле должен быть в каждом уезде устроен кружок или

группа инженеров и преподавателей физики), и не только прочел, понял и усвоил сам, но умел бы пересказывать это просто и понятно ученикам школы и крестьянской молодежи вообще.

Добиться этого будет стоить немалого труда. Мы — нищие люди и некультурные люди. Не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться. Было бы ясное понимание того, что рабочему и крестьянину ученье нужно теперь не для принесения «пользы» и прибыли помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить *свою* жизнь.

А это все у нас есть. И поэтому учиться мы будем и научимся.

Н. Ленин

Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», т. 45, с. 51—52

Я нисколько не отрицаю пользы учебников и недавно писал, что было бы лучше, если бы наши литераторы поменьше уделяли внимания газетам, политической трескотне, а писали бы учебники, что превосходным образом сделали бы многие... Основное дело сейчас — воспитание молодого поколения, а его не на чем воспитывать. В самом деле — на чем оно учится общественным наукам? На старом буржуазном хламе. Это — позор! И это тогда, когда у нас сотни марксистских литераторов, которые могут дать учебники по всем общественным вопросам, но не дают потому, что не тем заняты, не туда устремляются.

XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта, т. 45, с. 119

В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Оказалось, что, как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (1897 годом) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня.

Надо, чтобы мы не ограничивались этим бесспорным, но слишком теоретическим положением. Надо, чтобы при ближайшем пересмотре нашего квартального бюджета мы взялись за дело и практически. Конечно, в первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса. Не надо скаредничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний, когда мы сравнительно сносно им обеспечены.

Работа, которая ведется теперь в области народного образования, вообще говоря, не может быть названа слишком узкой. Делается очень немало для того, чтобы сдвинуть с места старое учительство, чтобы привлечь его к новым задачам, заинтересовать его новой постановкой вопросов педагогики, заинтересовать в таких вопросах, как вопрос религиозный.

Но мы не делаем главного. Мы не заботимся или далеко не достаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни даже о буржуазной...

Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения.

Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией, и привлечь их к союзу с пролетариатом.

Странички из дневника, т. 45, с. 363—366

Печать и радио

...До сих пор наша советская пресса в значительной степени находится еще под впечатлением старых привычек и старых традиций буржуазного общества. Это сказывается между прочим на том, что и наша пресса продолжает уделять, как и старая буржуазная пресса, непомерно много места и внимания тем мелочам политики, тем личным вопросам политического руководства, которыми капиталисты всех стран старались отвлекать внимание народных масс

от действительно серьезных, глубоких и коренных вопросов их жизни. И в этом отношении нам предстоит еще почти заново решить задачу, для решения которой есть налицо все материальные предпосылки, нет только сознания необходимости этой задачи и готовности решить ее. Это, именно, задача — превратить прессу из органа преимущественно сообщения политических новостей дня в серьезный орган экономического воспитания масс населения. Нужно будет добиться, и мы добьемся того, что пресса, обслуживающая советские массы, будет уделять меньше места вопросам о личном составе политического руководительства, или о девятистепенных политических мероприятиях, составляющих обыденную деятельность, рутинную работу всех политических учреждений. На первое же место пресса должна будет ставить вопросы труда в их непосредственно практической постановке. Пресса должна стать органом трудовой коммуны в том смысле, чтобы предавать гласности как раз то, что старались скрыть от массы руководители капиталистических предприятий. Для капиталиста внутренняя организация его предприятия представляла собою нечто, коммерческой тайной защищенное от глаз посторонней публики,— нечто такое, где, кажется, хотели быть всевластными и единовластными, защищенными не только от критики, не только от постороннего вмешательства, но и от постороннего глаза. Наоборот, для Советской власти именно организация труда в отдельных крупнейших предприятиях и в отдельных деревенских общинах является самым главным, коренным и злободневным вопросом всей общественной жизни. Нашим первым и главным средством для повышения самодисциплины трудящихся и для перехода от старых, никуда не годных, приемов работы или приемов отлынивания от работы в капиталистическом обществе,— главным средством должна являться пресса, вскрывающая недочеты хозяйственной жизни каждой трудовой коммуны, беспощадно клеймящая эти недочеты, открыто вскрывающая все язвы нашей хозяйственной жизни и, таким образом, апеллирующая к общественному мнению трудящихся для излечения этих язв. Пусть у нас будет вдесятеро меньше газетного материала (может быть, было бы хорошо, если его будет в 100 раз меньше), газетного материала, посвященного так называемой злобе дня,— но пусть у нас будет распространенная в сотнях тысяч и миллионах экземпляров печать, знакомящая все население с образцовой постановкой дела в немногих опережающих другие трудовых коммунах государства. Каждая фабрика, каждая артель и земледельческое предприятие, каждое селение, переходящее к новому земледелию с применением закона о социализации земли, является теперь в смысле демократических основ Советской власти самостоятельной коммуной с внутренней организацией тру-

да. В каждой из этих коммун повышение самодисциплины трудящихся, умение их сработаться с руководителями-специалистами, хотя бы из буржуазной интеллигенции, достижение ими практических результатов в смысле повышения производительности труда, экономии человеческого труда, сбережения продуктов от того неслыханного расхищения, от которого мы страдаем непомерно в настоящее время,— вот что должно составить содержание большей части материала нашей советской печати. Вот на каком пути мы можем и должны достигнуть того, чтобы сила примера стала в первую голову моральным, а затем — и принудительно вводимым образцом устройства труда в новой Советской России.

При капиталистическом обществе были неоднократно примеры устройства трудовых коммун со стороны людей, которые надеялись мирно и безболезненно убедить человечество в преимуществе социализма и обеспечить его введение. Со стороны революционных марксистов такая точка зрения и такие приемы деятельности вызывают вполне законные насмешки, потому что в обстановке капиталистического рабства достигнуть каких-нибудь коренных изменений путем изолированных примеров было бы, действительно, совершенно пустым мечтанием, на практике приводившим либо к безжизненным предприятиям, либо к превращению этих предприятий в союзы мелких капиталистиков.

Эта привычка относиться с насмешкой и с пренебрежением к значению примера в массовом народном хозяйстве сказывается иногда и теперь у людей, которые не продумали коренного изменения, наступившего со времени завоевания политической власти пролетариатом. Теперь, когда земля перестала быть частной собственностью, когда фабрики и заводы почти перестали быть частной собственностью и, несомненно, перестанут быть таковою в самом ближайшем будущем — (ввести соответственные декреты — это не представит для Советской власти при теперешнем ее положении решительно никакого труда),— теперь значение примера трудовой коммуны, решающего лучше, чем какие бы то ни было другие способы, организационные задачи, приобрело гигантское значение. Нам надо именно теперь позаботиться о том, чтобы масса необыкновенно ценного материала, который имеется налицо в виде опыта новой организации производства в отдельных городах, в отдельных предприятиях, в отдельных деревенских общинах,— чтобы этот опыт стал достоянием масс.

Мы до сих пор находимся еще под значительным давлением старого общественного мнения буржуазии. Если посмотреть на наши газеты, то легко убедиться в том, какое непомерно большое место уделяем мы еще вопросам, поставленным буржуазией,— вопросам, которыми она хочет отвлечь внимание трудящихся от кон-

кретных практических задач социалистического переустройства. Мы должны превратить,— и мы превратим,— прессу из органа сенсаций, из простого аппарата для сообщения политических новостей, из органа борьбы против буржуазной лжи — в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому.

Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти», т. 36, с. 146—149

Печать должна служить орудием социалистического строительства, знакомя во всех деталях с успехами образцовых коммун, изучая причины их успеха, приемы их хозяйства, ставя, с другой стороны, «на черную доску» те коммуны, которые упорно хранят «традиции капитализма», т. е. анархии, лодырничанья, беспорядка, спекуляции. Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов,— мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать,— чтобы *сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения, чтобы выдающиеся коммуны вознаграждались немедленно (сокращением на известный период рабочего дня, повышением заработка, предоставлением большего количества культурных или эстетических благ и ценностей и т. п.).

Очередные задачи Советской власти, т. 36, с. 192

Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы,— политической трескотне. Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни,— фактам и фактам на этот счет.

Почему бы, вместо 200—400 строк, не говорить в 20—10 строках о таких простых, общеизвестных, ясных, усвоенных уже в значительной степени массой явлениях, как подлое предательство меньшевиков, лакеев буржуазии, как англо-японское нашествие ради восстановления священных прав капитала, как лязганье зубами американских миллиардеров против Германии и т. д., и т. п.? Говорить об этом надо, каждый новый факт в этой области отмечать надо, но не статьи писать, не рассуждения повторять, а в нескольких строках, «в телеграфном стиле» клеймить новые проявления старой, уже известной, уже оцененной политики.

Буржуазная пресса в «доброе старое буржуазное время» не касалась «святого святых» — внутреннего положения дел на частных фабриках, в частных хозяйствах. Этот обычай отвечал интересам буржуазии. От него нам надо радикально отделаться. Мы от

него *не* отделались. Тип газет у нас *не* меняется еще так, как должен бы он меняться в обществе, переходящем от капитализма к социализму.

Поменьше политики. Политика «прояснена» полностью и сведена на борьбу двух лагерей: восставшего пролетариата и кучки рабовладельцев-капиталистов (с их сворой вплоть до меньшевиков и пр.). Об этой политике можно, повторяю, и должно говорить совсем коротко.

Побольше экономики. Но экономики не в смысле «общих» рассуждений, ученых обзоров, интеллигентских планов и т. п. дребедени,— которая, к сожалению, слишком часто является именно дребеденью. Нет, экономика нужна нам в смысле собирания, *тщательной проверки* и изучения фактов действительного строительства новой жизни. Есть ли *на деле* успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? Нет ли тут побасенок, хвастовства, интеллигентских обещаний («налаживается», «составлен план», «пускаем в ход силы», «теперь ручаемся», «улучшение несомненно» и т. п. шарлатанские фразы, на которые «мы» такие мастера)? Чем достигнуты успехи? Как сделать их более широкими?

Черная доска отсталых фабрик, после национализации оставшихся образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства, где она? Ее нет. А такие фабрики *есть*. Мы не умеем выполнять своего долга, не ведя *войны* против этих «хранителей традиций капитализма». Мы не коммунисты, а тряпичники, пока мы молча терпим такие фабрики. Мы не умеем вести классовой борьбы в газетах так, как ее вела буржуазия. Припомните, как великолепно *травила* она в прессе *ее* классовых врагов, как издевалась над ними, как позорила их, как сживала их со света. А мы? Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего *класса* от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,— содрать с «него» денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, среди сормовских и путиловских рабочих и т. д.? Скольких из них мы поймали, скольких изобличили, скольких пригвоздили к позорному столбу?

Печать об этом молчит. А если пишет, то по-казенному, по-чиновничьи, не как *революционная* печать, не как орган *диктатуры* класса, доказывающего своими делами, что сопротивление капиталистов и хранящих капиталистические привычки тунеядцев будет сломлено железной рукой.

То же с войной. Травим ли мы трусливых полководцев и разинь? Очернили ли мы перед Россией полки, никуда не годные? «Поймали» ли мы достаточное количество худых образцов, которых надо бы с наибольшим шумом удалить из армии за негодность, за халатность, за опоздание и т. п.? У нас нет деловой, беспощадной, истинно революционной *войны с конкретными* носителями зла. У нас мало *воспитания масс* на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни, а это — главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму. У нас мало внимания к той *будничной* стороне внутрифабричной, внутридеревенской, внутриполковой жизни, где всего больше строится новое, где нужно всего больше внимания, огласки, общественной критики, травли негодного, призыва учиться у хорошего.

Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое.

О характере наших газет, т. 37, с. 89—91

...«Свобода печати» является тоже одним из главных лозунгов «чистой демократии». Опять-таки рабочие знают... что эта свобода есть обман, пока лучшие типографии и крупнейшие запасы бумаги захвачены капиталистами и пока остается власть капитала над прессой, которая проявляется во всем мире тем ярче, тем резче, тем циничнее, чем развитее демократизм и республиканский строй, как, например, в Америке. Чтобы завоевать действительное равенство и настоящую демократию для трудящихся, для рабочих и крестьян, надо сначала отнять у капитала возможность нанимать писателей, покупать издательства и подкупать газеты, а для этого необходимо свергнуть иго капитала, свергнуть эксплуататоров, подавить их сопротивление... Капиталисты называют свободой печати свободу подкупа печати богатыми, свободу использовать богатство для фабрикации и подделки так называемого общественного мнения. Защитники «чистой демократии» опять-таки оказываются на деле защитниками самой грязной, продажной системы господства богачей над средствами просвещения масс, оказываются обманщиками народа, отвлекающими его посредством благовидных, красивых и насквозь фальшивых фраз от конкретной исторической задачи освобождения прессы от ее закабаления капиталу.

I конгресс Коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 г. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта, т. 37, с. 495

Товарищи из Организационного бюро Центрального Комитета обещали переработать имеющиеся у них подробные цифры еще таким образом, чтобы можно было сравнить хотя бы два исходных пункта. Тогда всякому будет видна та гигантская просветительная работа партии, которая первый раз в истории использует современную типографскую крупнокапиталистическую технику не для буржуазии, а для рабочих и крестьян. Нас тысячи и миллионы раз обвиняли и обвиняют за нарушение свободы печати, за отказ от демократии. Демократией обвинители называют то, чтобы пресса была куплена капиталом, чтобы богатые люди могли пользоваться печатью в своих целях. Мы это называем не демократией, а плутократией. Все то, что буржуазная культура создала, чтобы обманывать народ и защищать капиталистов, мы отняли у них для того, чтобы удовлетворять политические запросы рабочих и крестьян. И мы в этом отношении сделали столько, сколько ни одной социалистической партии не удавалось сделать за четверть века или полвека.

VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Отчет Центрального Комитета 18 марта, т. 38, с. 149—150

Посмотрите на буржуазию. Как великолепно она умеет рекламировать то, что *ей* нужно! Как «образцовые», в глазах капиталистов, предприятия расхваливаются в миллионах экземпляров *их* газет, как из «образцовых» буржуазных учреждений создается предмет национальной гордости! Наша пресса не заботится, или почти совсем не заботится, о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при *образцовой коммунистической работе,* может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся.

Великий почин, т. 39, с. 25

Та свобода печати, в нарушении которой постоянно обвиняли большевиков,— что такое эта свобода печати в капиталистическом обществе? Всякий наблюдал, чем была печать у нас в «свободной» России. Еще больше это наблюдали люди, которые знакомились, непосредственно наблюдая или имея дело с постановкой печати в передовых капиталистических странах. Свобода печати в капиталистическом обществе — это значит свобода торговать печатью и

воздействием на народные массы. Свобода печати — это содержание прессы, могущественнейшего орудия воздействия на народные массы, на счет капитала. Вот что такое свобода печати, которую большевики разрушили, и они гордятся тем, что дали впервые свободу печати от капиталистов, что они в первый раз в громадной стране создали печать, которая не зависит от горстки богатых и миллионеров,— печать, которая целиком посвящена задачам борьбы против капитала, и этой борьбе мы должны подчинить все.

Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г., т. 39, с. 133—134

Капитализм делал из газет капиталистические предприятия, орудия наживы для богачей, информации и забавы для них, орудия обмана и одурачения для массы трудящихся. Мы сломали орудия наживы и обмана. Мы *начали* делать из газеты орудие просвещения масс и обучения их жить и строить свое хозяйство *без* помещиков и без капиталистов. Но мы только-только еще начали это делать. За три с лишним года сделали немного. А надо сделать еще очень много, пройти еще очень большой путь. Поменьше политической трескотни, поменьше общих рассуждений и абстрактных лозунгов, которыми услаждаются неопытные и не понявшие своих задач коммунисты, побольше производственной пропаганды, а всего больше делового, умелого, приспособленного к уровню развития массы учета практического опыта.

О работе Наркомпроса, т. 42, с. 329—330

Товарищу Сталину с просьбой переслать вкруговую всем членам Политбюро

Товарищ Сталин,

прилагаю два доклада: первый — профессора Осадчего, специалиста по электричеству, о радиотелеграфной и телефонной связи; второй — Бонч-Бруевича (не родственника известных братьев Бонч-Бруевич, из которых один был управдел СНК, а другой выдающимся царским генералом). Этот Бонч-Бруевич, доклад которого я прилагаю,— крупнейший работник и изобретатель в радиотехнике, один из главных деятелей Нижегородской радиолаборатории.

Из этих докладов видно, что в нашей технике вполне осуществима возможность передачи на возможно далекое расстояние по беспроволочному радиосообщению живой человеческой речи; вполне осуществим также пуск в ход многих сотен приемников, которые были бы в состоянии передавать речи, доклады и лекции,

делаемые в Москве, во многие сотни мест по республике, отдаленные от Москвы на сотни, а при известных условиях, и тысячи верст.

Я думаю, что осуществление этого плана представляет для нас безусловную необходимость как с точки зрения пропаганды и агитации, особенно для тех масс населения, которые неграмотны, так и для передачи лекций. При полной негодности и даже вредности большинства допускаемых нами буржуазных профессоров по общественным наукам у нас нет иного выхода, как добиться того, чтобы наши немногие коммунистические профессора, способные читать лекции по общественным наукам, читали эти лекции для сотен мест во всех концах федерации.

Поэтому я думаю, что ни в коем случае не следует жалеть средств на доведение до конца дела организации радиотелефонной связи и на производство вполне пригодных к работе громкоговорящих аппаратов.

Предлагаю вынести постановление об ассигновке сверх сметы в порядке экстраординарном до 100 тысяч рублей золотом из золотого фонда на постановку работ Нижегородской радиолаборатории, с тем чтобы максимально ускорить доведение до конца начатых ею работ по установке вполне пригодных громкоговорящих аппаратов и многих сотен приемников по всей республике, способных повторять для широких масс речи, доклады и лекции, произносимые в Москве или другом центре.

Поручить СТО установить особый надзор за расходованием этого фонда и, может быть, если окажется целесообразным, ввести премии из указанного фонда за особо быстрый и успешный ход работы...

Предлагаю поэтому поручить СТО выяснить необходимые расходы на то, чтобы радиолаборатория максимально ускорила разработку усовершенствования и производства громкоговорящих телефонов и приемников. Только на это мы должны, по моему мнению, ассигновать сверхсметно определенную сумму золота.

Письма И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б) о развитии радиотехники. 19 мая 1919 г., т. 45, с. 194—196

Прошу... представить мне сведения о том, в каком положении находится у нас дело беспроволочного телефона.

1) Работает ли Центральная московская станция? Если да, по скольку часов в день? на сколько верст?

Если нет, чего не хватает?

2) Выделываются ли (и сколько?) приемников, аппаратов, способных слушать разговор Москвы?

3) Как стоит дело с рупорами, аппаратами, позволяющими целому залу (или площади) слушать Москву?

и т. д.

Я очень боюсь, что это дело опять «заснуло» (по проклятой привычке российских Обломовых *усыплять* всех, все и вся).

«Обещано» было много раз, и сроки все давно прошли!

Важность этого дела для нас (для пропаганды особенно на Востоке) *исключительная*. Промедление и халатность тут преступны.

За границей все это уже есть; купить недостающее можно и должно. По всей вероятности, где-нибудь есть преступная халатность.

Письмо В. С. Довгалевскому и поручение секретарю. 2 сентября 1921 г., т. 53, с. 160—161

Прочитал сегодня в «Известиях» сообщение, что Нижегородский горсовет возбудил ходатайство перед ВЦИК о предоставлении Нижегородской радиолаборатории ордена Красного Трудового Знамени и о занесении профессоров Бонч-Бруевича и Вологдина на красную доску.

Прошу Вашего отзыва. Я, с своей стороны, считал бы необходимым поддержать это ходатайство.

Кстати, в связи с Вашим письмом ко мне, прошу Вас сообщить, вполне ли Вы довольны работой Нижегородской радиолаборатории; а также прислать мне, по возможности самый короткий, отзыв Бонч-Бруевича о том, как идет его работа по изготовлению рупоров, способных передавать широким массам то, что сообщается по беспроволочному телефону. Эти работы имеют для нас исключительно важное значение ввиду того, что их успех, который давно был обещан Бонч-Бруевичем, принес бы громадную пользу агитации и пропаганде.

Поэтому необходимо пойти на некоторые жертвы, чтобы поддержать эти работы. В частности, я слышал, что в Америке подобные работы повели уже к успешным практическим результатам.

Надо бы проверить, есть ли у нас в распоряжении Нижегородской радиолаборатории вся новейшая американская литература по этому вопросу.

В. С. Довгалевскому. 11 мая 1922 г., т. 54, с. 255

Развитие библиотечного дела

...Видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописаний X века, а в том, *как широко* обращаются книги *в народе*, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу, сколько книг роздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользованию библиотекой...

Что можно сделать для народного образования, т. 23, с. 348

Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться.

Библиотечное дело в Петрограде поставлено, в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом, из рук вон плохо.

Немедленно и безусловно необходимы следующие основные преобразования, исходящие из принципов, давно осуществленных в свободных государствах Запада, особенно в Швейцарии и в Соединенных Штатах Северной Америки:

1) Публичная библиотека (бывшая Императорская) должна немедленно перейти *к обмену* книгами как со *всеми* общественными и казенными библиотеками Питера и провинции, так и *с заграничными* библиотеками (Финляндии, Швеции *и так далее).*

2) Пересылка книг *из библиотеки в библиотеку* должна быть, по закону, объявлена *даровой.*

3) Читальный зал библиотеки должен быть открыт, как делается в культурных странах *в частных* библиотеках и читальнях для *богатых* людей,

ежедневно, *не* исключая праздников и воскресений, с 8 час. утра до 11 час. вечера.

О задачах публичной библиотеки в Петрограде, т. 35, с. 132—133

Прошу передать в ваши библиотечные отделы (как внешкольного образования, так и государственных библиотек и др.) нижеследующие мои дополнительные соображения по вопросу, недавно поднятому в СНК, и сообщить мне ваше (и соответствующих отделов) заключение по этому поводу.

* * *

Библиотечное дело, включающее, конечно, «избы-читальни», всякие читальни и т.п., больше всего требует вызова *соревнования* между отдельными губерниями, группами, читальнями и проч. и т. п.

Правильная постановка *отчетности*, которой потребовал теперь СНК, должна служить *трем* целям:

1) правдивое и полное *ознакомление* как Советской власти, так и всех граждан о том, что делается;

2) привлечение к работе *самого населения;*

3) вызов *соревнования* библиотечных работников.

Для этой цели необходима немедленная выработка таких формуляров и форм отчета, которые удовлетворяли бы этим целям.

По-моему, формуляры отчетов должны быть изготовлены в центре, затем перепечатываться по губерниям и рассылаться во все отделы народного просвещения и во *все* библиотеки, читальни, клубы и т. п.

В этих формулярах должны быть *выделены* (и напечатаны, скажем, жирным шрифтом) те *обязательные* вопросы, за неответ на которые заведующие библиотеками и т. п. отвечают *по суду*. А затем к этим обязательным ответам прибавить *очень* много *необязательных* ответов (в том смысле, что неответ на них не влечет предания суду обязательно).

К обязательным §§ формуляра должны быть отнесены, например, адрес библиотеки (или читальни и т. п.), имена заведующего и членов правления с адресами их, число книг и газет, время открытия и т. п. (для больших библиотек и другие сведения).

К необязательным §§ должны быть отнесены, в виде вопросов, **все** улучшения, применявшиеся в Швейцарии и Америке (и других странах), чтобы можно было **поощрять** (выдачей премий ценными изданиями, комплектами и пр.) тех, кто наибольшее число улучшений и наилучше провел.

Например: 1) можете ли вы точными данными доказать рост *обращаемости* книг в вашей библиотеке? или 2) посещаемость вашей читальни? или 3) обмен книгами и газетами с другими библиотеками и читальнями? или 4) создание центрального каталога? или 5) использование воскресений? или 6) использование вечеров? или 7) привлечение новых слоев читателей, женщин, детей, нерусских и т. п.? или 8) удовлетворение вами справок читателя? или 9) простые и практичные способы хранения книг и газет? сбережения их? механические соединения при чтении и откладывании на место? или 10) выдачи на дом? или 11) упрощения гарантий при выдаче на дом? или 12) при посылке по почте?

и т. д., и т. д., и т. под.

За лучшие отчеты и за успехи награждать премиями.

Отчеты Библиотечного отдела Наркомпроса *обязательно* должны осведомлять СНК, *сколько* отчетов ежемесячно получается и на какие вопросы приходят ответы; итоги.

В Народный Комиссариат Просвещения, т. 37, с. 474—477

Когда я соприкасался в Совете Народных Комиссаров... с вопросом библиотечным, я говорил: те жалобы, которые постоянно слышались — виновата наша производственная отсталость, у нас мало книг, и мы не можем произвести их в достаточном количестве,— я говорю себе — это правда. Конечно, у нас топлива нет, фабрики стоят, бумаги мало, и книг мы получить не можем. Это все правильно, но кроме того правильно и то, что мы не можем взять книжки, которая у нас есть. Мы продолжаем страдать в этом отношении от мужицкой наивности и мужицкой беспомощности, когда мужик, ограбивший барскую библиотеку, бежал к себе и боялся, как бы кто-нибудь у него ее не отнял, ибо мысль о том, что может быть правильное распределение, что казна не есть нечто ненавистное, что казна — это есть общее достояние рабочих и трудящихся, этого сознания у него быть еще не могло. Неразвитая крестьянская масса в этом не виновата, и с точки зрения развития революции это совершенно законно,— это неизбежная стадия, и, когда крестьянин брал к себе библиотеку и держал у себя тайно от других, он не мог поступать иначе, ибо он не понимал, что можно соединить библиотеки России воедино, что книг будет достаточно, чтобы грамотного напоить и безграмотного научить. Сейчас необходимо бороться с остатками дезорганизации, с хаосом, со смешными ведомственными спорами. Это должно составить нашу главную задачу. Мы должны взяться за простое, насущное дело мобилизации грамотных и борьбы с неграмотностью. Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогли бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку, не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию. В этом малом деле отражается основная задача нашей революции.

I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г. Приветственная речь 6 мая, т. 38, с. 331—332

3 ноября 1920 издан декрет СНК «О централизации библиотечного дела» (ст. 439 Собрания узаконений, 1920, № 87), о создании *единой библиотечной сети РСФСР*.

Вот некоторые фактические данные, которые мне удалось получить по этому вопросу от т. Малкина, из «Центропечати», и т. Модестова, из библиотечной секции МОНО (Московского отдела народного образования). По 38 губерниям, по 305 уездам, количество библиотек в центральной Советской России (без Сибири, без Северного Кавказа) было следующее:

Библиотеки центральные	342
» районные городск. . . .	521
» волостные	4 474
» передвижные	1 661
Избы-читальни	14 739
Прочие («сельские, детские, справочные, разных учреждений, разных организаций»)	12 203
Всего	33 940

Тов. Модестов полагает, на основании своего опыта, что около $^3/_4$ этих библиотек существует на деле, остальные только на бумаге. По Московской губернии данные «Центропечати» дают 1223 библиотеки, по данным т. Модестова — 1018; в том числе 204 по городу и 814 по губернии, не считая библиотек профсоюзов (вероятно, около 16) и военных (около 125).

Насколько можно судить из сравнения погубернских данных, надежность этих цифр не очень велика — как бы не оказалась она на деле меньше чем в 75%! В Вятской губернии, например, 1703 избы-читальни, в Владимирской — 37, в Петроградской — 98, в Иваново-Вознесенской — 75, и т. п. «Прочих» библиотек в Петроградской губернии — 36, в Воронежской — 378, в Уфимской — 525, в Псковской — 31, и т. д.

По-видимому, эти данные указывают именно на то, что подъем к знанию массы рабочих и крестьян громадный, стремление к образованию и к созданию библиотек могучее, «народное» в настоящем смысле слова. Но уменья организовать, упорядочить, оформить это стремление народа, дать этому стремлению правильное удовлетворение у нас далеко, далеко еще нет. Над созданием действительно *единой* библиотечной *сети* придется еще очень и очень много и упорно поработать.

...Надо добиваться и добиваться того, чтобы газеты и книги, по правилу, распределялись даром *только* по библиотекам и читальням, по *сети* их, правильно обслуживающей всю страну, всю массу рабочих, солдат, крестьян. Тогда народ во сто раз сильнее, быстрее, успешнее потянется к грамоте, к свету, к знанию. Тогда дело просвещения двинется вперед семимильными шагами.

Маленький расчет для наглядности, в качестве примера, 350 тысяч «Известий» и 250 тысяч «Правды» на всю Россию. Мы нищие. Бумаги нет. Рабочие холодают и голодают, раздеты, разуты. Машины изношены. Здания разваливаются. Представим себе, что мы имеем на всю страну, на 10 000 с лишним волостей, 50 000 библиотек и читален, но не на бумаге, а на деле. Не меньше трех на каждую волость и обязательно по одной на каждый завод или фабрику, на каждую воинскую часть. Представим себе, что мы научились делать не только «первый шаг от капитализма к коммуниз-

му», но и второй и третий шаг. Представим себе, что мы научились распределять правильно по 3 экземпляра газет на каждую библиотеку и читальню, из них 2, допустим, на «расклейку» (предполагая, что мы сделали четвертый шаг от капитализма к коммунизму, я допускаю, решаюсь допустить, что вместо варварской «расклейки», портящей газету, мы прибиваем ее деревянными гвоздями — железных нет, железа и на «четвертом шаге» у нас будет нехватка! — к гладкой доске, чтобы было удобно читать и чтобы сохранялась газета). Итак, 2 экземпляра на 50 000 библиотек и читален на «расклейку», 1 экземпляр для запаса. Представим себе дальше, что давать газету зря, «совбурам» (советской бюрократии.— *Ред.*), мы научились в *умеренном* количестве, ну, скажем, не более, чем несколько тысяч экземпляров для избалованных «сановников» всея Советской республики.

При столь смелых допущениях 160, допустим, 175 тысяч экземпляров хватит на всю страну впятеро лучше, чем теперь. Все будут иметь возможность осведомляться из газеты (при надлежащей организации «передвижек», которые так успешно, на мой взгляд, защищала на днях товарищ Ф. Доблер в «Правде»). 350 тысяч экземпляров двух газет. Ныне — 600 тысяч, расхищенных «совбурами», растаскиваемых зря, «на цигарки» и т. п., просто в силу капиталистических привычек. Экономия была бы 250 тысяч экземпляров. Другими словами: сэкономили бы себе, несмотря на наше нищенство, *две* ежедневные газеты по 125 тысяч экземпляров. И в каждой такой газете каждый день можно бы давать народу серьезный и ценный литературный материал, лучшую и классическую беллетристику, учебники общеобразовательные, учебники сельского хозяйства, учебники по промышленности. Если французские буржуа еще до войны научились, чтобы наживать деньгу, издавать романы для народа не по $3^1/_2$ франка в виде барской книжечки, а по 10 сантимов (т. е. в 35 раз дешевле, 4 копейки по довоенному курсу) в виде пролетарской газеты, то почему бы нам — на втором шаге от капитализма к коммунизму — не научиться поступать таким же образом? Почему бы нам не научиться, поступая таким же образом, достичь того, чтобы в один год — даже при теперешней нищете — дать народу, по 2 экземпляра на каждую из 50 000 библиотек и читален, все необходимые учебники и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники?

Научимся.

О работе Наркомпроса, т. 42, с. 327—328, 330—332

5. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

«...УСЛОВИЕМ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ЯВЛЯЕТСЯ... ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОДЪЕМ МАССЫ НАСЕЛЕНИЯ»

...Социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом. Социализм должен *по-своему,* своими приемами — скажем конкретнее, *советскими* приемами — осуществить это движение вперед...

Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности...

Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутиной люди, не способные понять, сколько порыва к свету и инициативности развертывается теперь в народных «низах» благодаря советской организации. Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, уменья работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации.

С этой стороны дело обстоит у нас особенно плохо и даже безнадежно, если поверить людям, давшим себя запугать буржуазии или корыстно служащим ей. Эти люди не понимают, что не было и быть не может революции, когда бы сторонники старого не вопили о развале, об анархии и т. п. Естественно, что в массах, только что сбросивших невиданно-дикий гнет, идет глубокое и широкое кипение и брожение,— что выработка массами новых основ трудовой дисциплины — процесс очень длительный,— что до полной победы над помещиком и буржуазией такая выработка не могла даже и начаться.

Но, нисколько не поддаваясь тому, часто поддельному, отчаянию, которое распространяют буржуа и буржуазные интеллигенты (отчаявшиеся отстоять свои старые привилегии), мы никоим образом не должны прикрывать явного зла. Напротив, мы будем раскрывать его и усиливать советские приемы борьбы против него,

ибо успех социализма немыслим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией, этого настоящего залога возможной реставрации керенщины и корниловщины.

Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора,— как и все прогрессы капитализма,— соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнании лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее.

Очередные задачи Советской власти, т. 36, с. 178, 188—190

...Мы, пролетариат России, *впереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма.

О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, т. 36, с. 306

В капиталистическом обществе в лучших случаях, в самых передовых странах, после десятилетий, иногда даже после столетий развития цивилизации и культуры у буржуазной демократии никогда не случалось, чтобы профессиональные союзы охватывали больше, чем одну пятую часть наемных работников. Небольшая верхушка участвовала в них, и из этой верхушки лишь ничтожная часть подманивалась, подкупалась капиталистами, чтобы в качестве вождей рабочих занимать места в капиталистическом обществе. Американские социалисты называли этих людей «рабочими лейтенантами класса капиталистов». Они в стране самой свободной буржуазной культуры, самой демократической буржуазной республики лучше всего видели эту роль ничтожных верхушек про-

летариата, которые фактически поступали на службу буржуазии, на ее смену, ею были подкупаемы и покупаемы и создали те кадры социал-патриотов и оборонцев, героями которых останутся навсегда Эберт и Шейдеман.

У нас, товарищи, теперь иное положение. Профессиональные союзы могут начать государственное экономическое строительство по-новому, опираясь на все созданное капиталистической культурой, опираясь на то, что создало капиталистическое производство, строя социализм именно из этой материальной базы, из того крупного производства, иго которого ложилось на нас, которое создано против нас, которое делалось для бесконечного угнетения рабочих масс, но которое их объединяло, сплачивало и тем самым создало авангард нового общества.

Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г., т. 37, с. 445—446

(3) Повышение производительности труда составляет одну из коренных задач, ибо без этого окончательный переход к коммунизму невозможен. Достижение этой цели, помимо длительной работы над просвещением масс и повышением их культурного уровня, требует немедленного, широкого и всестороннего использования специалистов науки и техники, которые оставлены нам в наследство капитализмом и неизбежно оказываются обычно пропитанными буржуазным миросозерцанием и привычками. Партия должна, в тесном союзе с профессиональными объединениями, вести свою прежнюю линию: с одной стороны, не делать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его поползновение, а с другой, также беспощадно бороться с мниморадикальным, на самом же деле невежественным, самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними...

(4) Осуществление коммунизма, безусловно требуя наивозможно большей и строжайшей централизации труда в общегосударственном масштабе, предполагает тем самым преодоление той разрозненности и раздробленности рабочих, профессиональной и местной, которые были одним из источников силы капитала и бессилия труда. Борьба с цеховой узостью и ограниченностью, с цеховым эгоизмом, тесно связанная с борьбой за уничтожение противоположности между городом и деревней, представляет большие трудности и не может быть начата в широких размерах без предварительного большого повышения производительности на-

родного труда. Но приступ к этой работе должен быть тем не менее начат немедленно, хотя бы сначала в небольших, местных, рамках и в виде опыта, для сравнения результатов разнообразных мер, которые будут предприняты в разных профессиях и местностях.

Проект программы РКП(б), т. 38, с. 97—99

Чтобы поставить выполнение нашей основной задачи более или менее правильно, руководители всех государственных органов, в частности совнархозов, должны возбудить для этого деятельность в десятках миллионов рабочих и крестьян. Для этого будет дан широкий план перестройки России... Мы разовьем упорную борьбу, товарищи, борьбу, которая потребует тяжелых жертв в этот период на фронте труда, но которую мы неизбежно должны провести, так как у нас голод, холод, разруха транспорта, сыпняк. Со всеми этими бедствиями мы должны бороться и со всех сторон начать строить наше государство на почве крупной машинной промышленности, чтобы сделать нашу страну культурной и путем правильной социалистической борьбы выбраться из того болота, в котором потонули в настоящее время страны мирового капитализма и империализма.

Речь на III Всероссийском съезде советов народного хозяйства 27 января 1920 г. (Газетный отчет), т. 40, с. 80.

...Мы... разрабатываем теперь при помощи ряда ученых и техников план электрификации всей России. План этот рассчитан на много лет. Электрификация переродит Россию. Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране, основ культурной жизни без эксплуататоров, без капиталистов, без помещиков, без купцов.

Ответ на вопросы корреспондента английской газеты „Daily Express", т. 40, с. 148

Характер всей нашей пропаганды и чисто партийной, и школьного преподавания и образования, и характер внешкольного преподавания должен измениться не в том смысле, чтобы изменились самые основы и направление преподавания, а в том, чтобы приспособить характер деятельности к переходу на мирное строительство с широким планом промышленного и экономического преобразования страны, потому что общая экономическая трудность и общая задача — это задача восстановления экономических сил

страны таким образом, чтобы рядом с мелким крестьянским хозяйством пролетарская революция могла создать новые основы экономической жизни. ...Крестьянин... требует законного права: в обмен на даваемый им хлеб — продуктов промышленности, которых мы не можем дать, пока не восстановим хозяйства. Восстановить — это основная задача, но мы не можем восстановить на старом экономическом и техническом основании. Это невозможно и технически, и было бы дико; нужно найти новое основание. Таким новым основанием является план электрификации.

Мы выступаем перед крестьянством, перед массой наименее развитой, с указанием, как новый переход к более высокой ступени культуры и технического образования необходим для успеха всего советского строительства. Итак, необходимо восстановить хозяйство. Самый темный крестьянин понимает, что оно разорено войной, что без восстановления его он не может справиться с нищетой — получить необходимые продукты в обмен на хлеб. Именно к этой-то самой непосредственной, насущной нужде крестьянства должна примыкать и зацепляться вся работа пропаганды, образования, просвещения и внешкольного образования, чтобы она не была оторвана от самых насущных нужд повседневной жизни, а именно исходила бы из их развития и разумения для крестьянина, подчеркивая, что выход из положения только в восстановлении промышленности. Но восстановление промышленности не может быть на старой почве: ее нужно восстановить на почве современной техники. Это значит — электрификация промышленности и подъем культуры. Электрические станции требуют до 10 лет работы, но работы более культурной и сознательной.

Мы развернем широкий план работы, который должен быть связан в представлении широких масс крестьянства с ясной, практически поставленной целью. Этого нельзя сделать в несколько месяцев. Дать программу-минимум можно не меньше чем на 3 года. Но, не задаваясь утопиями, можно сказать, что в течение 10 лет мы в состоянии покрыть всю Россию сетью электрических станций и перейти на такое состояние электрической промышленности, которое удовлетворяло бы современным требованиям техники и покончило бы со старым крестьянским земледелием. Оно требует более высокой культуры и образования.

Не скрывая от себя, что теперь непосредственная практическая задача есть восстановление транспорта и подвоз продовольствия, что при теперешнем состоянии производительности широкими задачами заниматься нельзя, вы в области пропаганды и просвещения эту задачу полной перестройки на почве, соответствующей культурно-техническим потребностям, должны все же иметь в виду и выполнить ее. Мы от старых методов пропаганды, которые

грешили устарелостью, которые до сих пор подходили к крестьянину с общими фразами о классовой борьбе, на почве которых выдумывали всякие глупости о пролетарской культуре и т. д., от этого хлама, который очень похож на детские болезни ребяческого возраста, мы с большой быстротой будем исцеляться. В пропаганде, агитации, деятельности образовательной и просветительной будем переходить к постановке вопроса более трезвой и деловитой, достойной людей Советской власти, которые за два года научились кое-чему и которые идут к мужику с практическим, деловым и ясным планом перестройки всей промышленности и изложением того, что теперь мужик и рабочий, при теперешнем состоянии образования, этой задачи не выполнит и из грязи, нищеты, сыпняка и болезней не вылезет. Эта практическая задача, ясно связанная с подъемом культуры и образования, должна послужить узлом, вокруг которого весь характер нашей партийной пропаганды и деятельности, нашего преподавания и обучения должен группироваться. Тогда он так глубоко зацепит за насущнейшие интересы крестьянской массы, так свяжет общий подъем культуры и знания с наболевшими экономическими нуждами, что мы еще во сто раз усилим потребность образования со стороны рабочих масс. Мы абсолютно уверены в том, что если мы в два года решили труднейшую военную задачу, то мы решим в 5—10 лет задачу еще более трудную: культурно-образовательную и просветительную.

Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 25 февраля 1920 г., т. 40, с. 163—165

Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение. Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве. Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электриче

ство: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение. Вот задача, которая стоит перед всяким сознательным коммунистом, перед всяким молодым человеком, который считает себя коммунистом и ясно отдает себе отчет, что он, вступив в Коммунистический союз молодежи, взял на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может это создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием...

Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груду развалин, как и следовало его превратить в груду развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество. Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъема всего молодого поколения. Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка. Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не построите.

Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.), т. 41, с. 307—308

Нам надо направить сейчас внимание на то, чтобы от интересов политических и военных всю агитацию и всю пропаганду перевести на рельсы хозяйственного строительства. Мы много раз это провозглашали, но еще недостаточно, и я думаю, что из числа тех мероприятий, которые за этот год Советская власть осуществила, особенно выделяется создание Центрального бюро производственной пропаганды при ВЦСПС [47], объединение его с работой Главполитпросвета, создание добавочных газет, построенных по про-

изводственному плану, не только с перенесением внимания на производственную пропаганду, но и организация ее в общегосударственном масштабе... У нас знания того, как нужно вести промышленность, как нужно заинтересовывать массы, книжных знаний об этом в тысячу раз больше, чем применения этих знаний на практике. Нам нужно добиться того, чтобы поголовно все члены профсоюзов были заинтересованы в производстве и чтобы они помнили, что, только увеличивая производство, повышая производительность труда, Советская Россия в состоянии будет победить...

Нашу пропаганду нам надо перевести теперь на то, что гораздо труднее,— на то, что касается повседневной работы рабочих в мастерской, как бы ни были тяжелы условия этой работы и как бы ни были сильны воспоминания вчерашнего капиталистического строя, воспитывающего недоверие к власти со стороны рабочих и крестьян...

Я остановлюсь на последнем пункте — на вопросе об электрификации, который поставлен в порядок дня съезда, как особый вопрос, и вам предстоит выслушать доклад по этому вопросу. Я думаю, что мы здесь присутствуем при весьма крупном переломе, который во всяком случае свидетельствует о начале больших успехов Советской власти. На трибуне Всероссийских съездов будут впредь появляться не только политики и администраторы, но и инженеры и агрономы. Это начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы. Чтобы настоящим образом перейти к делу хозяйственного строительства, надо этот обычай начать с Всероссийского съезда Советов и провести сверху донизу по всем Советам и организациям, по всем газетам, по всем органам пропаганды и агитации, по всем учреждениям.

Политике мы, несомненно, научились, здесь нас не собьешь, тут у нас база имеется. А с хозяйством дело обстоит плохо. Самая лучшая политика отныне — поменьше политики. Двигайте больше инженеров и агрономов, у них учитесь, их работу проверяйте, превращайте съезды и совещания не в органы митингования, а в органы проверки хозяйственных успехов, в органы, где мы могли бы настоящим образом учиться хозяйственному строительству...

Возьмите хозяйственный фронт и спросите: экономически может ли вернуться в Россию капитализм? Мы боролись с «сухаревкой». На днях, к открытию Всероссийского съезда Советов, это малоприятное учреждение Московский Совет рабочих и красноармейских депутатов закрыл. (Аплодисменты.) «Сухаревка» закрыта, но страшна не та «сухаревка», которая закрыта. Закрыта

бывшая «сухаревка» на Сухаревской площади, ее закрыть нетрудно. Страшна «сухаревка», которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту «сухаревку» надо закрыть. Эта «сухаревка» есть основа капитализма. Пока она есть, капиталисты в Россию могут вернуться и могут стать более сильными, чем мы. Это надо ясно сознать. Это должно быть главным побудителем в нашей работе и условием, меркой наших действительных успехов. Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу, у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество.

Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны...

Мне пришлось не очень давно быть на одном крестьянском празднике в отдаленной местности Московской губернии, в Волоколамском уезде, где у крестьян имеется электрическое освещение. На улице был устроен митинг, и вот один из крестьян вышел и стал говорить речь, в которой он приветствовал это новое событие в жизни крестьян. Он говорил, что мы, крестьяне, были темны, и вот теперь у нас появился свет, «неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Я лично не удивился этим словам. Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет «неестественный», но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов. Из этой темноты скоро не выскочишь. Но нам надо добиться в настоящий момент, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс.

...Нужно знать и помнить, что провести электрификацию нельзя, когда у нас есть безграмотные. Мало того, что наша комиссия будет стараться ликвидировать безграмотность. Ею сделано много в сравнении с тем, что было, но мало в сравнении с тем, что нужно. Кроме грамоты нужны культурные, сознательные, образованные трудящиеся, нужно, чтобы большинство крестьян определенно представляло себе те задания, которые стоят перед нами. Эта программа партии должна стать основной книжкой, которая долж-

на пойти во все школы. Вы получите в ней, рядом с общим планом проведения электрификации, специальные планы, написанные для каждого района России. И каждый товарищ, который поедет на места, будет иметь определенную разработку проведения электрификации в его районе, перехода из темноты к нормальному существованию. И, товарищи, можно и должно на месте сравнивать, разрабатывать, проверять данные вам положения, добиваясь того, чтобы в каждой школе, в каждом кружке на вопрос, что такое коммунизм, отвечали не только то, что написано в программе партии, а также говорили о том, как выйти из состояния темноты...

Надо добиться того, чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения, и если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии.

VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г. Доклад Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря, т. 42, с. 142—144, 156—160, 161

...Недостаточно безграмотность ликвидировать, но нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры. Надо, чтобы человек на деле пользовался уменьем читать и писать...

Надо добиться, чтобы уменье читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это уменье читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства.

...Результаты политического просвещения можно измерить только улучшением хозяйства. Не только нужно, чтобы мы уничтожили безграмотность, чтобы мы уничтожили взятку, которая держится на почве безграмотности, но надо, чтобы наша пропаганда, наши руководства, наши брошюры были восприняты народом на деле и чтобы результатом этого явилось улучшение народного хозяйства.

Новая экономическая политика и задачи политпросветов, т. 44, с. 170—171, 175

Научиться работать — это теперь главная, действительно общенародная задача Советской республики. Добиться поголовной грамотности; ни в коем случае не ограничиться этим, а во что бы то

ни стало пойти дальше и перенять все действительно ценное из европейской и американской науки; — это наша первейшая и главнейшая задача.

Ложка дегтя в бочке меда, т. 45, с. 266

«...НАША ЗАДАЧА СОСТОИТ В КУЛЬТУРНОЙ РАБОТЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯНСТВА»

Когда страна потерпела такое гигантское разорение и такой крах, когда мы видим, что этот крах распространяется на весь мир, что завоевания культуры, науки и техники, которые приобретены человечеством за много веков, сметены за четыре года этой преступной, разорительной и грабительской войной и что вся Европа, а не только Россия, возвращается к состоянию варварства,— тогда перед самыми широкими массами и в особенности перед крестьянством, которое больше всего, может быть, от этой войны страдало, наглядно встает сознание того, что нужны чрезвычайные усилия, что нужно напряжение всех сил, чтобы избавиться от этого наследия проклятой войны, оставившей нам только разорение и нужду...

Разорение, оставленное нам в наследство войной, прямо-таки не позволяет восстановить это старое, мелкое крестьянское хозяйство. Мало того, что крестьян в их массе пробудила война, мало того, что война показала им, какие чудеса техники существуют в настоящее время и что эти чудеса техники приспособлены к истреблению людей, но она пробудила мысль, что чудеса техники должны пойти в первую голову на преобразование самого общенародного, занимающего более всего людей, наиболее отсталого производства — земледельческого. Мало того, что это сознание пробуждено, но люди убедились на чудовищных ужасах современной войны, какие силы создала современная техника, и как растрачиваются эти силы в ужаснейшей, бессмысленнейшей войне, и что единственным средством спасения от этих ужасов являются те же самые силы техники. Наша обязанность и долг направить их на то, чтобы самое отсталое производство, земледельческое, сельскохозяйственное, поставить на новые рельсы, чтобы его преобразовать и превратить земледелие из промысла, ведущегося бессознательно, по старинке, в промысел, который основан на науке и завоеваниях техники.

...Сама жизнь ставит теперь в упор вопрос о переходе к общественной обработке земли, как единственному средству восстановить ту культуру, которая теперь разорена и разрушена войной, как

единственному средству выйти из той темноты, забитости и подавленности, на которую всю массу деревенского населения осуждал капитализм, той темноты и подавленности, которая позволяла капиталистам четыре года давить человечество войной и от которой теперь, во что бы то ни стало, все трудящиеся во всех странах с революционной энергией и страстью решают избавиться...

Образование комитетов бедноты, теперешний совместный съезд земельных отделов, комитетов бедноты и сельскохозяйственных коммун — все это показывает нам в связи с той борьбой, которая внутри деревни происходила летом и осенью настоящего года, все это показывает нам, что сознание в самых широких массах трудящегося крестьянства проснулось и что стремление к установке общественной обработки земли есть в самом крестьянстве, в большинстве трудящегося крестьянства.

...Мы хотим больше всего силой примера, силой привлечения к улучшению хозяйства, действовать на массу средних крестьян и рассчитываем лишь на постепенное действие такого рода мер для этого глубокого и важнейшего переворота в хозяйстве земледельческой России.

Союз комитетов бедноты, сельскохозяйственных коммун и земельных отделов, союз, который мы имеем на настоящем съезде, он нам показывает и дает полную уверенность, что дело теперь поставлено этим переходом к общественной обработке земли правильно, в настоящем социалистическом масштабе. Этой неуклонной и систематической работой должно быть достигнуто повышение производительности труда. Для этого мы должны применить наилучшие приемы земледелия и привлечь агрономические силы России так, чтобы мы могли использовать все наилучше поставленные хозяйства, которые до сих пор служили лишь источником обогащения отдельных лиц, служили источником возрождения капитализма, новой кабалы, нового закрепощения наемных рабочих и которые теперь, при законе о социализации и при полной отмене частной собственности на землю, должны служить источником сельскохозяйственного знания и культуры и повышения производительности для всех миллионов трудящихся.

Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г., т. 37, с. 357—359, 363

Городские рабочие взяли власть в городе; все, что создано в городе лучшего в смысле дворцов, помещений, в смысле культуры, все это городские рабочие несут в деревню, зная, что власть городских рабочих не может быть прочна, если не будет прочного союза

с сельскохозяйственными рабочими. Только такой союз, которому вы здесь кладете начало, может привести к прочной переделке. В этот союз добровольно будут вступать и крестьяне-середняки. Конечно, потребуется приложить много труда,— сразу сделать ничего нельзя. Если ваш союз будет основан, будет расти, развиваться, распространяться по всей России, если он будет находиться в теснейшем единении с союзом городских рабочих, то эту трудную задачу совместными усилиями, усилиями миллионов организованных сельскохозяйственных рабочих и городских, мы решим и мы выйдем из того разорения, в которое четырехлетняя война бросила все народы и нас; мы выйдем, но выйдем не к старому хозяйству в одиночку, вразброд,— такое хозяйство осуждает людей на темноту, на нищету, на распыленность,— а мы выйдем к хозяйству общему, крупному, товарищескому. Тогда все, что завоевала человеческая наука, человеческая техника, все усовершенствования, все знания специалистов,— все должно пойти на службу объединенному рабочему.

Заседание I съезда сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии 13 марта 1919 г. Речь об организации профессионального союза сельскохозяйственных рабочих, т. 38, с. 25—26

Ввиду того что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни, а в эпоху столь глубокого кризиса, как нынешний, ставит как город, так и деревню перед непосредственной опасностью вырождения и гибели, РКП видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства...

Проект программы РКП(б). Аграрный пункт программы, т. 38, с. 123—124

Действовать здесь насилием, значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего. Конечно, не выйдет никакого толку, если в деревне будут появляться скоропалительные люди, которые порхнули туда из города, приехали, покалякали, учинили несколько интеллигентских, а то и не интеллигентских склок и, расплевавшись, разъехались. Это бывает. Вместо уважения, они вызывают насмешку, и совершенно законно.

По этому вопросу мы должны сказать, что коммуны мы поощряем, но они должны быть поставлены так, *чтобы завоевать доверие крестьянина.* А до тех пор мы — учащиеся у крестьян, а не учителя их.

VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Доклад о работе в деревне 23 марта, т. 38, с. 200—201

Крестьянину нужны городские продукты, городская культура, и мы должны ему это дать. Только тогда, когда пролетариат окажет ему эту помощь,— крестьянин увидит, что рабочий помогает ему не так, как помогали эксплуататоры. Помочь крестьянину подняться до городского уровня,— эту задачу должен поставить себе каждый рабочий, имеющий связь с деревней.

Чрезвычайное заседание пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики, т. 38, с. 257

Можно ли сразу и прочно объединить десятки миллионов крестьян против капитала, против свободной торговли? Вы не можете этого сделать в силу экономических условий, хотя бы крестьяне были вполне свободны и гораздо более культурны. Этого сделать нельзя, потому что для этого нужны иные экономические условия, для этого нужны долгие годы подготовки. А кто ее произведет, эту подготовку? Либо пролетариат, либо буржуазия.

I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая, т. 38, с. 365

Они все в драке, а мы едины, и потому-то рабочие всех стран переходят к нам. Если таких просвещенных господ, как руководители международной политики, таких многоопытных, богатых, имеющих в сто раз больше, чем мы, пушек и дредноутов, мы их разбили, то смешно думать, что крестьянского вопроса мы не разрешим. Здесь победит дисциплина, преданность, единство воли. Воля сотен и десятков тысяч может выразиться в одном лице. Эта сложная воля вырабатывается советским путем. Столько съездов крестьянских и рабочих, сколько было у нас, не было ни в одном государстве мира. Таким путем мы развиваем сознание. То, что дает Советская конституция, ни одно государство за 200 лет не могло дать.

Речь на III Всероссийском съезде профессиональных союзов 7 апреля 1920 г., т. 40, с. 309

Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе [48], точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму или почти не потребуется. Но мы прекрасно знаем, что это «одно» условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди...

На ближайшие же годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму.

О продовольственном налоге, т. 43, с. 228—229

...Установить общение между рабочими города и работниками деревни, установить между ними ту форму товарищества, которая между ними может быть легко создана,— это наша обязанность, это одна из основных задач рабочего класса, стоящего у власти. Для этого необходимо основать ряд объединений (партийных, профессиональных, частных) из фабрично-заводских рабочих, которые ставили бы себе систематической целью помогать деревне в ее культурном развитии.

Удастся ли «расписать» все городские ячейки по всем деревенским для того, чтобы каждая рабочая ячейка, «приписанная» к соответствующей деревенской, систематически заботилась о всякой оказии, о всяком случае, чтобы удовлетворить ту или иную культурную потребность своей соячейки? Или удастся изыскать дру-

гие формы связи? Я здесь ограничиваюсь только постановкой вопроса, чтобы обратить на него внимание товарищей, чтобы указать на имеющийся опыт Западной Сибири (на этот опыт мне указал тов. Ходоровский) и чтобы выставить во всем объеме эту гигантскую всемирно-историческую культурную задачу.

Мы не делаем почти ничего для деревни помимо нашего официального бюджета или помимо наших официальных сношений. Правда, культурные сношения города с деревней принимают у нас само собой и принимают неизбежно иной характер. Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас само собой начинает давать деревне прямо обратное. Но все это делается именно само собою, стихийно, и все это может быть усилено (а затем и увеличено во сто крат) внесением сознания, планомерности и систематичности в этой работе.

Странички из дневника, т. 45, с. 367—368

Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху... Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции.

О кооперации, т. 45, с. 376

«...ОТ ВСЯКОГО НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ТРЕБУЮТСЯ НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ...»

Конечно, эта величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя не может произойти без трений, трудностей, конфликтов, без насилия по отношению к закоренелым тунеядцам и их прихвостням...

Борьба со старой привычкой — смотреть на меру труда, на средства производства с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок *у буржуазии,* эта борьба необходима. Эту борьбу уже начали передовые, сознательные рабочие, дающие решительный отпор тем пришельцам в фабричную среду, которых особенно много явилось во время войны и которые теперь хотели бы относиться к *народной* фабри-

ке, к фабрике, перешедшей в собственность народа, по-прежнему с точки зрения единственного помышления: «урвать кусок побольше и удрать». Все, что̀ есть сознательного, честного, думающего в крестьянстве и в трудящихся массах, встанет в этой борьбе на сторону передовых рабочих.

Учет и контроль, *если* они производятся Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как верховной государственной властью, или по указаниям, по полномочию *этой* власти,— учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный,— учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов — в этом *суть* социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено.

Учет и контроль, которые необходимы для перехода к социализму, могут быть только массовыми. Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое, сотрудничество *массы* рабочих и крестьян в учете и контроле *за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами* может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества, эти отбросы человечества, эти безнадежно гнилые и омертвевшие члены, эту заразу, чуму, язву, оставленную социализму по наследству от капитализма.

Рабочие и крестьяне, трудящиеся и эксплуатируемые! Земля, банки, фабрики, заводы перешли в собственность всего народа! Беритесь *сами* за учет и контроль производства и распределения продуктов,— в этом и *только* в этом путь к победе социализма, залог его победы, залог победы над всякой эксплуатацией, над всякой нуждой и нищетой! Ибо в России хватит хлеба, железа, леса, шерсти, хлопка и льна на всех, лишь бы правильно распределить труд и продукты, лишь бы установить всенародный *деловой, практический* контроль за этим распределением, лишь бы победить *не только* в политике, но и в *повседневной экономической* жизни врагов народа: богатых, их прихлебателей,— затем жуликов, тунеядцев и хулиганов...

Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главные разряда *паразитов,* вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом.

Чтобы обезвредить социалистическое общество от этих паразитов, надо организовать всенародный, миллионами и миллионами рабочих и крестьян добровольно, энергично, с революционным

энтузиазмом поддерживаемый учет и контроль за количеством труда, за производством и распределением продуктов. А чтобы организовать этот учет и контроль, *вполне доступный*, вполне подсильный всякому честному, толковому, распорядительному рабочему и крестьянину, надо вызвать к жизни их собственные, из их среды происходящие, организаторские таланты, надо возбудить в них — и наладить в общегосударственном масштабе — *соревнование* по части организаторских успехов...

Надо организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом. Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху, к чему так склонны интеллигенты. С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается *многообразием* в подробностях, в местных особенностях, в приемах *подхода* к делу, в *способах* осуществления контроля, в *путях* истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т. д. и т. п.).

Как организовать соревнование?, т. 35, с. 196, 199—201, 203

...От всякого нового общественного порядка требуются новые отношения между людьми, новая дисциплина. Было время, когда без крепостной дисциплины нельзя было вести хозяйства, когда была одна дисциплина — палка, было время господства капиталистов, когда силой дисциплины был голод. Теперь же, со времени советского переворота, со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе.

V Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов 4—10 июля 1918 г. Доклад Совета Народных Комиссаров 5 июля, т. 36, с. 500

...Особенно большое внимание обратить на развитие и укрепление товарищеской дисциплины трудящихся и всестороннее повышение их самодеятельности и сознания ответственности. В этом состоит главнейшее, если не единственное, средство окончательно преодолеть капитализм и привычки, созданные господством частной собственности на средства производства. Достижение этой цели требует упорной медленной работы над перевоспитанием масс, и такое перевоспитание не только стало теперь возможным, когда

массы увидали на деле устранение помещика, капиталиста и купца,— это перевоспитание фактически идет теперь тысячами путей, через собственный практический опыт рабочих и крестьян.

Проект программы РКП(б). Основные задачи диктатуры пролетариата в России, т. 38, с. 96—97

Диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация. Вот почему в моем кратком приветствии в начале съезда я подчеркнул эту основную, элементарную, простейшую задачу *организации* и вот почему я с такой беспощадной враждебностью отношусь ко всяким интеллигентским выдумкам, ко всяким «пролетарским культурам». Этим выдумкам я противопоставляю азбуку организации...

Крестьянин не может просто, легко, сразу выйти из старого общества к новому... Докажите ему, что вы, объединенный пролетариат, пролетарская государственная власть, пролетарская диктатура, умеете распределить хлеб и уголь так, чтобы спасти каждый пуд хлеба и каждый пуд угля, умеете добиться того, чтобы излишек каждого пуда хлеба и каждого пуда угля не шел бы в спекулятивную продажу, не служил бы героям Сухаревки, а служил бы для справедливого распределения, для снабжения голодных рабочих, для поддержки их даже в такие моменты, как во время безработицы, когда встают заводы, фабрики. Докажите это. Вот основная задача пролетарской культуры, пролетарской организации.

I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая, т. 38, с. 368—369

Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов...

Как ни велики, как ни неизбежны мелкобуржуазные шатания и колебания назад, в сторону буржуазного «порядка», под «крылышко» буржуазии, со стороны непролетарских и полупролетарских масс трудящегося населения, тем не менее они все же не могут не признавать морально-политического авторитета за пролетариатом, который не только свергает эксплуататоров и подав-

ляет их сопротивление, но который также строит новую, более высокую, общественную связь, общественную дисциплину: дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного, авангарда.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелкобуржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и *будничной* работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством...

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как *фактическое* начало *коммунизма*...

Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовая заботливость и добросовестность при добыче и распределении каждого пуда хлеба, образцовые столовые, образцовая чистота такого-то рабочего дома, такого-то квартала — все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей прессы, так и *каждой* рабочей и крестьянской организации. Все это — ростки коммунизма, и уход за этими ростками наша общая и первейшая обязанность.

Великий почин, т. 39, с. 13—14, 17—18, 22, 25

Третья наша задача есть борьба со вшами, теми вшами, которые разносят сыпной тиф. Этот сыпной тиф среди населения, истощенного голодом, больного, не имеющего хлеба, мыла, топлива, может стать таким бедствием, которое не даст нам возможности справиться ни с каким социалистическим строительством.

Здесь первый шаг нашей борьбы за культуру и здесь борьба за существование.

VIII Всероссийская конференция РКП(б) 2—4 декабря 1919 г. Политический доклад Центрального Комитета 2 декабря, т. 39, с. 359—360

* * *

Теперь капитализм поднял много и много выше культуру вообще, культуру масс в частности. Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма...

«Ненависть к немцу, бей немца» — таков был и остался лозунг обычного, т. е. буржуазного, патриотизма. А мы скажем: «Ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму» и вместе с тем: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они *придут* на помощь к нам».

Да, учись у немца! История идет зигзагами и кружными путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо научиться. Это как раз то, чего не хватает нашей великой революции, чтобы от победоносного начала прийти, через ряд тяжелых испытаний, к победному концу. Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной.

Главная задача наших дней, т. 36, с. 81—82

Башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкир грабить. Поэтому в этих глухих местах имя великоросса для башкир значит «угнетатель», «мошенник». Надо с этим счи-

таться, надо с этим бороться. Но ведь это — длительная вещь. Ведь этого никаким декретом не устранишь. В этом деле мы должны быть очень осторожны. Осторожность особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала к себе во всех других нациях бешеную ненависть, и только теперь мы научились это исправлять, да и то плохо. У нас есть, например, в Комиссариате просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему, такой коммунист, это — великорусский шовинист.

VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Заключительное слово по докладу о партийной программе 19 марта, т. 38, с. 183—184

Со стороны рабочих тех наций, которые были при капитализме угнетателями, требуется особая осторожность в отношении к национальному чувству наций угнетенных (например, со стороны великороссов, украинцев, поляков по отношению к евреям, со стороны татар к башкирам и т. п.), содействие не только фактическому равноправию, но и развитию языка, литературы трудящихся масс угнетавшихся ранее наций для устранения всех следов унаследованного от эпохи капитализма недоверия и отчуждения.

Проект программы РКП(б), т. 38, с. 111

...Мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке, переводим и пропагандируем нашу Советскую конституцию, которая имеет несчастье более чем миллиарду жителей земли, принадлежащих к колониальным, зависимым, угнетенным, неполноправным народностям, больше нравиться, чем «западноевропейская» и американская конституция буржуазно-«демократических» государств, укрепляющая частную собственность на землю и капитал, т. е. укрепляющая гнет немногочисленных «цивилизованных» капиталистов над трудящимися своих стран и над сотнями миллионов в колониях Азии, Африки и пр.

Ответ на вопросы американского журналиста, т. 39, с. 114

4. Ввиду того, что украинская культура (язык, школа и т. д.) в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России, ЦК РКП вменяет в обязанность всем членам партии

всеми средствами содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры. Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России. Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс.

Резолюция ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине, т. 39, с. 334—335

* * *

Просвещение, культура, цивилизация, свобода — все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических, буржуазных республиках мира с неслыханно-подлыми, отвратительно-грязными, зверски-грубыми законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчины, об унижении и оскорблении для женщины.

Иго капитала, гнет «священной частной собственности», деспотизм мещанской тупости, мелкохозяйственной корысти — вот что помешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на эти грязные и подлые законы.

Советская власть и положение женщины, т. 39, с. 287

...Даже и с формальным равенством (равенством по закону, «равенством» сытого и голодного, собственника и неимущего) капитализм *не может* быть последователен. И одним из вопиющих проявлений этой непоследовательности является *неравноправие* женщины с мужчиной. Полного равноправия не дало ни одно, даже самое прогрессивное республиканское, демократическое, буржуазное государство.

А Советская республика России сразу смела *все без изъятия* законодательные следы неравенства женщины, сразу обеспечила ей полное равенство по закону.

Говорят, уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины. В этом изречении есть зерно глубокой истины. И с этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень.

Новый, невиданно-могучий толчок женскому рабочему движению неизбежно связан поэтому с основанием (и упрочением) первой Советской республики,— а рядом с этим и в связи с этим с Коммунистическим Интернационалом.

Раз речь идет о тех, кто капитализмом был угнетен прямо или косвенно, сплошь или отчасти, то именно советский строй и только советский строй обеспечивает демократию. Это ясно на положении рабочего класса и беднейших крестьян. Это ясно видно на положении женщины.

Но советский строй есть последний решительный бой за *уничтожение классов*, за экономическое и социальное равенство. Демократии, даже демократии для угнетенных капитализмом, в том числе для угнетенного пола,— *нам мало*.

Женское рабочее движение главной своей задачей ставит борьбу за экономическое и социальное равенство женщины, а не только формальное. Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего рабства», освободить ее от подчинения — отупляющего и принижающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской — вот главная задача.

Это — борьба длительная, требующая коренной переделки и общественной техники и нравов. Но эта борьба кончится полной победой коммунизма.

К Международному дню работниц, т. 40, с. 192—193

...Недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся.

IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов 14—16 марта 1918 г. Проект резолюции по поводу обращения Вильсона, т. 36, с. 91.

Раздел IV

ОРГАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ЛЕНИНА В ОБЛАСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

1. ДИРЕКТИВЫ, РАСПОРЯЖЕНИЯ

1. Частного характера:

1) Усилить экономическую и практическую части работ поездов и пароходов включением в политотделы их агрономов, техников, отбором технической литературы, соответствующего содержания кинолент и пр.

2) Изготовить через кинокомитет производственные (показывающие разные отрасли производства), сельскохозяйственные, промышленные, антирелигиозные и научные киноленты, заказав такие немедленно за границей через тов. Литвинова. Телеграфный заказ дать на подпись тов. Ленину.

3) Разработать волостную показательную карту в большом масштабе, демонстрирующую всю проделанную работу и означенные ею районы. Карту эту выставить на месте скопления народа, свободном от всяких пропусков.

4) Разработать полученные при поездках материалы, издав схемы, диаграммы и пр.

5) Обратить внимание на необходимость тщательного подбора кинолент и учет действия каждой киноленты на население на время демонстрирования ее.

6) Расширить работу поездов и пароходов в стороне от рельсов и берегов посредством усиления вспомогательных транспортных (мотоциклы, автомобили, велосипеды) средств в поездах и пароходах, а также использования местных транспортных средств.

7) Организовать за границей представительство для закупки и транспортирования кинолент, пленок и всякого рода кинематографического материала.

8) Обратить внимание на подбор сотрудников в поездах и пароходах.

9) Тов. Бурову предоставляется право в срочных случаях по вопросам деятельности инструкторских поездов и пароходов ВЦИКа обращаться к тов. Ленину непосредственно, а в несрочных случаях к тов. Ленину через секретаря.

2. Общего характера:

1) Назначить немедленно через ЦК партии собрание из представителей ВЦИКа, ЦК, народных комиссариатов и бывших на поездах и пароходах политработников. Означенное собрание должно ознакомиться с итогами работ поездов и пароходов и разработать положение о поездках от имени ВЦИКа, ЦК и Совнаркома.

2) Выработанное положение будет проведено тов. Лениным через ЦК, Совнарком.

3) При Совнаркоме предполагается созвать Особую постоянную комиссию по руководству поездками, согласно выработанному положению.

Указания о работе агитационно-инструкторских поездов и пароходов, т. 40, с. 72—73

1. Стоя безусловно на позиции, определенной программой РКП в отношении политехнического образования (см. особенно §§ 1 и 8 в отделе программы, посвященном народному просвещению), партия должна рассматривать понижение возрастной нормы для общего и политехнического образования с 17 до 15 лет исключительно как временную практическую необходимость, вызванную нищетой и разорением страны под гнетом войн, навязанных нам Антантой.

Осуществление «связи» профессионального образования, для лиц от 15 лет, с «общими политехническими знаниями» (§ 8 в указанном отделе программы РКП) обязательно, по мере малейшей к тому возможности, безусловно и повсеместно.

2. Основным недостатком Наркомпроса является недостаток деловитости и практичности, недостаточные учет и проверка практического опыта, отсутствие систематичности в использовании указаний этого опыта, преобладание общих рассуждений и абстрактных лозунгов. Главное внимание наркома и коллегии должно быть устремлено на борьбу с этими недостатками.

3. Неправильно поставлено в Наркомпросе вообще, в Главпрофобре в частности, дело с привлечением к работе в центре спецов, т. е. педагогов с теоретической и длительной практической подготовкой и лиц, имеющих такую подготовку в области профессионально-технического (в том числе и агрономического) образования.

Необходимо немедленно организовать учет таких работников, изучение их стажа, проверку результатов их работы и систематическое привлечение их на ответственные посты в местной и особенно центральной работе. Ни одна серьезная мера не должна проводиться без заключения таких спецов и постоянного участия их.

Разумеется, привлечение спецов должно быть осуществляемо при 2-х непременных условиях: во-1-х, спецы некоммунисты должны работать под контролем коммунистов. Во-2-х, содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности же о философии, общественных науках и коммунистическом воспитании, должно определяться только коммунистами.

4. Должны быть разработаны и утверждены коллегией и наркомом программы учебных заведений основных типов, а затем курсов, лекций, чтений, собеседований, практических занятий.

5. Отделу единой трудовой школы и затем в особенности Главпрофобру надо обратить усиленное внимание на более широкое и систематическое привлечение всех подходящих технических и агрономических сил к профессионально-техническому и политехническому образованию в связи с использованием каждого сколько-нибудь сносно поставленного фабрично-заводского и сельскохозяйственного предприятия (совхоза, с.-х. опытной станции, хорошего хозяйства и т. п., электрических станций и т. д.).

Формы и порядок использования хозяйственных предприятий и заведений для политехнического образования должны устанавливаться по соглашению с соответствующими хозяйственными органами так, чтобы это не нарушало нормального хода производства.

6. Должны быть выработаны практичные, самые краткие, но ясные и точные формы отчетности, чтобы можно было учитывать и проверять размеры и итоги работы. В этом отношении постановка дела в Наркомпросе крайне неудовлетворительна.

7. Крайне неудовлетворительно также поставлено распределение газет, брошюр, журналов и книг по библиотекам и читальням, как при школах, так и не при школах. Отсюда проистекает то, что газету и книгу захватывает тонкий слой советских служащих и непомерно мало доходит до рабочих и до крестьян. Необходима коренная реорганизация всего этого дела.

Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса, т. 42, с. 319—321

1. В настоящий момент, в связи с военными победами РСФСР и ее международным положением вообще, производственная пропаганда должна быть снова выдвинута на первый план, усилена и организационно укреплена.

2. Руководящие газеты, «Известия» и «Правда» в первую очередь, должны: (а) уменьшить место, уделяемое политике, увеличить отдел производственной пропаганды; (б) влиять на всю ра-

боту партии и советских учреждений в смысле большего уделения сил производственной пропаганде; (в) стараться систематически поставить дело производственной пропаганды в общегосударственном размере, вырабатывать широкие меры ее развития, улучшения, и особенно проверки ее реальных, осуществляемых на деле, успехов.

3. Так же систематизирована, расширена, развита должна быть работа по выдвиганию способных администраторов, организаторов, изобретателей из среды рабочей и крестьянской массы.

4. Производственная пропаганда во всей РСФСР должна быть объединена под руководством одного органа в целях экономии сил и более правильного направления работы. Абсолютно необходима при этом широчайшая автономия, местная и профессиональная. Систематическое, правильно поставленное вознаграждение (натуральные премии и проч.) всякого значительного успеха; организация беспристрастной и компетентной проверки успехов.

5. Единым руководящим органом производственной пропаганды должна быть редакция популярной массовой газеты с тиражом $^1/_2$ — 1 миллион экземпляров.

Такой газетой должна стать «Беднота» [49].

Разделение промышленной и сельскохозяйственной газет такого типа вредно, ибо задача социализма сближать и объединять промышленность и земледелие. Практически же руководящая роль промышленного пролетариата и в городе, и в деревне, и, в частности, в урбанизации земледелия, и в деле электрификации всей страны требует именно единой производственной газеты (и единого руководства производственной пропагандой) и для рабочих, и для крестьян.

6. Руководящая коллегия должна состоять из 5 лиц: 1) от ВЦСПС; 2) от ВСНХ; 3) от Наркомзема; 4) Главполитпросвета; 5) от ЦК РКП (или ответственный редактор). Коллегия и газета должны быть при ВЦСПС. (Может быть, плюс еще 1 от Главпрофобра?)

7. Производственная газета должна быть популярной, в смысле доступности миллионам, но отнюдь не впадать в популярничанье. Не опускаться до неразвитого читателя, а неуклонно — с очень осторожной постепенностью — поднимать его развитие. Уделять немного места, примерно не больше $^1/_4$, политике. Главное место — единому хозяйственному плану, трудовому фронту, производственной пропаганде, обучению рабочих и крестьян управлять, проверке действительного осуществления законов и мероприятий советских учреждений и хозяйств, широкому и правильному обмену мнений с читателем-массовиком.

8. Печатаемый в газете, поступающий в газету, а равно другой

материал должен систематически переиздаваться брошюрками и листовками периодически для обязательного снабжения библиотек, затем всех фабрик и предприятий данного производства (брошюрки и листовки должны систематизировать материал по производствам). Наряду с учебниками и обзорами заграничной техники этот материал должен служить для распространения профессионально-технического *и политехнического* образования.

В частности, более правильное распределение газеты, а равно производственных брошюр и листовок, по *всем* библиотекам РСФСР должно составить предмет особого внимания.

9. Необходимо планомерно организованное и систематическое привлечение инженеров, агрономов, учителей, затем советских служащих, удовлетворяющих известной квалификации, к участию в деле производственной пропаганды (в связи с ликвидацией безграмотности).

Организация лекций, бесед, отчетов и пр.

Трудповинность всех могущих знакомить население с электрификацией, с тейлоризацией и т. д.

10. Более широкое и систематичное использование фильмов для производственной пропаганды. Совместная работа с кинотделом.

Советская пластинка. Выставка диаграмм и картограмм в клубах, избах-читальнях, на улицах и пр. Расклейка афиш и плакатов около фабрик, мастерских, технических школ и т. д.

11. Организация, совместно с НКТрудом и другими учреждениями, производственной инспекции. Координирование ее работы с работой производственной пропаганды, равно и работы инструкторов, инструкторских поездов, пароходов и проч.

12. Выделение образцовых предприятий, широкая реклама их. Организация проделавших заграничный опыт промышленной работы рабочих — в особых мастерских или районах или ячейках и т. д. Использование их для обучения отсталых, для распространения профессионально-технического и политехнического образования и т. д.

Тезисы по производственной пропаганде (Черновой набросок), т. 42, с. 14—16

Прочитав теперь в целом платформу «Мы — коллективисты» (впередовцы, богдановцы, пролеткультовцы и т. д.) [50], я окончательно прихожу к выводу, что безусловно полезно для нас и необходимо *напечатать* ее брошюркой в 2—3 тысячи экземпляров с *обстоятельнейшей* критикой, с добавлением статьи о политических выступлениях Богданова в 1917 году и т. д.

Предлагаю заказать эту брошюрку *ряду авторов* под редакцией Бухарина, поручив ему раздать различным авторам, в 2 недели получить их рукописи и *в наборе показать Политбюро.* (Это нужно и *загранице.*)

1) Циркуляры ЦеКа о Пролеткультах.
2) «Мы — коллективисты».
3) Статья Бухарина из *«Правды».*
4) **Еще ряд статей** с разбором платформы.

Письмо членам Политбюро ЦК РКП(б). 2 декабря 1921 г., т. 44, с. 266

В Москву приехал уполномоченный итальянской кинематографической фирмы Чито-Чинема, коммунист т. Кароти, с которым наше итальянское представительство вело предварительные переговоры относительно концессии на съемку и покупку фильмов в России и эксплуатацию этих фильмов в Италии.

Базой для переговоров с т. Кароти может служить имеющийся у него проект договора, оставляющий широкое поле для внесения в него необходимых изменений.

По сообщению уполномоченного НКВТ в Италии — фирма Чито-Чинема является солидным итальянским кинематографическим предприятием, которое финансируется Итальянским учетным банком и о котором должна быть справка в Финансово-счетном управлении Наркомвнешторга.

Дело это я считаю чрезвычайно важным *и спешным.*

Поручаю немедленно образовать совещание для рассмотрения предложения т. Кароти, выяснения всего дела и выработки соответствующего постановления Совета Труда и Обороны.

Созыв совещания и доклад в СТО в среду 7 декабря — за т. Воеводиным.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Письмо в Наркомвнешторг, Наркомфин, ВСНХ, Наркомпрос. 5 декабря 1921 г., т. 44, с. 270—271

Наркомпрос должен организовать наблюдение за всеми представлениями и систематизировать это дело. Все ленты, которые демонстрируются в РСФСР, должны быть зарегистрированы и занумерованы в Наркомпросе. Для каждой программы кинопредставления должна быть установлена определенная пропорция:

а) увеселительные картины, специально для рекламы и для дохода (конечно, без похабщины и контрреволюции) и

б) под фирмой «из жизни народов всех стран» — картины специально пропагандистского содержания, как-то: колониальная политика Англии в Индии, работа Лиги наций, голодающие Берлина и т. д. и т. д. Нужно показывать не только кино, но и интересные для пропаганды фотографии с соответствующими надписями. Добиться, чтобы кинотеатры, находящиеся в частных руках, давали бы достаточно дохода государству в виде аренды, предоставить право предпринимателям увеличивать число номеров и вводить новые, но с непременной цензурой Наркомпроса и при условии сохранения пропорции между увеселительными картинами и картинами пропагандистского характера под названием «Из жизни народов всех стран», с тем чтобы промышленники были заинтересованы в создании и производстве новых картин. Им должна быть в этих рамках дана широкая инициатива. Картины пропагандистского и воспитательного характера нужно давать на проверку старым марксистам и литераторам, чтобы у нас не повторялись не раз происходившие печальные казусы, когда пропаганда достигает обратных целей. Специально обратить внимание на организацию кинотеатров в деревнях и на Востоке, где они являются новинками и где поэтому наша пропаганда будет особенно успешна.

Директивы по киноделу, т. 44, с. 360—361

Обеспечить сверх приведенного расчета полностью потребность в хлебе всех школ, как учащих, так и учащихся, и поручить т. Каменеву, т. Цюрупе и т. Яковлевой рассчитать, какая именно сумма хлеба для этого должна быть отложена, с добавлением минимального, особо проверенного количества на служащих.

Добавить еще на расходы на школы 1 миллион рублей золотом [51].

Ленин

К проекту постановления Политбюро ЦК РКП(б) по докладу комиссии Госснабжения, т. 45, с. 326

Составить точную опись ценностей, сберечь их в сохранном месте, вы отвечаете за сохранность. Имения — достояние народа. За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам.

Ленин

Телеграмма председателю Острогожского Совета. 6(19) декабря 1917 г., т. 50, с. 17

Предлагается вам незамедлительно представить сведения о том, что именно сделано для выполнения декрета от 13. IV. 1918, особенно по 1) снятию старых памятников, 2) по замене их хотя бы временными, новыми и 3) по замене старых надписей на общественных зданиях новыми (§ 5 декрета)[52].

Двухмесячная проволочка в исполнении декрета — равно важного и с точки зрения пропаганды и с точки зрения занятия безработных — непростительна.

Пред. СНК

В комиссариаты народного просвещения и имуществ республики. 15 июня 1918 г., т. 50, с. 101

Просмотрев брошюру «III Интернационал. 6—7 марта 1919», изд. «Государственное издательство», Москва, 1919 (цена 8 руб.), страниц 99, я объявляю *строгий выговор* за подобное издание и требую, чтобы все члены коллегии Государственного издательства прочли настоящее мое письмо и выработали серьезные меры гарантии, чтобы такое безобразие не могло повторяться.

Брошюра издана отвратительно. Это какая-то пачкотня. Нет оглавления. Какой-то идиот или неряха, очевидно, безграмотный, собрал, точно в пьяном виде, все «материалы», статейки, речи и *в беспорядке* напечатал.

Ни предисловия, ни протоколов, ни точного текста решений, ни выделения решений от речей, статей, заметок, ничего ровно! Неслыханный позор!

Великое историческое событие опозорено подобной брошюрой.

Требую:

1) Исправления путем *вклейки*. (Виновных засадить в тюрьму и заставить *вклеивать* во все экземпляры.)

Сообщения мне:

2а) Сколько экземпляров напечатано?

2б) Сколько распространено?

3) Переиздания в *приличном* виде. *Корректуру показать мне.*

4) Установления правила, чтобы за *каждую* выпускаемую вещь отвечало *определенное лицо* (завести книгу записей ответственных лиц).

5) Другие меры упорядочения; выработать их и прислать мне.

Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)*

В. В. Воровскому. 24 октября 1919 г. т. 51, с. 70—71

Ввиду крайней важности и злободневности привезенных тов. Гойхбаргом фотографий и документов суда над министрами Колчака предписываю: *немедленно* приготовить снимки с этих фотографий и документов, наряду с краткими комментариями тов. Гойхбарга, для составления ряда картин для *кинематографов* для самого широкого распространения.

Об исполнении извещать меня два раза в неделю.

Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)*

Д. И. Лещенко. 12 июня 1920 г., т. 51, с. 215—216

Прошу рассмотреть просьбу (§ 6 в Оргбюро *частью*). Надо удовлетворить *в известной части,* ибо борьба с неграмотностью — задача *важнее других*.

Ленин

В Малый Совнарком. Август, не ранее 11, 1920 г., т. 51, с. 257

Зачем *сейчас* касаться наших с Вами разногласий (может быть, возможных), если от *имени всего Цека* достаточно заявить (и доказать):

(1) пролетарская культура = коммунизм
(2) проводит РКП
(3) класс.-пролетар. = РКП = *Советская власть.*

В этом мы все согласны?

Н. И. Бухарину. 11 октября 1920 г., т. 51, с. 298—299

Уважаемые товарищи! По-моему, дать в Питере (архисвободном городе, по части квартир) лишнюю комнату ученым для кабинета и для лаборатории, ей-ей, не грех. Даже следовало бы вам самим взять на себя инициативу.

Очень прошу вас двинуть это дело, а если вы не согласны с этим, то не отказать мне черкнуть пару слов тотчас, чтобы я видел, в чем тут препятствие.

С ком. приветом *В. Ульянов (Ленин)*

В президиум Петроградского Совдепа. 21 октября 1920 г., т. 51, с. 312—313

Я принимаю почти все поправки Н. К. * и предлагаю еще одно добавление: добавить о *слиянии* работы *политико*-просветительной и *научно*-просветительной...

Ленин

В ЦК РКП(б). 14 ноября 1920 г., т. 52, с. 9—10

Прошу сообщить мне, 1) установлен ли в Госиздате вообще такой порядок, чтобы при издании каждой без изъятия книги и брошюры письменно фиксировались:

а) подпись члена редакции Госиздата, ответственного за редакторский просмотр данной вещи;
б) подпись редактора текста;
в) подпись ответственного корректора или издателя, или выпускающего.
2) Если нет, какие возражения против такого порядка? Каковы теперешние средства контроля?
3) Сведения по § 1 о брошюре

{«*О концессиях*. Декрет СНК 23/XI. 1920. Текст декрета. Объекты концессий. Карты. Гос. изд. 1920» [53].

Гос. тип. (б. Сытина). Пятницкая, 71. Москва. 1920.

В Государственное издательство. 11 декабря 1920 г., т. 52, с. 28—29

Множатся признаки, что по части систематичности и планомерности работы дела в Наркомпросе не улучшаются, вопреки директивам ЦК и специальным заданиям ЦК при реорганизации Наркомпроса.

Когда основной план работы будет выработан? Какие вопросы в этот план войдут? Такие ли, как составление учебников,— библиотечная сеть и ее использование,— образцовые школы,— отчетность учителей,— программы курсов, лекций, школьных занятий,— контроль за степенью фактического исполнения программ и хода учебных занятий?

Или другие вопросы? Какие?

Какие вопросы признаны важнейшими, ударными?

Есть ли постановления об этом? Какие меры систематичного надзора за исполнением?

Прошу краткого ответа.

Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*

А. В. Луначарскому, М. Н. Покровскому, Е. А. Литкенсу. 8 апреля 1921 г., т. 52, с. 133—134

---

* Н. К. Крупской. *Ред.*

Примите решительные меры к действительной охране художественных ценностей, картин, фарфора, бронзы, мрамора и т. д., находящихся в ялтинских дворцах и частных зданиях, ныне отводимых под санатории Наркомздрава, по поводу которых у нас имеются сведения об их вывозе. Впредь до прибытия специальной комиссии из Москвы для разбора и охраны указанных предметов вся ответственность за сохранность их возлагается на Вас.

Председатель Совтрудобороны *Ленин*

Крымскому ревкому. 26 февраля 1921 г., т. 52, с. 309—310

Предлагаю в срочном порядке произвести реставрацию Владимирских ворот (кремлевская башня, выходящая к Историческому музею), поручив кому-либо из архитекторов по указанию Н. П. Малиновского представить смету и наблюсти за исполнением работ.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Предписание коменданту Кремля. 17 мая 1918 г. Ленинский сборник XXXV, с. 21—22

Поручить Комиссии:

1) рассмотреть детально устав Социалистической академии общественных наук для внесения в СНК и затем в ЦИК;
2) тотчас же вступить в обмен мнений по этому вопросу, как и по вопросу о составе, с нерусскими и заграничными марксистами;
3) составить и обсудить список кандидатов, пригодных и согласных быть членами-учредителями, а равно преподавателями, для внесения этого списка в СНК и ЦИК.

О Социалистической академии общественных наук. Директивы комиссии, т. 36, с. 373

Поручить библиотечному отделу *Народного комиссариата просвещения* публиковать ежемесячно и доставлять в СНК краткие фактические данные о действительном проведении в жизнь постановлений СНК от 7. VI. 1918 и от 14. I. 1919 и о действительном расширении числа библиотек и читален, и о росте распространения книг в населении [54].

О положении библиотечного дела. Проект постановления СНК. 30 января 1919 г., т. 37, с. 470

Прошу принять подателя, тов. Прокофьева. Его просьба реквизировать библиотеку Суркова для района в 40 000 человек, по-моему, правильна; может быть, известные права пользования оставить за Сурковым? Прошу послать мне копию вашего постановления по этому вопросу, а равно прошу помочь товарищам из Родников в расширении их библиотеки. Нельзя ли послать им одну из реквизированных помещичьих библиотек? И об этом прошу известить меня.

Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)*

В библиотечный отдел Комиссариата народного просвещения. 30 декабря 1918 г., т. 50, с. 231

Предлагаю Вам поручить Книжной палате произвести в виде опыта следующую работу:

1) Из важнейших газет («Известия ВЦИК», «Правда», «Экономическая Жизнь», «Петроградская Правда») и центральных областных газет — украинских, кавказских, сибирских, уральских и т. п. (всего вместе с центральными не больше 10 газет) — произвести вырезки за май месяц всех материалов, касающихся экономических, хозяйственных и производственных вопросов, включая также все отчеты и статистические материалы, подробно расклассифицировать их и расклеить по альбомам; из таких альбомов составить четыре параллельных комплекта.

2) Составить подробнейший систематический и алфавитный указатель к месячному комплекту указанных газет, который обнимал бы все материалы, имеющиеся в газете, включая объявления.

За означенную работу назначить сдельную оплату и, при условии хорошего ее выполнения, которое удовлетворит Совет Народных Комиссаров, назначить премию с частичной ее натурализацией по соглашению с отделом премирования ВЦСПС.

Об исполнении пришлите мне доклад через управляющего делами Совнаркома тов. *Горбунова*.

Председатель Совнаркома *В. Ульянов (Ленин)*

В Госиздат. Копия: Книжной палате. 28 апреля 1921 г., т. 52, с. 319—320

2. ДЕКРЕТЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ, ПОДПИСАННЫЕ В. И. ЛЕНИНЫМ

ДЕКРЕТ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

Дело общего руководства народным просвещением, поскольку таковое остается за центральной государственной властью, поручается, впредь до Учредительного собрания, Государственной комиссии по народному просвещению, представителем и исполнителем которой является народный комиссар.

Все функции, выполнявшиеся прежде министром народного просвещения и его товарищами, возлагаются, согласно решению Совета Народных Комиссаров и общему порядку, установленному съездом Советов, на Комиссию по народному образованию.

Комиссия по просвещению ответственна во всех своих действиях перед Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Состав Комиссии следующий:

1) Председатель — народный комиссар по просвещению.
2) Секретарь Комиссии по народному просвещению.
3) Лица делегированные:

1) 3 представителя от Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов; 2) 2 представителя от Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов (по производстве выборов на съезде); 3) 2 от Всероссийского учительского союза; по одному: 4) от Академического союза; 5) от Центрального бюро профессиональных союзов; 6) от Всероссийского центра фабрично-заводских комитетов; 7) от Центрального комитета петроградских пролетарских культурно-просветительных организаций (впредь до создания подобного же всероссийского органа); 8) от Всероссийского союза городов; 9) от Всероссийского земского союза; 10) от Всероссийской организации художников (как только она возникнет); 11) от Всероссийского студенческого союза (когда таковой образуется); 12) от Государственного комитета по народному образованию.

4) Лица по назначению Совета Народных Комиссаров: пятнадцать лиц, заведующих отделами.

Отделы:

1) Отдел по введению всеобщей грамотности.
2) Отдел автономных высших учебных заведений.
3) Отдел министерских учебных заведений (впредь до их передачи муниципалитетам).
4) Отдел муниципальных учебных заведений.
5) Отдел дошкольного воспитания и помощи детям.
6) Отдел внешкольного образования.
7) Отдел помощи самостоятельным классовым просветительным организациям.
8) Научный отдел.
9) Отдел искусств.
10) Финансовый отдел.
11) Отдел статистики и экспериментальной педагогики.
12) Отдел технических школ и политехнического образования.
13) Отдел по подготовке преподавательского персонала.
14) Отдел школьной медицины и гигиены.
15) Отдел школьного строительства.

Государственная комиссия по народному образованию отнюдь не является центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, все школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления. Самостоятельная работа классовых — рабочих, солдатских, крестьянских культурно-просветительных организаций должна обладать полной автономией как по отношению к государственному центру, так и по отношению к центрам муниципальным.

Дело Государственной комиссии — служить связью и помощницей, организовать источники материальной, идейной и моральной поддержки муниципальным и частным, особенно же трудовым и классовым просветительным учреждениям в государственном общенародном масштабе.

Целый ряд ценных законопроектов был разработан с начала революции Государственным комитетом по народному образованию, демократическим по своему составу, богатым опытными специалистами.

Государственная комиссия войдет в планомерное сотрудничество с этим комитетом, о созыве экстренной сессии которого народный комиссар немедленно обратится в бюро комитета.

Предмет занятий этой сессии будет заключаться в:

1) Пересмотр норм представительства в духе еще большей демократизации комитета.

2) Пересмотр прав его в духе их расширения и превращения комитета в Государственный институт по изготовлению законопроектов.

3) Пересмотр уже созданных комитетом законопроектов совместно с новой Государственной комиссией, требуемый тем обстоятельством, что при редактировании их комитет считался с буржуазным духом предшествовавших министерств.

После такого пересмотра законопроекты будут проведены в жизнь без всякой канцелярской волокиты в революционном порядке.

Сотрудничество педагогов и сил общественных — вот что будет преследоваться Комиссией во всей ее деятельности.

Лишь Учредительное собрание установит детальный порядок государственной и общественной жизни в нашей стране, в том числе и общий характер организации народного просвещения.

Не предрешая его воли, народное Правительство считает себя вправе и в этом отношении проводить в жизнь ряд мероприятий, имеющих целью обогатить и осветить как можно скорее духовную жизнь страны.

Текущие дела должны пока идти своим чередом через Министерство народного просвещения.

Министерство должно играть роль исполнительного аппарата при Государственной комиссии по народному просвещению.

9 (22) ноября 1917 г.

Декреты Советской власти. М., 1957, т. I, с. 59—62

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССАРИАТА ПО НАРОДНОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ

Ввиду неясности постановлений предыдущих министерств о переходе церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения, о чем свидетельствуют многочисленные заявления с мест о разъяснении, Комиссариат по народному просвещению (бывш. Министерство народного просвещения), пересмотрев вопрос, постановил: передать из духовного ведомства дела воспитания и образования ведению Комиссариата народного просвещения. Передаче подлежат все церковно-приходские (начальные одноклассные, двухклассные) школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии и все другие, носящие различные названия, низшие, средние и высшие школы и учреждения духовного ведомства, со штатами, ассигновками, движимыми и недвижимыми имуществами, т. е. со зданиями, надворными постройками, с земельными участками под зданиями и необходимыми для школ землями, с усадьбами (если таковые окажутся), с библиотеками и всякого рода пособиями, ценностями, капитала-

ми и ценными бумагами и процентами с них и со всем тем, что предназначалось для вышеозначенных школ и учреждений.

Вопрос о церквах при этих учреждениях будет разрешен в связи с декретом об отделении церкви от государства...

11 (24) декабря 1917 г.

Декреты Советской власти. М., 1957, т. I, с. 210—211

ДЕКРЕТ ОБ ОХРАНЕ ПРЕДМЕТОВ СТАРИНЫ И ИСКУССТВА, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ПОЛЬСКОМУ НАРОДУ

Принимая во внимание, что в западных и северо-западных губерниях Российской Республики, во многих городах и усадьбах лиц польской национальности находятся предметы, имеющие исключительную художественную или историческую ценность для польского народа, причем большинство этих предметов было вывезено из Польши во время отступления русских войск и раньше, Совет Народных Комиссаров для возвращения этих предметов в полной сохранности всему польскому народу— постановляет и для руководства подлежащих революционных властей объявляет следующее:

1. Предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины и вообще музейные предметы, где бы они ни находились, принимаются, как национальная собственность польского народа, под охрану власти Рабочего и Крестьянского правительства в лице Комиссариата по польским делам и «Общества охранения древностей» до поры передачи польским народным музеям.

2. На все предметы составляются акты, причем акт о добровольной передаче польским музеям предметов, находящихся в польских усадьбах, подписывает собственноручно владелец усадьбы или им на то уполномоченное лицо. Акт составляется в двух экземплярах: один из них хранится в Польском комиссариате при Совете Народных Комиссаров, другой в Петроградском отделе польского «Общества охранения древностей» (официального представительства в России польских художественных и исторических обществ).

3. Кроме актов составляется точная опись передаваемых предметов в 4 экземплярах, причем один экземпляр остается у владельца, другой — в Комиссариате по польским делам, третий — у комиссариата районного по охране памятников старины или в бюро ближайшего исполнительного органа союза военнослужащих поляков, четвертый — в правлении «Общества охранения древностей» в Петрограде.

4. Для составления актов и описей и для осуществления настоящего декрета, а равно контроля над соблюдением такового на местах, Польским комиссариатом назначаются особые районные комиссары с полномочиями комиссаров Рабочего и Крестьянского правительства.

5. Все упомянутые организации и лица работают в контакте с местными революционными властями в лице местных Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, которым вменяется в обязанность оказывать полное содействие в охране на местах и перевозках польских культурных ценностей.

12 (25) января 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1957, т. I, с. 343—344

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ВЫДАЧЕ ПЕНСИИ С. А. ТОЛСТОЙ, ОБ ОХРАНЕ ИМЕНИЯ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА» И УТВЕРЖДЕНИИ ЗА С. А. ТОЛСТОЙ ПРАВ ПОЖИЗНЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ УСАДЬБОЙ

Совет Народных Комиссаров в заседании от 30 марта, рассмотрев ходатайство вдовы С. А. Толстой, постановил: ходатайство вдовы Л. Н. Толстого гражданки С. А. Толстой о выдаче ей пенсии, назначенной в 1910 г. в размере 10 000 руб. в год и расходуемой ею на поддержание усадьбы «Ясная Поляна»,— удовлетворить.

Обратиться от имени Совета Народных Комиссаров к местному Совету с указанием на его государственную обязанность охранять имение «Ясная Поляна» со всеми историческими воспоминаниями, которые с ним связаны.

Постановление местных крестьян, что усадьба находится в пожизненном пользовании Софьи Андреевны,— утвердить.

30 марта 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1959, т. II, с. 38—39

ДЕКРЕТ О ПАМЯТНИКАХ РЕСПУБЛИКИ

В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера.

2) Особой комиссии из народных комиссаров по просвещению и имуществ Республики и заведующего Отделом изобразительных искусств при Комиссариате просвещения поручается, по соглашению с художественной коллегией Москвы и Петрограда, определить, какие памятники подлежат снятию.

3) Той же комиссии поручается мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции.

4) Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1 мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и поставлены первые модели новых памятников на суд масс.

5) Той же комиссии поручается спешно подготовить декорирование города в день 1 мая и замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т. п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России.

6) Областные и губернские Совдепы приступают к этому же делу не иначе, как по соглашению с вышеуказанной комиссией.

7) По мере внесения смет и выяснения их практической надобности ассигновываются необходимые суммы.

12 апреля 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1959, т. II, с. 95—96

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ЗАПРЕЩЕНИИ ВЫВОЗА ЗА ГРАНИЦУ КАРТИНЫ БОТТИЧЕЛЛИ (ТОНДО)

Совет Народных Комиссаров в заседании 30 мая по вопросу о запрещении вывоза за границу картины Боттичелли постановил:

ввиду исключительного художественного значения картины Боттичелли (тондо), принадлежащей в настоящее время гражд. Е. П. Мещерской, предполагающей, по имеющимся сведениям, вывезти картину за границу, Совет Народных Комиссаров постановляет: картину эту реквизировать, признать ее собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в один из национальных музеев Российской Социалистической Федеративной Советской Республики *.

Исполнение сего постановления возложить на Комиссариат по народному просвещению.

Поручить Комиссариату по народному просвещению разработать в 3-дневный срок проект декрета о запрещении вывоза из пределов Российской Социалистической Федеративной Советской

* В настоящее время картина Боттичелли «Мадонна с младенцем» находится в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. *Ред.*

Республики картин и вообще всяких высокохудожественных ценностей и проект этот представить на рассмотрение Совета Народных Комиссаров.

30 мая 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1959, т. II, с. 604—605

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ АССИГНОВАНИИ ОДНОГО МЛН. РУБ. НА СООРУЖЕНИЕ ПАМЯТНИКА НА МОГИЛЕ К. МАРКСА

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Ассигновать один миллион рублей на постройку памятника на могиле Карла Маркса.

2) Поручить Народному комиссариату просвещения объявить конкурс на проект памятника.

3) Поручить представителю Российской Республики в Лондоне вступить в переговоры с наследниками Карла Маркса на предмет исполнения данного постановления.

1 июня 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1959, т. II, с. 385—386

ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Принимая во внимание, что московская городская художественная галерея имени П. и С. М. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительные функции, и что интересы рабочего класса требуют, чтобы Третьяковская галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, направляемых в своей деятельности Народным комиссариатом по просвещению, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Московскую городскую художественную галерею имени П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного комиссариата по просвещению на общем основании с прочими государственными музеями.

2) Коллегии по делам музеев и охране памятников искусств и старины при Народном комиссариате по просвещению срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении галереей и ее деятельности в соответствии с современными музейными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Советской Республики.

3 июня 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1959, т. II, с. 389—390

ДЕКРЕТ О ПЕРЕХОДЕ ПЕТРОГРАДСКОЙ И МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИЙ В ВЕДЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

Совет Народных Комиссаров постановляет:

Петроградская и Московская консерватории переходят в ведение Народного комиссариата по просвещению на равных со всеми высшими учебными заведениями правах с уничтожением их зависимости от Русского музыкального общества. Все имущество и инвентарь этих консерваторий, необходимые и приспособленные для целей государственного музыкального строительства, объявляются народной государственной собственностью.

12 июля 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1964, т. III, с. 11—12

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ВЕЛИКИМ ЛЮДЯМ

Совет Народных Комиссаров 30 июля с. г., рассмотрев проект списка памятников великих деятелей социализма, революции и проч., составленный Народным комиссариатом по просвещению, *постановил:*

а) Поставить на 1-е место постановку памятников величайшим деятелям революции — Марксу и Энгельсу;

б) внести в список писателей и поэтов наиболее великих иностранцев, например Гейне;

в) исключить Владимира Соловьева...

В «Известиях» № 163, 2 августа за подписью Председателя СНК В. И. Ленина был опубликован следующий «Список лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР, представленный в СНК Отделом изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению.

I. Революционеры и общественные деятели: 1. Спартак. 2. Тиберий Гракх. 3. Брут. 4. Бабеф. 5. Маркс. 6. Энгельс. 7. Бебель. 8. Лассаль. 9. Жорес. 10. Лафарг. 11. Вальян. 12. Марат. 13. Робеспьер. 14. Дантон. 15. Гарибальди. 16. Степан Разин. 17. Пестель. 18. Рылеев. 19. Герцен. 20. Бакунин. 21. Лавров. 22. Халтурин. 23. Плеханов. 24. Каляев. 25. Володарский. 26. Фурье. 27. Сен-Симон. 28. Роб. Оуэн. 29. Желябов. 30. Софья Перовская. 31. Кибальчич.

II. Писатели и поэты: 1. Толстой. 2. Достоевский. 3. Лермонтов. 4. Пушкин. 5. Гоголь. 6. Радищев. 7. Белинский. 8. Огарев. 9. Чернышевский. 10. Михайловский. 11. Добролюбов. 12. Писарев. 13. Глеб Успенский. 14. Салтыков-Щедрин. 15. Некрасов. 16. Шевченко. 17. Тютчев. 18. Никитин. 19. Новиков. 20. Кольцов.

III. Философы и ученые: 1. Сковорода. 2. Ломоносов. 3. Менделеев.

IV. Художники: 1. Рублев. 2. Кипренский. 3. Алекс, Иванов. 4. Врубель. 5. Шубин. 6. Козловский. 7. Казаков.

V. Композиторы: 1. Мусоргский. 2. Скрябин. 3. Шопен.

VI. Артисты: 1. Комиссаржевская. 2. Мочалов».

30 июля 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1964, т. III, с. 118—119

ДЕКРЕТ О ЗАПРЕЩЕНИИ ВЫВОЗА И ПРОДАЖИ ЗА ГРАНИЦУ ПРЕДМЕТОВ ОСОБОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

В целях прекращения вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения, угрожающего утратою культурных сокровищ народа, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Воспретить вывоз из всех мест Республики и продажу за границу, кем бы то ни было, предметов искусства и старины без разрешений, выдаваемых Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Комиссариате народного просвещения или органами, Коллегией на то уполномоченными. Комиссариат по внешней торговле может давать разрешение на вывоз за границу памятников старины и художественных произведений только после предварительного заключения и разрешения Комиссариата народного просвещения.

2. Все магазины, комиссионные конторы и отдельные лица, производящие торговлю предметами искусства и старины, или посредники по торговле ими, а также лица, производящие платную оценку или экспертизу подобных предметов, обязаны зарегистрироваться в течение трех дней со дня опубликования сего декрета в Коллегии по охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Комиссариате народного просвещения или в органах, Коллегией на то уполномоченных, а на местах — в Отделах по народному просвещению при губернских Совдепах.

3. Виновные в неисполнении сего декрета подвергаются ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до конфискации всего их имущества и тюремного заключения.

4. Декрет вступает в силу со дня его опубликования.

19 сентября 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1964, т. III, с. 352—353

ДЕКРЕТ О РЕГИСТРАЦИИ, ПРИЕМЕ НА УЧЕТ И ОХРАНЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ, НАХОДЯЩИХСЯ ВО ВЛАДЕНИИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ, ОБЩЕСТВ И УЧРЕЖДЕНИЙ

В целях охранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чьем бы обладании они ни находились.

2) Взять на учет находящиеся во владении обществ, учреждений и частных лиц монументальные памятники, собрания предметов искусства и старины, а также отдельные предметы, имеющие большое научное, историческое или художественное значение.

3) Никакое отчуждение или переход из одного частного или общественного владения в иное, а также перемещение, ремонт, поправка или переделка принятых на учет монументальных памятников, собраний и отдельных предметов искусства и старины не могут быть произведены без разрешения Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петербурге и Москве.

4) Владельцам взятых на учет предметов или собраний оказывается содействие в деле их охранения и выдаются особые охранные грамоты.

5) Принятые на учет монументальные памятники, собрания и отдельные предметы могут быть принудительно отчуждены или переданы на хранение в ведение государственных органов охраны, если сохранности их будет грозить опасность от небрежного отношения владельцев, или вследствие невозможности для владельцев принять необходимые меры охраны, или же в случаях несоблюдения владельцами правил хранения.

6) Все учреждения, в случаях реквизиции или отчуждения монументальных памятников, собраний или отдельных предметов искусства и старины или помещений, в коих таковые находятся, обязаны немедленно сообщать об этом в Комиссию по охране и регистрации памятников искусства и старины.

7) Работы по регистрации и по выяснению памятников, подлежащих учету, возлагаются на Комиссию по охране и регистрации памятников искусства и старины.

8) Владельцы монументальных памятников, собраний или отдельных предметов искусства и старины (частные лица, общества

и учреждения) обязаны не позднее месяца со дня опубликования настоящего декрета представить общие сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины, а также списки с полным их перечнем в Комиссию по охране и регистрации в Петербурге и Москве и на местах в губсовдепы и отделы народного просвещения; в случаях невозможности по каким-либо причинам представить полные списки уведомить об этом Комиссию.

9) Признание памятников или собраний подлежащими учету и предусматриваемые пунктом 5-м их перемещения и отчуждения производятся по постановлению Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Комиссариате народного просвещения в Петербурге и Москве.

10) Комиссии по охране и регистрации памятников искусства и старины предоставляется право немедленно брать на временный учет все монументальные и вещевые памятники как в виде целых собраний, так и отдельных предметов.

11) Виновные в неисполнении сего декрета подвергаются ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до конфискации всего их имущества и лишения свободы.

12) Памятники, собрания и отдельные предметы, взятые на учет и отчужденные в новое частное или общественное владение без надлежащего разрешения, конфискуются.

13) Действие настоящего декрета не распространяется на предметы искусства, находящиеся у их авторов.

5 октября 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1964, т. III, с. 399—400

ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ ЩУКИНА

Принимая во внимание, что Художественная галерея Щукина представляет собой исключительное собрание великих европейских мастеров, по преимуществу французских, конца XIX и начала XX века, и по своей высокой художественной ценности имеет общегосударственное значение в деле народного просвещения, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Художественное собрание Сергея Ивановича Щукина объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать его в ведение Народного комиссариата по просвещению на общих основаниях с прочими государственными музеями.

2) Здание, в котором находится галерея (д. № 8, по Б. Знаменскому пер.), с прилегающим участком земли, составляющим

бывшее владение С. И. Щукина, и со всем инвентарем передается в ведение и распоряжение Народного комиссариата по просвещению.

3) Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении бывшей Щукинской галереей и ее деятельности в соответствии с современными потребностями и заданиями демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

5 ноября 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1964, т. III, с. 460

ДЕКРЕТ О НАУЧНЫХ, ЛИТЕРАТУРНЫХ, МУЗЫКАЛЬНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

1. Всякое как опубликованное, так и не опубликованное научное, литературное, музыкальное или художественное произведение, в чьих бы руках оно ни находилось, может быть признано по постановлению Народного комиссариата просвещения достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Примечание. Таким же постановлением Народного комиссариата просвещения могут быть объявлены достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики все произведения любого умершего автора.

2. Произведение, объявленное достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, может быть размножаемо и распространяемо только Народным комиссариатом просвещения или другим советским учреждением по соглашению с Народным комиссариатом по просвещению.

Примечание. Драматические, музыкальные и т. п. произведения, объявленные достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, могут быть публично исполняемы с разрешения Народного комиссариата просвещения и на условиях, им установленных, всеми лицами, учреждениями и предприятиями.

3. Необъявленные достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики произведения не могут быть при жизни автора размножаемы и распространяемы иначе, как по соглашению с автором. До истечения 6 месяцев со дня смерти автора никто не вправе издавать или переиздавать его произведения.

4. Частная переписка, дневники и т. п., не предназначавшиеся к напечатанию произведения умерших авторов, могут издаваться только с согласия супруга и близких родственников умершего или с разрешения Народного комиссариата просвещения.

Примечание. Толкование того, кто является близким родственником, равно как распространение указанного в ст. 4 права на других близких умершему лиц, а также разрешение всех других спорных вопросов по применению настоящего декрета принадлежит Народному комиссару просвещения.

5. В случае объявления достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики опубликованного произведения издателю возмещаются понесенные им и не покрытые расходы, включая и авторский гонорар, в размере и по ставкам, определяемым Народными комиссариатами просвещения и труда.

При всяком издании произведения, объявленного достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Народным комиссариатом просвещения или другим советским учреждением автору при его жизни выдается гонорар по ставкам, указанным в первой части настоящей статьи.

6. Постановление о признании достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики произведений авторов, умерших ранее издания настоящего декрета, должно быть опубликовано не позже 6 месяцев со дня издания настоящего декрета.

7. После смерти автора всякий причитающийся ему авторский гонорар становится государственным достоянием. Нуждающиеся и нетрудоспособные родственники умершего автора имеют право на получение содержания из этого имущества на общих основаниях, установленных в декрете об отмене наследования и инструкции о введении в действие декрета об отмене наследования.

8. Если после умерших авторов, произведения которых будут признаны народным достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, останутся нуждающиеся и нетрудоспособные родственники или супруг, не получавшие содержания из другого оставшегося после умершего имущества (в том числе и указанного в ст. 7 настоящего декрета), то им выдается через губернские отделы социального обеспечения содержание в размере прожиточного минимума или недополучаемая ими до размеров прожиточного минимума разница.

Примечание. Указанное в настоящей статье содержание выдается только впредь до введения всеобщего социального обеспечения из гонорара, который причитался бы автору по ставкам, выработанным порядком, указанным в ст. 5 настоящего декрета.

9. При издании произведений умерших авторов, необъявленных достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, издатели, если после умершего автора остались нуждающиеся и нетрудоспособные родственники или супруг, удовлетворяющие условиям, указанным в предыдущей статье, обязаны вносить в народный банк суммы, равные гонорару, который причитался бы автору по ставкам, выработанным порядком, указанным в ст. 5 настоящего декрета, для выплаты из этих сумм содержания нуждающимся и нетрудоспособным родственникам или супругу умершего автора на общих основаниях. От этой обязанности издатели освобождаются, если после умершего автора не останется родственников, требующих социального обеспечения.

10. Как право перевода, так и самый перевод в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике на русский язык литературных произведений, появившихся на иностранных языках как в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, так и за ее пределами, могут быть объявлены постановлением Народного комиссариата просвещения монополией Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. К правам переводчиков на получение гонорара и их родственников на получение содержания соответственно применяется постановление настоящего декрета о правах авторов и их родственников.

11. Самовольное издание, размножение, распространение и публичное исполнение произведений вопреки постановлению настоящего декрета влечет за собой ответственность как за нарушение государственной монополии.

26 ноября 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1968, т. IV, с. 68—70

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СОБРАНИЙ И. А. МОРОЗОВА, А. В. МОРОЗОВА И И. С. ОСТРОУХОВА

Совет Народных Комиссаров постановил:

Художественные собрания И. А. Морозова, И. С. Остроухова и А. В. Морозова объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать их в ведение Народного комиссариата по просвещению, которому поручить срочно выработать и привести в действие положение об использовании коллекций в соответствии с современ-

ными потребностями и заданиями демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

19 декабря 1918 г.

Декреты Советской власти. М., 1968, т. IV, с. 239—240

ПОСТАНОВЛЕНИЕ И ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА СОВЕТА ОБОРОНЫ ОБ УЧЕТЕ СЦЕНИЧЕСКИХ И ТЕАТРАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

В целях упорядочения культурно-просветительной работы во фронтовой и тыловой частях Красной Армии и всемерного развития деятельности по обслуживанию войсковых частей и в области театра и других зрелищ, Совет Рабоче-Крестьянской Обороны постановил:

1) Все граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, без различия пола и возраста, принадлежащие к числу сценических и театральных работников, подлежат точному учету на предмет возможного использования их по обслуживанию фронта и тыла Красной Армии по профессии.

Примечание. Сценическими и театральными работниками признаются: артисты, режиссеры и их помощники, суфлеры, главные художественные руководители театрального дела, руководители административно-хозяйственной частью, художники, скульпторы, артисты хора, оркестра и балета, музыканты, аккомпаниаторы, рабочие сцены, электротехники, монтеры, бутафоры, реквизиторы, декораторы и их помощники, костюмеры, портные, гримеры, парикмахеры, гардеробмейстеры, машинисты и их помощники, сапожники театральной обуви, вахтеры при складах, обойщики и вообще все работники сцены и арены, которые будут признаны профессиональными союзами; заведующие отделами и секциями, а равно культурно-просветительными организациями Пролеткульта и работающие в области рабоче-крестьянского театра.

2) На Театральный отдел Народного комиссариата просвещения возлагается производство учета лиц всех упомянутых категорий, согласно приложенным к сему «Временным правилам производства учета сценических и театральных работников», утвержденным Советом Рабоче-Крестьянской Обороны 7 апреля 1919 года.

3) Тому же Отделу поручаются, в согласии с Агитационно-просветительным отделом Всебюркома, незамедлительная разработка и установление плана по возможному использованию лиц, упомянутых в п. 1, для обслуживания Рабоче-Крестьянской Ар-

ми спектаклями, концертами и другой, имеющей характер зрелищ, культурно-просветительной деятельностью.

4) Все принятые на учет сценические и театральные работники по получении извещения от Театрального отдела Наркомпроса либо местных отделов народного образования по принадлежности обязаны явиться в вызвавшее их учреждение и принять назначение по своей специальности, причем для безработных такое назначение является обязательным, для занятых же — по соглашению с местными театральными комитетами. В случае разногласия обращаться за разрешением его в центр. Использование сил государственных театров должно производиться с согласия Отдела государственных театров.

5) Уклоняющихся от учета и назначения предавать суду революционного трибунала.

6) Все поступившие на учет сценические и театральные работники не освобождаются от призыва на действительную военную службу вместе со сверстниками по возрасту, но могут получать отсрочку на основании существующих законоположений, как незаменимые работники, и в таком случае поступают в распоряжение Театрального отдела либо местных отделов народного образования по принадлежности, по соответствующим, мотивированным о каждом в отдельности, ходатайствам названных учреждений пред подлежащими учреждениями военного ведомства.

7 апреля 1919 г.

Декреты Советской власти. М., 1971, т. V, с. 32—34

ДЕКРЕТ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЛА

1. Для урегулирования всего театрального дела России учреждается Центральный комитет (Центротеатр) при Народном комиссариате по просвещению.

2. Театральный отдел является исполнительным аппаратом Центротеатра.

Отдел государственных театров включается в Театральный отдел Наркомпроса.

3. Высшее руководство всеми театрами, как государственными, так и принадлежащими отдельным ведомствам (военному, кооперативам, Совдепам и т. п.), объединяется в Центротеатре.

4. Всякое театральное имущество (здания, реквизит), ввиду представляемой им культурной ценности, объявляется национальным имуществом.

5. Со дня опубликования декрета воспрещается кому бы то ни

было вывоз за границу, уничтожение, обесценение или продажа театрального имущества без разрешения на то Центротеатра для театров, имеющих общегосударственное значение, и для театров, имеющих местное значение,— отнаробразов.

6. Установление цен на места в зрительном зале определяется Центротеатром, по соглашению с коллегией Народного комиссариата по просвещению и Народного комиссариата финансов, на основании заключения местных отнаробразов.

7. Постановления Центротеатра, касающиеся платы на места, обязательны для всех театров России.

8. Театральное имущество (здания, костюмы, реквизит) передается Центротеатром в пользование художественным коллективам (обществам, ассоциациям, кружкам), имеющим или желающим иметь театры, и артистическим труппам на определенных началах.

Примечание. Личное театральное имущество артистов театра, эстрады и цирка не подлежит национализации, а остается собственностью театральных, цирковых и эстрадных артистов, с тем, однако, чтобы в случае продажи такого имущества правом преимущественной покупки пользовалось государство или местные Советы.

9. Театры, признаваемые полезными и художественными, разделяются на несколько категорий, причем все они субсидируются государством, согласно представляемой смете, в размерах, дающих им возможность функционировать при утвержденных государством ставках за труд и ценах на места.

10. Театры автономные. Театры, культурная ценность которых признается Центротеатром, а относительно местных театров — им же по представлению и отзыву местных Совдепов, и которые находятся в руках зарекомендовавших себя и устойчивых коллективов (будь то поддерживающие театры культурно-просветительные и другие общества, ассоциации и кружки, труппы или художественно-трудовые коллективы), признаются автономными.

11. Театры автономные дают ежегодный отчет Центротеатру как о художественной, так и о материальной жизни за год.

12. Автономные театры подлежат с финансовой стороны ревизиям государственного контроля.

13. Центротеатр может проверять показания правлений автономных театров как через органы государственного контроля, так и через собственную инспекцию.

14. Центротеатр имеет право давать автономным театрам известные указания репертуарного характера в направлении приближения театра к народным массам и их социалистическому идеалу, без нарушения художественной ценности театра.

15. Автономия может быть отнята, после того как она признана, только коллегией Народного комиссариата по просвещению по представлению Центротеатра.

16. Театры, находившиеся в распоряжении частных антрепренеров или организаций, не гарантирующих высокого культурного уровня, или, наконец, трупп, вновь составленных и не имеющих определенной физиономии, пользуются предоставленным им национальным театральным имуществом, при условии включения в их правления представителей местного отдела народного образования, если дело идет о театре местного значения, и — Центротеатра, если дело идет о театре, долженствующем иметь значение государственное.

Примечание. Распределение билетов как на платные, так и на бесплатные спектакли предоставляется регулировать местному Исполкому, по соглашению с местным советом профессиональных союзов, а в Москве — Центротеатру, Московскому Совету и Всероссийскому Совету Профессиональных Союзов.

17. Количество лиц по назначению в правлениях таких театров определяется Центротеатром, по представлению местных Совдепов, причем, однако, представительство художественно-трудового коллектива театра и местного профессионального союза работников искусств является обязательным.

18. Для театров неавтономных обязательными являются не только вышеуказанные распоряжения Центротеатра, но также административные и художественные.

19. Стремясь к усилению художественной самодеятельности, Центротеатр переводит в разряд автономных все театры, художественный коллектив которых достаточно окреп.

20. Театры, организуемые самим Центротеатром для проведения в жизнь того типа спектаклей, которые, по мнению Центротеатра, наиболее необходимы народным массам, а также государственные и советские студии такого типа администрируются на тех же началах, как и неавтономные театры, и равным образом переводятся в разряд автономных после известного стажа, деятельность которого определяется Центротеатром.

21. Так называемые государственные театры, т. е. Большой и Малый в Москве, Мариинский, Александринский и Михайловский в Петрограде, управляются на основании тех положений, которые приняты для управления ими соответственным уложением.

22. Все права, какими пользовался по отношению к государственным театрам, согласно этому уложению, Народный комиссариат по просвещению через Отдел государственных театров, остаются за ним и проводятся им в жизнь через Центротеатр.

23. Цирки, как предприятия, с одной стороны, доходные, с дру-

гой стороны, демократические по посещающей их публике и особенно нуждающиеся в очищении от нездоровых элементов и в художественном подъеме их программ, а также всякого рода эстрады администрируются наравне с неавтономными театрами.

24. Народные гулянья, не организуемые непосредственно Советской властью, могут получать субсидирование, в каковом случае они подчиняются административным и художественным указаниям Центротеатра или местных отнаробразов.

25. Порядок субсидирования театров будет особо выработан Центротеатром по соглашению с Наркомфином и госконтролем.

26. При назначении субсидии театрам Центротеатр сообразуется как с финансовой стороной театрального предприятия, так в особенности с художественными достоинствами труппы и общей полезностью направления театра.

27. Состав Центротеатра:

1) Председателем Центротеатра является Народный комиссар по просвещению.

2) Заместителем председателя является лицо, назначенное коллегией Народного комиссариата по просвещению.

3) Коллегия Центротеатра, помимо председателя и заместителя председателя, состоит из десяти членов, из коих 7 назначаются коллегией Народного комиссариата по просвещению и 3 избираются Всероссийским Советом Профессиональных Союзов.

Примечание 1) Представители Московского и Петроградского Советов, заведующие театральным делом столиц, имеют право присутствовать на заседаниях Центротеатра с решающим голосом.

Примечание 2) Представители губернских исполкомов имеют право участвовать с решающим голосом в заседании Центротеатра во время обсуждения вопросов, касающихся театров их губернии.

Примечание 3) Внешкольная секция Наркомпроса имеет право послать одного представителя с решающим голосом в Центротеатр.

26 августа 1919 г.

Декреты Советской власти. М., 1973, т. VI, с. 69—73

ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ «ДОМА ЛЬВА ТОЛСТОГО» В МОСКВЕ

В целях сохранения дома, где жил и работал Л. Н. Толстой, Совет Народных Комиссаров постановил:

«Дом Льва Толстого», № 21 по Хамовническому пер., в Москве с прилегающим участком земли, постройками и всем инвентарем

объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного комиссариата по просвещению.

6 апреля 1920 г.

Декреты Советской власти. М., 1976, т. VIII, с. 13

ДЕКРЕТ ОБ ОБРАЩЕНИИ В МУЗЕЙ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКОЙ ЛАВРЫ

1. Все находящиеся в пределах Лавры историко-художественные здания и ценности обращаются в музей, находящийся в ведении Народного комиссариата просвещения.

2. Отдел по делам музеев и охраны памятников старины и искусства вырабатывает инструкции и вводит в действие положение об управлении зданиями и ценностями, имеющими художественно-историческое значение, для использования в целях демократизации художественно-исторических зданий, путем превращения этих зданий и коллекций в музей.

3. Жилые помещения, хозяйственные постройки, инвентарь, находящиеся в пределах старых и новых стен Лавры и не имеющие художественного или исторического значения, а также хотя и имеющие художественно-историческое значение, но использование которых в хозяйственном или культурно-просветительном отношении не может нанести ущерба первому их назначению, передаются в ведение местного Исполнительного комитета для рациональной утилизации в интересах города и района, преимущественно в целях социального обеспечения и народного просвещения.

Примечание. Всякая перестройка или ремонт зданий, имеющих историческое и художественное значение, производится с ведома Народного комиссариата просвещения.

4. Для передачи художественно-исторических зданий и ценностей в ведение Народного комиссариата просвещения составляется комиссия из представителей Народного комиссариата просвещения (два), Народного комиссариата юстиции (один) и губернского Исполнительного комитета (один), с правом вызова экспертов.

5. Поручить этой Комиссии в месячный срок выделить для передачи в ведение Народного комиссариата просвещения все ценные в художественном и археологическом отношении имущество

и здания, выработать правила по охране их и составить инвентарную опись всего ценного в художественном и археологическом отношении имущества, а также всего имущества Лавры вообще.

20 апреля 1920 г.

Декреты Советской власти. М., 1976, т. VIII, с. 56—57

ДЕКРЕТ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
О РАБОЧИХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Основной задачей рабочих факультетов является широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы.

2. Учебные планы, программы и метод преподавания на рабочих факультетах вырабатываются Народным комиссариатом просвещения по соглашению с Высшим советом народного хозяйства таким образом, чтобы познакомить слушателей с научным методом исследования и дать им достаточный запас знаний для успешной работы в одном из высших учебных заведений, подготовляющих необходимых Республике специалистов.

3. На рабочие факультеты принимаются рабочие и крестьяне от 16-ти лет, делегированные производственными союзами, фабрично-заводскими комитетами, партийными отделами работы в деревне, волостными, уездными и губернскими исполнительными комитетами, а также поступающие добровольно при условии представления рекомендаций от народных комиссариатов или их местных органов или от какой-либо из указанных выше организаций.

Примечание. Прием на рабочие факультеты производится по особой инструкции, вырабатываемой Народным комиссариатом просвещения.

4. Количество слушателей, ежегодно подлежащих приему на рабочие факультеты Республики, определяется Народным комиссариатом просвещения по соглашению с Народным комиссариатом труда и Высшим советом народного хозяйства.

5. Все производственные союзы по соглашению с хозяйствующими органами и Главным комитетом по всеобщей трудовой повинности ежегодно делегируют на рабочие факультеты определенное количество слушателей из состава своих членов с полным освобождением делегированных от работы в производстве на все время пребывания их на рабочем факультете.

6. Принятые слушатели несут учебную повинность со строжайшим контролем над занятиями на основании особых правил,

устанавливаемых Народным комиссариатом просвещения по соглашению с Главным комитетом по всеобщей трудовой повинности.

17 сентября 1920 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 80, 27 сентября 1920 г., с. 399—400

ДЕКРЕТ ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ МУЗЕЯ ИМЕНИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО В САРАТОВЕ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ И ПЕРЕДАЧЕ ЕГО В ВЕДЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Совет Народных Комиссаров постановил: находящийся в Саратове музей имени Чернышевского объявляется национальным достоянием и передается в ведение Народного комиссариата просвещения.

Одновременно с этим до конца текущего года сверхсметно ассигнуется последнему на предмет оборудования охраны этого музея один миллион рублей (1 000 000 р.) с тем, чтобы в дальнейшем музей содержался по нормальной смете Народного коммиссариата просвещения.

17 сентября 1920 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 80, 27 сентября 1920 г., с. 401

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК О НАЗНАЧЕНИИ ПЕНСИИ М. Н. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ И О РЕМОНТЕ МУЗЕЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В САРАТОВЕ

Совет Народных Комиссаров от 25 октября 1920 г. постановил:

1. Назначить сыну Николая Гавриловича Чернышевского Михаилу Николаевичу Чернышевскому пожизненную пенсию в размере 20 000 р. в месяц и три продовольственных пайка в размере красноармейских тыловых.

2. Предложить Саратовскому губисполкому произвести срочный ремонт дома Чернышевского, в коем помещается музей имени Н. Г. Чернышевского и квартира его сына, М. Н. Чернышевского, и принять меры к охране его и поддержанию в полной исправности.

Ленинский сборник XXXVI, с. 136—137

ИЗ ДЕКРЕТА
О ГЛАВНОМ ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМ КОМИТЕТЕ РЕСПУБЛИКИ (ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ)

1. Для объединения всей политико-просветительной, агитационно-просветительной работы Республики и сосредоточения ее на обслуживании политического и экономического строительства страны при Народном комиссариате по просвещению учреждается Главный Политико-Просветительный Комитет Республики (Главполитпросвет).

2. В соответствии с этой задачей Главполитпросвет в первую очередь организационно объединяет политико-просветительную работу Народного комиссариата просвещения, Политического Управления Революционного Военного Совета Республики (Пура), Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Главного Политического Управления железных дорог (Главполитпути), Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и Центрального Комитета Союза Молодежи (ЦКСМ).

Примечание. Объединение политико-просветительной работы Народного комиссариата просвещения с Главполитпутем, ВЦСПС и ЦКСМ происходит на основании существующих соглашений между ними и Народным комиссариатом просвещения.

3. Все прочие учреждения, ведущие постоянную или временную политико-просветительную работу, ведут ее под руководством и фактическим контролем Главполитпросвета.

4. Политико-просветительные организации объединяются на следующих основаниях:

I. Целиком входят в состав аппарата Главполитпросвета и во всей своей работе непосредственно ему подчиняются:

а) Политико-просветительный Отдел Народного комиссариата просвещения, Центральное управление агитационных пунктов (Центрагит), Российское телеграфное агентство (Роста), университет имени Свердлова, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по ликвидации безграмотности.

б) Все агитационно-инструкторские поезда, пароходы и другие средства подвижной агитации, в том числе и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

II. На основании и в пределах существующих соглашений в круг ведения Главполитпросвета входят:

а) Политико-просветительные организации ЦКСМ.

б) Главполитпуть.

в) Культурно-просветительные отделы ВЦСПС и отдельных профессиональных союзов.

III. Сохраняют свою административную обособленность, выполняют задания Главполитпросвета по его плану и являются подотчетными ему в выполнении этих заданий и им руководимыми в части их политико-просветительной и научно-художественной популяризаторской работы:

а) Театральный отдел (Тео), Отдел изобразительных искусств (Изо), Музыкальный отдел (Музо), Литературный отдел (Лито), Фотокинематографический отдел (Фото-Кино), Отдел музея по охране памятников искусства и старины (Главмузей).

б) Отдел пролетарской культуры (Пролеткульт).

в) Государственное издательство, Центральная распределительная комиссия (ЦРК), Центральный отдел распространения государственного издательства (Центропечать)...

12 ноября 1920 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 91, 30 ноября 1920 г., с. 479—480

ДЕКРЕТ О РЕОРГАНИЗАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РСФСР

Ввиду крайней устарелости учебных планов, программ и методов преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР, а также современной неприспособленности этого преподавания к основным потребностям советского строительства, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Образовать при Народном комиссариате по просвещению Комиссию (в составе тт. Боголепова, Бухарина, Быстрянского, Волгина, Гойхбарга, Ларина, Лукина, Мархлевского, Покровского, Радека, Ротштейна, Скворцова и Фриче) для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах Республики.

2) Обязать научный сектор Народного комиссариата просвещения предоставить в распоряжение Комиссии все необходимые материалы (учебные планы, программы, конспекты, руководства и т. д.), а также списки лиц, коим доверено в настоящее время преподавание общественных наук в высшей школе.

3) Поручить названной в п. 1 Комиссии войти в сношения с заграничными учеными-марксистами, заказав им ряд руководств для высшей школы по общественным наукам.

4) Комиссии вменяется в обязанность не позднее 15 января 1921 г. представить через Государственный ученый совет при

Народном комиссариате просвещения на утверждение Совета Народных Комиссаров:

1. Новые учебные планы факультетов и отделений, посвященных преподаванию общественных наук, а равно детально разработанные программы основных теоретических курсов по соответствующим дисциплинам.

2. Списки лиц, коим может быть поручено преподавание общественных наук по новым планам и программам.

5) Комиссия своего аппарата не имеет, пользуясь таковым научного сектора Народного комиссариата просвещения.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 93, 11 декабря 1920 г., с. 497

ДЕКРЕТ
О МОСКОВСКИХ ВЫСШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Московские Высшие государственные художественно-технические мастерские есть специальное художественное высшее технически-промышленное учебное заведение, имеющее целью подготовить художников-мастеров высшей квалификации для промышленности, а также инструкторов и руководителей для профессионально-технического образования.

2. Срок прохождения полного курса в мастерских определяется в четыре года, из коих один на подготовительном курсе и три на специальном факультете.

3. На подготовительный курс при мастерских в первую очередь принимаются рабочие, причем никакой специальной подготовки для поступления на этот курс от них не требуется.

Примечание. На всех курсах обязательно преподавание политической грамоты и основ коммунистического мировоззрения.

4. Принятые студенты считаются выполняющими учебную повинность под контролем над занятиями на основании особых правил, которые должны быть установлены Главным Комитетом по всеобщей трудовой повинности совместно с Народным комиссариатом по просвещению в двухнедельный срок и внесены на утверждение Совета Народных Комиссаров.

5. В отношении снабжения преподаватели, служащие и слушатели — студенты Московских Высших государственных художественно-технических мастерских приравниваются к высшим техническим учебным заведениям, причем норма устанавливается Комиссией по снабжению рабочих.

Примечание. За прогульные дни студенты, помимо других мер, лишаются пайка.

6. Всем бывшим учащимся I и II Государственных свободно-художественных мастерских, выполнившим в свое время часть курса (имеющим зачеты), предоставляется право поступить в Высшие государственные художественно-технические мастерские, где они зачисляются на соответствующий их познаниям курс.

7. Бывшие студенты, желающие воспользоваться этим правом, должны быть откомандированы из всех учреждений, где они в настоящее время работают, по справке Отдела изобразительных искусств о возможности их зачисления в мастерские.

8. Из военных частей и учреждений откомандировываются бывшие студенты, если они состояли на втором или старшем курсе или имеют не менее четырех зачетов.

Примечание. Откомандированию не подлежат: 1) лица командного состава, 2) лица, занимающие ответственные административно-хозяйственные должности и 3) все находящиеся в частях, управлениях, учреждениях и заведениях, подведомственных полевому командованию.

9. Подлежащие откомандированию снабжаются от своих учреждений удостоверениями о срочном проезде до Москвы.

10. Вновь поступившие в число студентов по удостоверениям мастерских откомандировываются из предприятий и учреждений по соглашению администрации с Отделом изобразительных искусств.

11. Студенты призывных возрастов считаются военнообязанными, откомандированными для выполнения учебной повинности. Лица, получившие откомандирование в порядке п. 9 и не явившиеся в учебное заведение, считаются дезертирами и подлежат ответственности по законам военного времени.

12. Учет и распределение окончивших курс Московских Высших государственных художественно-технических мастерских принадлежит Главному Комитету по всеобщей трудовой повинности по соглашению с Народным комиссариатом по просвещению и Высшим советом народного хозяйства.

13. Студенты не могут занимать оплачиваемых должностей ни в каких учреждениях, кроме своих мастерских. Отдельные работы могут принимать лишь с разрешения Совета мастерских.

29 ноября 1920 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 98, 19 декабря 1920 г., с. 540 - 541

ДЕКРЕТ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ИНСТИТУТОВ ПО ПОДГОТОВКЕ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

1. Учредить в Москве и Петрограде институты по подготовке красной профессуры для преподавания в высших школах Республики теоретической экономии, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства.

2. Установить число работающих в институтах красной профессуры для Москвы в 200 и для Петрограда 100.

3. Поручить Народному комиссариату по просвещению приступить в срочном порядке к организации указанных институтов.

4. Обязать все советские учреждения оказывать всемерное содействие Народному комиссариату по просвещению в деле скорейшей организации указанных институтов.

11 февраля 1921 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 12, 21 февраля 1921 г., с. 83

ДЕКРЕТ О ПЛАНЕ ОРГАНИЗАЦИИ ФАКУЛЬТЕТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

1. Факультеты общественных наук имеют своей задачей создание кадров научно подготовленных практических работников социалистического строительства.

2. В нормальный состав факультетов общественных наук российских университетов входят отделения:

экономическое с циклом: организации промышленности, снабжения и финансово-административным;

правовое с циклом: судебным и административным;

общественно-педагогическое с циклом: школьным и внешкольным.

3. В Московском университете в составе факультета общественных наук кроме отделений, указанных в предыдущем пункте, учреждаются также отделения:

статистическое, внешних сношений, художественно-литературное.

Примечание. Прочие университеты, кроме Московского, могут организовывать перечисленные в настоящем пункте отделения лишь по особому разрешению Народного комиссариата просвещения по представлении данных о наличии достаточных преподавательских сил.

4. Исторические и филологические отделения факультетов общественных наук при российских университетах с 1-го мая 1921 г. упраздняются.

Примечание. Народному комиссариату просвещения вменяется в обязанность к этому сроку разработать план подготовки преподавателей русского, новых и местных и восточных языков.

5. Учебные планы факультетов общественных наук разрабатываются и утверждаются Народным комиссариатом просвещения.

6. Для разработки различных отраслей общественных наук и для подготовки высококвалифицированных научных работников по этим наукам Народному комиссариату просвещения поручается учредить научные институты по основным отраслям общественного знания.

7. Народному комиссариату просвещения поручается в 3-месячный срок разработать положение об указанных в предыдущей статье научных институтах, а также планы научно-учебной и исследовательской работы.

4 марта 1921 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 19, 20 марта 1921 г., с. 111

ДЕКРЕТ О БЕСПЛАТНОМ СНАБЖЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КИНОКАРТИНАМИ

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Отменить с 1 января 1921 года плату за прокат кинокартин и установить бесплатное снабжение местных фото-киносекций и всех прочих государственных учреждений кинокартинами через Фото-кино отдел Народного комиссариата просвещения.

2. Суммы, уплаченные за прокат кинокартин до издания настоящего постановления, возврату не подлежат.

3. Недоимки, числящиеся за государственными учреждениями за прокат кинокартин до 1 января 1921 года, подлежат сложению.

20 мая 1921 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 48, 15 августа 1921 г., с. 339

ДЕКРЕТ ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ПРИРОДЫ, САДОВ И ПАРКОВ

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Участки природы и отдельные произведения (животные, растения, горные породы и т. д.), представляющие особую научную и культурно-историческую ценность, нуждающиеся в охране,

могут быть объявляемы Народным комиссариатом просвещения по соглашению в каждом отдельном случае с заинтересованными ведомствами и учреждениями неприкосновенными памятниками природы.

2. Более значительные по площади участки природы, замечательные своими памятниками, объявляются заповедниками и национальными парками. Сады и парки историко-художественного значения, созданные по заданиям художественного паркового искусства или связанные с архитектурными сооружениями, представляющими с ними одно художественное целое, могут быть объявляемы Народным комиссариатом просвещения, по соглашению с заинтересованными ведомствами, неприкосновенными памятниками садово-парковой культуры музейно-академического значения.

Примечание 1. Вспомогательные учреждения, как-то: оранжереи, парники, питомники, опытные станции и проч., принадлежащие садам и паркам, считаются их неотъемлемой составной частью и сохраняются за ними.

Примечание 2. Предоставление означенных садов и парков для общего пользования происходит на основании особых инструкций, вырабатываемых Народным комиссариатом просвещения по соглашению с заинтересованными губернскими исполнительными комитетами, за исключением тех, кои предназначены для благоустройства городов. Использование указанных вспомогательных учреждений производится по соглашению с соответствующими органами Народного комиссариата просвещения.

3. Земли под заповедниками и национальными парками не могут быть обращаемы под обработку или разработку естественных богатств без разрешения Народного комиссариата просвещения, а равно на площади заповедников и национальных парков охота и ловля зверей и птиц, собирание яиц и гнезд и ловля рыбы не допускаются без такового же разрешения.

Примечание. Выработка для каждого из них особого положения по вопросам хозяйственного использования и управления производится Народным комиссариатом просвещения по соглашению в каждом отдельном случае с местными губернскими исполнительными комитетами и заинтересованными ведомствами.

4. Неприкосновенные памятники природы и памятники садово-парковой культуры музейно-академического значения находятся в ведении Народного комиссариата просвещения по Отделу по делам музеев и охране памятников искусств и старины.

16 сентября 1921 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 65, 9 ноября 1921 г., с. 601

3. ВЫСКАЗЫВАНИЯ В. И. ЛЕНИНА ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Н. К. Крупская

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

Владимир Ильич очень ценил Алексея Максимовича Горького как писателя. Особенно нравились ему «Мать», статьи в «Новой Жизни» о мещанстве,— сам Владимир Ильич ненавидел всякое мещанство,— нравилось «На дне», нравились песни о Соколе и Буревестнике, их настрой, любил он такие вещи Горького, как «Страсти-мордасти», как «Двадцать шесть и одна».

Помню, как загорелся Ильич как-то желанием пойти в Художественный театр смотреть «На дне», помню, как слушал он «Мои университеты» в последние дни своей жизни.

Горький писал больше всего о рабочих, о городской бедноте, о «дне», о тех слоях, которые больше всего интересовали Ильича, описывал жизнь так, как она есть, во всей ее конкретности, видел ее глазами человека, ненавидящего гнет, эксплуатацию, пошлость, нищету мысли,— глазами революционера. И то, что писал Горький, было близко и понятно Ильичу...

В письме ко мне (от 1930 г.) А. М. писал: «...беседуя со мной на Капри о литературе тех лет, он замечательно метко характеризовал писателей моего поколения, беспощадно и легко обнажал их сущность».

Ильич хорошо знал русскую литературу — она была для него орудием познания жизни. И чем полнее, всесторонне, глубже отражали художественные произведения жизнь, чем проще они были, тем больше ценил их Ильич.

Владимир Ильич близко познакомился с Горьким в 1907 г. на Лондонском партийном съезде, понаблюдал там его, поговорил с ним и как-то душевно сблизился с ним. Интересны письма Ильича к Горькому за время второй эмиграции. Образ Ильича как человека особо ярко выступает в этих письмах. Ильич пишет Горькому с резкой прямотой о том, с чем он не согласен, что его волнует, заботит. Ильич обычно так писал товарищам, но в письмах к Горькому есть особый оттенок. Пишет он часто очень резко, но в этой резкости много какой-то особой мягкости. Письма пишутся всегда под непосредственным впечатлением какого-нибудь факта, в них много эмоциональности — ярко отражена тревога; тяжесть некоторых переживаний, радость, надежды. Ильичу

казалось, что Горький очень хорошо все это поймет. И всегда хотелось также Ильичу убедить Горького в правильности своих взглядов, он горячо защищал их.

В письмах Ленина к Горькому видна забота Ильича о нем. Все знают, как внимательно относился Ильич к людям, умел заботиться о них. И Алексей Максимович сам неоднократно писал об этом. Отмечали это все.

Заботило Ильича здоровье Алексея Максимовича. Он постоянно спрашивал о нем, давал советы лечиться непременно у первоклассных врачей, соблюдать режим («прижим», как говорил в шутку Ильич), не работать по ночам.

В эмиграции Ильич очень тяготился тем, что приходится мало видеть рабочих... Горький на Капри еще меньше имел случаев общения с русскими рабочими, и Ильич ясно себе представлял, как это ему тяжело. Он стал его звать в Поронин.

«Если здоровье позволит, махните-ка не надолго, право! После Лондона и школы на Капри повидали бы еще рабочих».

У меня сохранилось одно письмо Ильича от июня 1919 г. Я ездила тогда на агитационном пароходе «Красная Звезда», писала Ильичу о первых своих впечатлениях, и Ильичу пришло в голову, что хорошо бы и Горького пустить так поездить. «Я запросил телеграммой,— писал он,— нельзя ли на «Красной Звезде» дать каюту для Горького. Он приедет сюда завтра, и я очень хотел бы вытащить его из Питера, где он изнервничался. Надеюсь, ты и другие товарищи будете рады ехать с Горьким. Он парень очень милый».

Комсомольская правда, 1932 г., 25 сентября

М. Горький

В. И. ЛЕНИН

...Этот лысый, картавый, плотный, крепкий человек, потирая одною рукой сократовский лоб, дергая другою мою руку, ласково поблескивая удивительно живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги «Мать», оказалось, что он прочитал ее в рукописи, взятой у И. П. Ладыжникова. Я сказал, что торопился написать книгу, но — не успел объяснить, почему торопился,— Ленин, утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя.

«Очень своевременная книга». Это был единственный, но крайне ценный для меня его комплимент. Затем он деловито осведо-

мился, переводится ли «Мать» на иностранные языки, насколько испортила книгу русская и американская цензура, а узнав, что автора решено привлечь к суду, сначала — поморщился, а затем, вскинув голову, закрыв глаза, засмеялся каким-то необыкновенным смехом...

* * *

...В Лондоне выдался свободный вечер, пошли небольшой компанией в «мюзик-холл» — демократический театрик. Владимир Ильич охотно и заразительно смеялся, глядя на клоунов, эксцентриков, равнодушно смотрел на все остальное и особенно внимательно на рубку леса рабочими Британской Колумбии. Маленькая сцена изображала лесной лагерь, перед нею, на земле, двое здоровых молодцов перерубали в течение минуты ствол дерева, объемом около метра.

— Ну, это, конечно, для публики, на самом деле они не могут работать с такой быстротой,— сказал Ильич.— Но ясно, что они и там работают топорами, превращая массу дерева в негодные щепки. Вот вам и культурные англичане!

Он заговорил об анархии производства при капиталистическом строе, о громадном проценте сырья, которое расходуется бесплодно, и кончил сожалением, что до сей поры никто не догадался написать книгу на эту тему. Для меня было что-то неясное в этой мысли, но спросить Владимира Ильича я не успел, он уже интересно говорил об «эксцентризме» как особой форме театрального искусства.

— Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немножко исказить, показать алогизм обычного. Замысловато, а — интересно!

Года через два, на Капри, беседуя с А. А. Богдановым-Малиновским об утопическом романе, он сказал ему:

— Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!

* * *

Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный.

Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу.

...В. А. Десницкий-Строев сообщил мне, что однажды он ехал с Лениным по Швеции, в вагоне, и рассматривал немецкую монографию о Дюрере.

Немцы, соседи по купе, его спросили, что это за книга. В дальнейшем оказалось, что они ничего не слышали о своем великом художнике. Это вызвало почти восторг у Ленина, и дважды, с гордостью, он сказал Десницкому:

— Они своих не знают, а мы знаем.

Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исая Добровейн, сказал:

— Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм,— должность адски трудная!

* * *

Его отношение ко мне было отношением строгого учителя и доброго «заботливого друга».

— Загадочный вы человек,— сказал он мне шутливо,— в литературе как будто хороший реалист, а в отношении к людям — романтик. У вас все — жертвы истории? Мы знаем историю, и мы говорим жертвам: опрокидывайте жертвенники, ломайте храмы, долой богов! А вам хочется убедить меня, что боевая партия рабочего класса обязана прежде всего удобно устроить интеллигентов.

Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что беседовать со мною Владимиру Ильичу было приятно. Он почти всегда предлагал:

— Приедете — позвоните, повидаемся.

А однажды сказал:

— Потолковать с вами всегда любопытно, у вас разнообразнее и шире круг впечатлений.

Расспрашивал о настроении интеллигенции, особенно внимательно об ученых,— я в то время работал с А. Б. Халатовым в «Комиссии по улучшению быта ученых». Интересовался пролетарской литературой:

— Чего вы ждете от нее?

Я говорил, что жду много, но считаю совершенно необходимым организацию литвуза с кафедрами по языкознанию, иностранным языкам — Запада и Востока,— по фольклору, по истории всемирной литературы, отдельно — русской.

— Гм-гм,— говорил он, прищуриваясь и похохатывая.— Широко и ослепительно! Что широко — я не против, а вот — ослепительно будет, а? Своих-то профессоров у нас нет по этой части, а буржуазные такую историю покажут... Нет, сейчас нам этого не поднять. Годика три, пяток подождать надо.

И жаловался:

— Читать — совершенно нет времени!

Усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но говорил:

— Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди.

К Маяковскому относился недоверчиво и даже раздраженно:

— Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по-моему,— не то и мало понятно. Рассыпано все, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим! А вы не находите, что стихов пишут очень много? И в журналах целые страницы стихов, и сборники выходят почти каждый день.

Я сказал, что тяготение молодежи к песне — естественно в такие дни и что — на мой взгляд — посредственные стихи легче писать, чем хорошую прозу, и времени требуют стихи — меньше; к тому же у нас очень много хороших учителей по технике стихосложения.

— Ну, что стихи легче прозы — я не верю! Не могу представить. С меня хоть кожу сдерите — двух строчек не напишу,— сказал он и нахмурился.— В массу надобно двинуть всю старую революционную литературу, сколько ее есть у нас и в Европе.

М. Горький. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1952, т. 17, с. 7, 16—17, 38—40, 44—45

К. Цеткин

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

...Ленин застал нас — трех женщин — беседующими по вопросам искусства, просвещения и воспитания. Я как раз в этот момент высказывала свое восторженное удивление перед единственной, в своем роде титанической, культурной работой большевиков, перед расцветом в стране творческих сил, стремящихся проложить новые пути искусству и воспитанию. При этом я не скрывала своего впечатления, что довольно часто приходится наблюдать много неуверенности и неясных нащупываний, пробных шагов и что наряду со страстными поисками нового содержания, новых форм, новых путей в области культурной жизни имеют иногда место и искусственное «модничанье» и подражание западным образцам. Ленин тотчас же очень живо вмешался в разговор.

— Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру,— сказал он,— это — хорошо, очень хорошо. Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня «осанну» по отношению к определенным течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие «распни его»,— все это неизбежно.

— Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник, всякий, кто себя таковым считает, имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего.

— Но, понятно, мы — коммунисты. Мы не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты. Мы еще далеки от этого, очень далеки. Мне кажется, что и мы имеем наших докторов Карлштадтов. Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи». Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое».

Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости.

Я не могла удержаться и созналась, что и мне не хватает органа восприятия, чтобы понять, почему художественным выражением вдохновенной души должны служить треугольники вместо носа и почему революционное стремление к активности должно превратить тело человека, в котором органы связаны в одно сложное целое, в какой-то мягкий бесформенный мешок, поставленный на двух ходулях, с двумя вилками по пяти зубцов в каждой.

Ленин от души расхохотался.

— Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы — оба старые. Для нас достаточно, что мы, по крайней мере, в революции остаемся молодыми и находимся в первых рядах. За новым искусством нам не угнаться, мы будем ковылять позади.

— Но,— продолжал Ленин,— важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры.

— Для того чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень. Как у нас обстоит дело в этом отношении? Вы восторгаетесь по поводу того колоссального куль-

турного дела, которое мы совершили со времени прихода своего к власти. Конечно, без хвастовства, мы можем сказать, что в этом отношении нами многое, очень многое сделано. Мы не только «снимали головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине — Каутский, но мы также просвещали головы; мы много голов просветили. Однако «много» только по сравнению с прошедшим, по сравнению с грехами господствовавших тогда классов и клик. Необъятно велика разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень. А, между тем, мы народ нищий, совершенно нищий. Конечно, мы ведем настоящую упорную войну с безграмотностью. Устраиваем библиотеки, «избы-читальни» в крупных и малых городах и селах. Организуем самые разнообразные курсы. Устраиваем хорошие спектакли и концерты, рассылаем по всей стране «передвижные выставки» и «просветительные поезда». Но я повторяю: что это может дать тому многомиллионному населению, которому недостает самого элементарного знания, самой примитивной культуры? В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек, а завтра еще новых десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре,— миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать свое имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и колдуны совместно с «отцом небесным».

«Товарищ Ленин, не следует так горько жаловаться на безграмотность,— заметила я.— В некотором отношении она вам облегчила дело революции. Она предохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями и захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву. Легче сеять и пожинать там, где не приходится предварительно выкорчевывать целый первобытный лес».

— Да, это верно,— возразил Ленин.— Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определенного периода нашей борьбы. Безграмотность уживалась с борьбой за власть, с необходимостью разрушить старый государственный аппарат. Но разве мы разрушаем единственно ради разрушения? Мы разрушаем для того, чтобы воссоздать нечто лучшее. Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восстановления. Последнее ведь, согласно Марксу, должно быть делом самих рабочих и, прибавлю, крестьян, если они хотят добиться сво-

боды. Наш советский строй облегчает эту задачу. Благодаря ему в настоящее время тысячи трудящихся из народа учатся в различных советах и советских органах работать над делом восстановления. Это — мужчины и женщины «в расцвете сил», как у вас принято говорить. Большинство из них выросло при старом режиме и, следовательно, не получило образования и не приобщилось к культуре, но теперь они страстно стремятся к знанию. Мы самым решительным образом ставим себе целью привлекать к советской работе все новые пласты мужчин и женщин и дать им известное практическое и теоретическое образование. Однако, несмотря на это, мы не можем удовлетворить всю потребность нашу в творческих руководящих силах. Мы вынуждены привлекать бюрократов старого стиля, и в результате у нас образовался бюрократизм. Я его от души ненавижу, не имея, конечно, при этом в виду того или иного отдельного бюрократа. Последний может быть дельным человеком. Но я ненавижу систему. Она парализует и вносит разврат как внизу, так и наверху. Решающим фактором для преодоления и искоренения бюрократизма служит самое широкое образование и воспитание народа.

— Каковы же наши перспективы на будущее? Мы создали великолепные учреждения и провели действительно хорошие мероприятия с той целью, чтобы пролетарская и крестьянская молодежь могла учиться, штудировать и усваивать культуру. Но и тут встает перед нами тот же мучительный вопрос: что значит все это для такого большого населения, как наше? Еще хуже того: у нас далеко нет достаточного количества детских садов, приютов и начальных школ. Миллионы детей подрастают без воспитания и образования. Они остаются такими же невежественными и некультурными, как их отцы и деды. Сколько талантов гибнет из-за этого, сколько стремлений к свету подавлено! Это ужасное преступление с точки зрения счастья подрастающего поколения, равносильное расхищению богатств Советского государства, которое должно превратиться в коммунистическое общество. В этом кроется грозная опасность.

В голосе Ленина, обычно столь спокойном, звучало сдержанное негодование.

«Как близко задевает его сердце этот вопрос,— подумала я,— раз он перед нами тремя произносит агитационную речь». Кто-то из нас,— я не помню, кто именно,— заговорил по поводу некоторых, особенно бросающихся в глаза явлений из области искусства и культуры, объясняя их происхождение «условиями момента». Ленин на это возразил:

— Знаю хорошо! Многие искренне убеждены в том, что panem et circenses («хлебом и зрелищами») можно преодолеть трудности

и опасности теперешнего периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ,— пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне нисколько не напоминают римского люмпен-пролетариата. Они не содержатся на счет государства, а содержат сами трудом своим государство. Они «делали» революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры,— конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию. На этом пути нашим «интеллигентам» предстоит разрешить благородные задачи огромной важности. Поняв и разрешив эти задачи, они покрыли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери, ведущие их на простор из тех низменных жизненных условий, которые так мастерски характеризованы в «Коммунистическом манифесте».

В эту ночь — был уже поздний час — мы коснулись еще и других тем. Но впечатления об этом бледнеют по сравнению с замечаниями, сделанными Лениным по вопросам искусства, культуры, народного образования и воспитания...

К. Цеткин. Воспоминания о Ленине. М., Госполитиздат, 1955, с. 12—17

А. В. Луначарский

ЛЕНИН И ИСКУССТВО

У Ленина было очень мало времени в течение его жизни сколько-нибудь пристально заняться искусством, и так как ему всегда был чужд и ненавистен дилетантизм, то он не любил высказываться об искусстве. Тем не менее вкусы его были очень определенны. Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в театре, в живописи и т. д.

Еще в 1905 г. во время первой революции ему пришлось раз ночевать в квартире т. Д. И. Лещенко, где, между прочим, была целая коллекция кнакфуссовских изданий, посвященных крупнейшим художникам мира. На другое утро Владимир Ильич сказал мне: «Какая увлекательная область история искусства. Сколь-

ко здесь работы для марксиста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством».

...Несколько раз приходилось мне встречаться с ним уже после революции на почве разных художественных жюри. Так, например, помню, он вызвал меня, и мы вместе с ним поехали на выставку проектов памятников на предмет замены фигуры Александра III, свергнутой с роскошного постамента около храма Христа-спасителя. Владимир Ильич очень критически осматривал все эти памятники. Ни один из них ему не понравился. С особым удивлением стоял он перед памятником футуристического пошиба, но когда спросили его об его мнении, он сказал: «Я тут ничего не понимаю, спросите Луначарского». На мое заявление, что я не вижу ни одного достойного памятника, он очень обрадовался и сказал мне: «А я думал, что вы поставите какое-нибудь футуристическое чучело».

Другой раз дело шло о памятнике Карлу Марксу. Известный скульптор М. проявил особую настойчивость. Он выставил большой проект памятника: «Карл Маркс, стоящий на четырех слонах». Такой неожиданный мотив показался нам всем странным и Владимиру Ильичу также. Художник стал переделывать свой памятник и переделывал его раза три, ни за что не желая отказаться от победы на конкурсе. Когда жюри под моим председательством окончательно отвергло его проект и остановилось на коллективном проекте группы художников под руководством Алешина, то скульптор М. обратился к Владимиру Ильичу с жалобой. Владимир Ильич принял к сердцу его жалобу и звонил мне специально, чтобы было созвано новое жюри. Сказал, что сам приедет смотреть алешинский проект и проект скульптора М. Приехал. Остался алешинским проектом очень доволен, проект скульптора М. отклонил.

В этом же самом году на празднике 1 Мая в том самом месте, где предполагалось воздвигнуть памятник Марксу, алешинская группа построила в небольшом масштабе модель памятника. Владимир Ильич специально поехал туда. Несколько раз обошел памятник вокруг, спросил, какой он будет величины, и, в конце концов, одобрил его, сказав, однако: «Анатолий Васильевич, особенно скажите художнику, чтобы волосы вышли похожими, чтобы было то впечатление от Карла Маркса, какое получается от хороших его портретов, а то как будто сходства мало».

Еще в 1918 г. Владимир Ильич позвал меня и заявил мне, что надо двинуть вперед искусство как агитационное средство. При этом он изложил два проекта. Во-первых, по его мнению, надо было украсить здания, заборы и т. п. места, где обыкновенно

бывают афиши, большими революционными надписями. Некоторые из них он сейчас же предложил.

Второй проект относился к постановке памятников великим революционерам в чрезвычайно широком масштабе, памятников временных из гипса, как в Петрограде, так и в Москве. Оба города живо откликнулись на предложение осуществить идею Владимира Ильича, причем предполагалось, что каждый памятник будет торжественно открываться речью о данном революционере и что под ним будут сделаны разъясняющие надписи. Владимир Ильич называл это «монументальной пропагандой».

В Петрограде эта «монументальная пропаганда» была довольно удачной. Первым таким памятником был Радищев — Шервуда. Копию его поставили в Москве. К сожалению, памятник в Петрограде разбился и не был возобновлен. Вообще большинство хороших петроградских памятников по самой хрупкости материала не могли удержаться, а я помню очень неплохие памятники, например, бюсты Гарибальди, Шевченко, Добролюбова, Герцена и некоторые другие. Хуже выходили памятники с левым уклоном; так, например, когда открыта была кубически стилизованная голова Перовской, то некоторые прямо шарахнулись в сторону. Так же точно, помнится, памятник Чернышевскому многим показался чрезвычайно вычурным. Лучше всех был памятник Лассалю *. Этот памятник, поставленный у бывшей городской думы, остался и до сих пор. Кажется, его отлили из бронзы. Чрезвычайно удачен был также памятник Карлу Марксу во весь рост, сделанный скульптором Матвеевым. К сожалению, он разбился и сейчас заменен в том же месте, т. е. около Смольного, бронзовой головой Маркса более или менее обычного типа, без оригинальной пластической трактовки Матвеева.

В Москве, где памятники как раз мог видеть Владимир Ильич, они были неудачны.

Вообще удовлетворительных памятников в Москве было мало. Лучше других, пожалуй, памятник поэту Никитину. Я не знаю, смотрел ли их подробно Владимир Ильич, но, во всяком случае, он как-то с неудовольствием сказал мне, что из монументальной пропаганды ничего не вышло. Я ответил ссылкой на петроградский опыт, Владимир Ильич с сомнением покачал головой и сказал: «Что же, в Петрограде собрались все таланты, а в Москве бездарности?» Объяснить ему такое странное явление я не мог.

С некоторым сомнением относился он и к мемориальной доске Коненкова. Она казалась ему не особенно убедительной. Сам Коненков, между прочим, не без остроумия называл это свое произведение «мнимореальной доской».

* Памятник Лассалю художника Залита. *А. Л.*

Помню я также, как художник Альтман подарил Владимиру Ильичу барельеф, изображающий Халтурина. Владимиру Ильичу барельеф очень понравился, но он спросил меня, не футуристическое ли это произведение? К футуризму он вообще относился отрицательно. Я не присутствовал при разговоре его в Вхутемасе, в общежитие которого он как-то заезжал с Надеждой Константиновной. Мне потом передавали о большом разговоре между ним и вхутемасовцами, конечно, сплошь «левыми». Владимир Ильич отшучивался от них, насмехался немножко, но и тут заявил, что серьезно говорить о таких предметах не берется, ибо чувствует себя недостаточно компетентным. Самую молодежь нашел очень хорошей и радовался их коммунистическому настроению.

Владимиру Ильичу редко в течение последнего периода его жизни удавалось насладиться искусством. Он несколько раз бывал в театре, кажется, исключительно в Художественном, который очень высоко ставил. Спектакли в этом театре неизменно производили на него отличное впечатление.

Владимир Ильич сильно любил музыку. Одно время у меня в квартире устраивались хорошие концерты. Пел иногда Шаляпин, играли Мейчик, Романовский, квартет Страдивариуса, Кусевицкий и т. д. Я много раз звал Владимира Ильича, но он всегда был занят. Один раз прямо мне сказал: «Конечно, очень приятно слушать музыку, но, представьте, она меня расстраивает. Я ее как-то тяжело переношу». Помнится, т. Цюрупа, которому раза два удавалось залучить Владимира Ильича на домашний концерт того же пианиста Романовского, говорил мне также, что Владимир Ильич очень наслаждался музыкой, но был, по-видимому, взволнован.

Мне несколько раз приходилось доказывать Владимиру Ильичу, что Большой театр стоит нам сравнительно дешево, но все же, по его настоянию, ссуда ему была сокращена. Руководился Владимир Ильич двумя соображениями. Одно из них он сразу назвал: «Не годится,— говорил он,— содержать за большие деньги такой роскошный театр, когда у нас не хватает средств на содержание самых простых школ в деревне». Другое соображение было выдвинуто, когда я на одном из заседаний оспаривал его нападения на Большой театр. Я указывал на несомненное культурное значение его. Тогда Владимир Ильич лукаво прищурил глаза и сказал: «А все-таки это кусок чисто помещичьей культуры, и против этого никто спорить не сможет».

Из этого не следует, что Владимир Ильич к культуре прошлого был вообще враждебен. Специфически помещичьим казался ему весь придворно-помпезный тон оперы. Вообще же искусство

прошлого, в особенности русский реализм (в том числе и передвижников, например), Владимир Ильич высоко ценил.

Вот те фактические данные, которые я могу привести из моих воспоминаний о Владимире Ильиче. Повторяю, из своих эстетических симпатий и антипатий Владимир Ильич никогда не делал руководящих идей.

Товарищи, интересующиеся искусством, помнят обращение ЦК по вопросам об искусстве, довольно резко направленное против футуризма. Я не осведомлен об этом ближе, но думаю, что здесь была большая капля меду самого Владимира Ильича. В то время Владимир Ильич считал меня не то сторонником футуризма, не то человеком, исключительно ему потворствующим, потому, вероятно, и не советовался со мною перед изданием этого постановления ЦК, которое должно было, на его взгляд, выпрямить мою линию.

Расходился со мной довольно резко Владимир Ильич и по отношению к Пролеткульту. Один раз даже сильно побранил меня. Скажу прежде всего, что Владимир Ильич отнюдь не отрицал значение кружков рабочих для выработки писателей и художников из пролетарской среды, но он очень боялся поползновения Пролеткульта заняться выработкой «пролетарской науки» вообще, «пролетарской культуры» во всем объеме. Это, во-первых, казалось ему совершенно несвоевременной и непосильной задачей, во-вторых, он думал, что такими, естественно, скороспелыми выдумками рабочих отгородят от учебы, от восприятия элементов уже готовой науки и культуры, и, в-третьих, побаивался Владимир Ильич, не без основания, по-видимому, и того, чтобы в Пролеткульте не свил себе гнезда какой-нибудь политический уклон. Довольно недружелюбно относился он, например, к большой роли, которую в Пролеткульте играл в то время А. А. Богданов.

Владимир Ильич во время съезда Пролеткульта в октябре 1920 г. поручил мне поехать туда и определенно указать, что Пролеткульт должен находиться под руководством Наркомпроса и рассматривать себя как его учреждение и т. д. Словом, Владимир Ильич хотел, чтобы мы подтянули Пролеткульт к государству; в то же время им принимались меры, чтобы подтянуть его и к партии. Речь, которую я сказал на съезде, я средактировал довольно уклончиво и примирительно, Владимиру Ильичу передали эту речь в еще более мягкой редакции. Он позвал меня к себе и разнес. Позднее Пролеткульт был перестроен согласно указаниям Владимира Ильича.

Новые художественные и литературные формации, образовавшиеся во время революции, проходили большей частью мимо внимания Владимира Ильича. У него не было времени ими заняться.

Все же скажу — «Сто пятьдесят миллионов» Маяковского Владимиру Ильичу определенно не понравились. Он нашел эту книгу вычурной *. Нельзя не пожалеть, что о других, более поздних и более зрелых поворотах литературы к революции он уже не мог высказаться.

Всем известен огромный интерес, который проявлял Владимир Ильич к кинематографии.

А. В. Луначарский. Воспоминания о Ленине. М., Партиздат, 1933, с. 46—51

...Ленин сказал мне в личной беседе, когда я его просил — «Дайте мне денег для поддержки наших экспериментальных театров, ибо эти театры новые и революционные»,— «Пусть в течение голодного времени экспериментальные театры продержатся на известном энтузиазме. Совершенно необходимо приложить все усилия, чтобы не упали основные столпы нашей культуры, ибо этого нам пролетариат не простит». Ленин стоял на той точке зрения, что мы должны позаботиться в первую очередь о том, чтобы не распались музеи, которые хранят громаднейшие ценности, чтобы не изголодались и не сбежали за границу большие специалисты. Он считал, что если мы подождем с тем, чтобы поставить на первый план экспериментальную молодежь,— это будет меньшим грехом.

Сборник: Ленин о культуре и искусстве. М., Изогиз, 1938, с. 310

...Большая беседа моя с Ильичем о кино была вызвана острым интересом его к киноделу, который и сказался в его известном письме к т. Литкенсу, написанном им в январе. Приблизительно в середине февраля, а может быть и к концу его, Владимир Ильич предложил мне зайти к нему для разговора. Насколько помню, разговор касался нескольких текущих вопросов жизни Наркомпроса. Спрашивал он меня и о том, что сделано в исполнение его бумаги, посланной Литкенсу. В ответ я изложил довольно подробно все, что знал о состоянии кино в Советской республике и об огромных трудностях, какие встречает развитие этого дела. Я в особенности указывал на отсутствие средств у Наркомпроса для широкой постановки кинопроизводства, а также на отсутствие руководителей этого дела или, вернее сказать, руководителей-коммунистов, на которых можно было бы вполне положиться. В ответ на это Владимир Ильич сказал мне, что постарается сделать что-нибудь для увеличения средств фотокинодела, но что у него есть

* Зато небольшое стихотворение того же Маяковского о волоките очень насмешило Владимира Ильича, и некоторые строки он даже повторял. *А. Л.*

внутреннее убеждение в большой доходности этого дела, если оно только будет правильно поставлено. Он еще раз подчеркнул необходимость установления определенной пропорции между увлекательными кинокартинами и научными.

К несчастью, это еще и до сих пор слабо поставлено. Владимир Ильич сказал мне, что производство новых фильмов, проникнутых коммунистическими идеями, отражающими советскую действительность, надо начинать с хроники, что, по его мнению, время производства таких фильмов, может быть, еще не пришло.

— Если вы будете иметь хорошую хронику, серьезные и просветительные картины, то неважно, что для привлечения публики пойдет при этом какая-нибудь бесполезная лента, более или менее обычного типа. Конечно, цензура все-таки нужна. Ленты контрреволюционные и безнравственные не должны иметь место.

К этому Владимир Ильич прибавил:

— По мере того, как вы встанете на ноги благодаря правильному хозяйству, а может быть, и получите при общем улучшении положения страны известную ссуду на это дело, вы должны будете развернуть производство шире, а в особенности продвинуть здоровое кино в массы в городе, а еще более того в деревне.

Затем, улыбаясь, Владимир Ильич:

— Вы у нас слывете покровителем искусства, так вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино.

На этом, помнится, наша беседа прекратилась.

Партия о кино. М., Госкиноиздат, 1939, с. 31—32

А. В. Луначарский

ЛЕНИН О КУЛЬТУРЕ

Кому не известно, что Ленин придавал очень большое значение культурной революции? Он говорил об этом особенно часто уже после Октября. Говорил публично на съездах по различным отраслям народного образования; в своей знаменитой речи, обращенной к комсомолу; писал об этом в статьях, возвращаясь к теме о культурных задачах революции все вновь и вновь, и отдал этой теме много внимания в последних страницах, какие были написаны его рукой.

При этом Ленина интересовал далеко не только вопрос о формах социалистической культуры в годы, когда победа на политических и экономических фронтах будет одержана и новый быт, который Маркс называл «жизнью, достойной человека», и по от-

ношению к которому он считал всю историю человечества лишь подготовительным периодом, развернется во всем своем великолепии.

Отнюдь не отрицая «мечты», Ленин, однако, не любил позволять ей залетать слишком далеко вперед. Он иногда с улыбкой повторял, когда кто-либо задавал ему вопрос из отдаленного будущего: «Ну, знаете, люди тогда будут очень умные и прекрасно разрешат все эти вопросы, а мы с вами давайте-ка вернемся к тем, которых, кроме нас, разрешать некому».

Культура интересовала Ленина прежде всего не как венец побед политических и хозяйственных, хотя он прекрасно сознавал, что именно она, социалистическая культура, и социалистический быт нравственно осмысливают в глазах всякого борца и строителя те жертвы и усилия, которых так много требует история, прежде чем бесклассовое общество утвердится на земле.

Ленина интересовала прежде всего та культура, которая является необходимой предпосылкой для завоевания законченной социалистической культуры, для закрепления политических побед и для успешного строительства социалистического хозяйства в нашей стране.

Со всей выразительностью подчеркивал Ленин, что нам было бы гораздо легче бороться и строить, если бы мы унаследовали после свержения монархии и господствующих классов более развитую буржуазную культуру.

Многократно повторял он, что эта буржуазная культура облегчит пролетариату западных стран возможность ускорить после своей победы реальное и полноценное осуществление социализма.

Азиатская тьма, простиравшаяся над нашей страной вплоть до Октябрьской победы пролетариата и далеко еще не ликвидированная нами даже к настоящему времени, представлялась всегда Ленину существеннейшим препятствием к успешному и быстрому продвижению по путям построения социализма.

Ведь у нас индустриализация означала и означает до сих пор одновременно построение социалистического хозяйства и создание того уровня общего и технического развития, без достижения которого социализм остался бы химерой.

Еще четче бросается это в глаза в области нашей деревенской и вообще сельскохозяйственной экономической политики. Какие огромные сдвиги хозяйственного порядка нужно осуществить на селе для того, чтобы на его почве могли произрасти законченно социалистические формы хозяйства и жизни.

Сюда же относились и заботы Ильича о самой элементарной культуре.

Но заблуждался бы тот, кто сделал бы из всего этого простенький вывод, что Ленин был «культурником».

Как, разве Ленин не говорил — Советская власть плюс электричество плюс культурность масс?

Говорил. Но если бы он был культурником, то он очевидно говорил бы: вначале грамотность, потом электрификация, а потом, может быть, постепенно и в свое время разные формы свободы и организации вплоть до Советской власти.

Но вот этого-то он не только никогда не говорил, но неустанно боролся с теми, кто так говорит, издевался над ними, осыпая их злыми и презрительными сарказмами.

Почему это и грамотность и электрификация приобретали для Ленина свой настоящий смысл только *после* Советской власти?

Электрификация, очевидно, именно потому, что она уже была не буржуазной электрификацией. Конечно, и буржуазная электрификация не помешала бы, если бы мы нашли те или другие ее плоды в день революционной победы, но все-таки она сама имела бы совсем другой смысл. Будучи крупным энергетическим фактором, она была бы тогда и фактором жестокой эксплуатации человека человеком и — при известных условиях — могла бы даже обозначать собою закрепление этой эксплуатации, лишнее вооружение господствующего класса.

Почти такую же роль играет и та «грамотность», которую получают массы до революции. Конечно, не плохо найти народ высоко грамотным в день революционной победы, но все же эта грамотность совсем не то, что наша, и дана она рабочим и беднякам в деревне наполовину для того, чтобы их лучше эксплуатировать, наполовину для того, чтобы их легче обманывать. Мы видим, как небезуспешно (хоть и временно, конечно) используют те же меньшевики вслед за попами и рядом с ними «грамотность» для того, чтобы задерживать подлинное развитие рабочего самосознания.

Культура и самая элементарная грамотность в глазах Ильича после Октября приобретали совсем новое значение и мыслилась им в совсем новых формах.

Он, конечно, иронизировал над теми фантастами и торопыгами, которые считали, будто бы можно словно из пистолета выстрелить сразу пролетарской культурой, осчастливив пролетариат и крестьянство с иголочки новенькой культурой, в которой все будет совсем не похоже на прежнее — от буквы «а» до локомотива и пушки. Хотя бы без гарантий, что новые буквы будут удобочитаемы, что новый локомотив повезет нас туда, куда надо, а новая пролетарского образца пушка сможет тягаться с буржуазной вражеской артиллерией.

Как же мог Ильич не сердиться и не смеяться, будучи свидетелем чудачеств, почти совершенно подобных тем, которые мною здесь изображены?

Нет, Ильич знал, что мы должны взяться за серьезную и усердную учебу и вытянуть из буржуазной премудрости и из ее техники все, что сможет быть нам полезным для того, чтобы уничтожить буржуазию и построить наш собственный мир.

Однако в то же время он очень хорошо знал, что нельзя выучиться у буржуазии *всему*, что нам нужно. Знал, что у нас есть свое, только наше, отвергнутое, осужденное, проклятое буржуазией. У нас есть наши собственные классовые истины, наш новый революционный подход к миру, к познанию, к истории, к настоящему и будущему.

И Ленин настаивал, с этой точки зрения, что, конечно, сама грамотность наша от первого слова, которое прочтет ребенок или безграмотная мать его на ликпункте, будет совсем иной, другим духом напоенной, в иную сторону толкающей сознание.

Мало того, Ленин учил нас, что и методы нашего обучения и самообучения должны быть иными. Не только должны быть изгнаны вся ложь и обман, все вольные и невольные предрассудки и нелепости буржуазии, но и усвоение предметов должно идти не буржуазно-книжно, а в глубочайшей связи с нашей, социалистической повседневной практикой.

Пожалуй, тот или другой передовой буржуазный педагог тоже мог бы сказать: «Учись работая и работай учась». Но в том-то и разница, что у Ленина эта работа есть не что иное, как элемент *социалистической* практики, что учеба и практика эти составляют неразрывные части растущего у нас после Октября социализма.

Да, нельзя укрепить наши политические позиции высоким и четким классовым сознанием пролетарских и бедняцких масс без повышения грамотности, без учебы.

Да, нельзя быстрым темпом развертывать индустрию и преображать индивидуалистическую деревню в колхозную без той же грамотности, без той же учебы.

Но нельзя ни на секунду, если вы не хотите впасть в великую ошибку, отрывать эту грамоту и эту учебу от нашей политической борьбы, от нашей экономической борьбы, нашей индустриализации, нашей коллективизации крестьянских хозяйств.

Это сейчас так же ясно, как было ясно из слов Ленина в самые первые месяцы после революции.

Но время идет вперед. Течет, бурно течет знаменитый «текущий момент». Мы еще не были свидетелями того, чтоб в своем течении он повредил какие-нибудь наши принципы, но с каждым

поворотом живая река времени ставит перед нами то новые задачи, то старые задачи по-новому.

И если мы спросим себя теперь, что́ из великого учения Ленина о культурной стороне нашей социалистической революции сейчас выдвигается на самый первый план, что́ стало наиболее важным из элементов, и прежде, конечно, присущих ленинизму, то мы должны будем сказать: с неслыханной, настойчивейшей силой надвинулись на нас два вопроса: *вопрос о кадрах и вопрос об обострении классовой борьбы в области культурной.*

Но разве было когда-нибудь время, когда Ленин не беспокоился за кадры? Разве не слышали мы из его уст глубоких советов о том, как беречь старые кадры, как использовать их для развития новых? Разве мы не слышали от него также, как надо торопиться открыть весь учебный аппарат вплоть до вузов перед рабочей и крестьянской молодежью, чтобы создать поскорее количественно и качественно достаточные новые кадры нашей собственной интеллигенции? Разве мы не слышали от него, как тщательно надо воспитывать эти кадры, чтобы они не чванились своими знаниями, не поддавались бы чуждым влияниям, помнили бы, что они — кость от кости и кровь от крови трудящихся и должны подавать пример высокой общественности и самоотверженности?

Все это мы слышали от Ленина.

Но бурно бежит время. Размах нашего строительства огромен, и стал вопрос о том, чтобы при расширяющейся нашей промышленности и машинном оборудовании не оказался бы у нас в хвосте *человек,* чтобы он не отстал от сложности и совершенства машин и приемов и не стал бы перед ними технически полудикарем, пытающимся неумелыми руками осилить непокорного его разуму помощника.

Глубоко по-ленински звучат резолюции о кадрах, принятые последним пленумом ЦК. Но каждому ясно, какое почти сверхчеловеческое усилие нужно и со стороны организаторов, и со стороны профессоров, и со стороны молодежи, чтобы вовремя была выполнена титаническая задача, смелым и правильным росчерком нарисованная перед нами Центральным Комитетом.

Ленин предупреждал, что в области культуры (и быта!) враг будет особенно силен. Здесь он будет «изворотлив, искусен, цепок».

Было время — мы воевали. И сейчас не закаиваемся воевать. Но как никогда надо нам теперь вышибать врага из *культурных* позиций. Не ограничиваться даже только занятием командных высот, а сплошной цепью отвоевывать у неприятеля территорию.

Внутри страны кулак и все, что широко раскинулось вокруг него, вплоть до какого-нибудь академика с европейским именем и патриархальными сединами, до желчного писателя, который искусно мажет нам ворота дегтем под предлогом преданности художественной правде, через учителя, втихомолку пускающего антисемитские шуточки, вплоть до пропившего последние порты проходимца, хрипящего злобную чепуху в толпе по базарам,— все они стараются сами себя и друг друга консервировать на старых позициях и яд свой распространить вокруг себя, окутывая им по возможности и колеблющегося крестьянина-середняка, и неустойчивые прослойки служащих, и несложившуюся, неустроенную молодежь.

На вид иногда перед тобою только этакая голубая или оранжевая картина, а когда присмотришься, то она оказывается, часто даже для своего автора не вполне сознательно, обрывком вот этого тягучего, зловонного, удушливого газа антипролетарской культуры.

Бдительность нужна тут огромная. Уменье чистить не только энергичное, но и тонкое. Мы не должны и не можем быть расточительными, мы должны знать, где гангрены, которые нужно резать и жечь, а где то, что можно лечить, что нужно скрепя сердце терпеть, пока не заменим новым и своим. Мы должны знать, кого поддержать, наставить, вовремя как следует пожурить.

Бдительная осторожность должна охранять наше культурное творчество во всех областях марксистской философии и методологии — в общественных науках, в реформе естествознания, теоретической и практической педагогики, искусствоведения и, наконец, в форме собственных продуктов художественного творчества, оформляющего наши идеи и чувства и широко захватывающего массы, которые бурно растут.

В поступательном ходе нашего строительства мы подошли к таким торжественным моментам, какие рисовались Ильичу только в его страстной, насквозь земной и практичной «мечте», рисовались, как довольно близкое будущее, до которого, однако, не успела дотянуться рука величайшего революционера.

Ведь мы начинаем строить наши социалистические города! Ведь мы начинаем строить наши агрогорода! Ведь мы начинаем строить ту насквозь обновленную вещную обстановку, «среду», в которой так легко будет человеку изменяться, совлекать с себя ветхого Адама и превращаться в нового человека.

Изменяя вещи вокруг себя в процессе своей революционной борьбы, учили Маркс и Ленин, пролетарий изменит и самого себя.

Он во многом изменил вещи вокруг себя. Он во многом переделал и самого себя. Теперь он вырос настолько, что может местами приступить к совершенно систематическому созиданию подлинно социалистического быта.

Как бы радостно откликнулся на это наш вождь! Но ведь надо сознаться: если говорить о личности, то главным строителем каждого нового социалистического города, этого высоко оформленного кристалла социалистической культуры, будет все-таки он же — Владимир Ильич Ленин.

Правда, 1930 г., 21 января

И. В. Жолтовский

В 1918-м

Вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву я получил записку с приглашением прийти к В. И. Ленину. На небольшом плотном листе бумаги, который и поныне хранится мною как драгоценная реликвия, рукой Владимира Ильича был написан адрес бывшей городской думы на площади Революции и час, назначенный мне для беседы. Ильич указал также номер кабинета, по-видимому, для того, чтобы избавить от необходимости долго разыскивать его.

К тому времени в Москве под руководством городским строительством были созданы необходимые органы — законодательный отдел, отделы подземного и наземного строительства. Была организована архитектурная мастерская для разработки плана строительства в Москве.

Владимир Ильич сразу же стал расспрашивать, как подвигается наша работа над этим планом. Я доложил Владимиру Ильичу основную идею плана, с которой он полностью согласился.

В Москве, как известно, господствуют юго-западные ветры. Учитывая это, было предложено развивать новое жилищное строительство в юго-западном направлении, в районе Воробьевых гор, Новодевичьего монастыря. Ленин горячо поддержал эту мысль.

Во время беседы Владимир Ильич уделил большое внимание вопросам озеленения города. По его мнению, насаждения должны серьезно учитываться при новой планировке Москвы. Он рекомендовал нам, архитекторам, учесть опыт европейских столиц: Лондона — с зеленым массивом Гайд-парка, Парижа — с его Елисейскими полями, Вены — с ее живописным Рингом. Владимир Ильич заботился о создании для жителей Москвы здорового, насыщенного кислородом резервуара воздуха и для этой цели советовал предусмотреть озеленение берегов Москвы-реки.

Большая теплота, чуткое внимание и терпение, с которыми Ленин выслушивал мнение собеседника, живое остроумие делали встречи с ним такими яркими и радостными событиями моей жизни! Он любил садиться совсем рядом со своим собеседником, и самый деловой разговор с ним приобретал характер задушевной беседы.

Слушая Ленина, я отчетливо представлял себе, каким прекрасным городом должна стать будущая Москва. По совету Владимира Ильича была благоустроена Театральная площадь, Охотный ряд был освобожден от уродливых лабазов.

При обсуждении проекта городского хозяйства и транспорта, разработанного нами вплоть до метрополитена, Владимир Ильич просил учитывать необходимость устройства глубокого ввода для транзитных поездов.

Одной из работ по осуществлению плана строительства в Москве, одобренного Лениным, явилось сооружение в 1923 году сельскохозяйственной выставки, спроектированной на месте свалки на берегу Москвы-реки,— ныне там находится Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Создание зеленых массивов выставки в этом районе мыслилось как звено в зеленой цепи, которая должна была протянуться от Воробьевых гор до Кремля.

Ленин часто говорил о необходимости при реконструкции столицы сохранить памятники древнего зодчества, все ценное, что создано художественным гением русского народа. В этой связи он подчеркивал значение культурного наследия, говорил, что нужно использовать достижения науки, техники, искусства.

Говоря о пути развития советской культуры, Ленин во время одной из бесед горячо отстаивал подлинную красоту в искусстве. Надо, сказал он, исходить из прекрасного, беря его как образец для формирования художественной культуры социалистического общества.

В то же время он предупреждал об опасности проникновения в наше искусство мещанства. На всю жизнь запомнились мне слова, которые однажды сказал при прощании Владимир Ильич: «Делайте красиво, но только помните, без мещанства!»

Мне довелось неоднократно бывать у Владимира Ильича в Кремле. Его советы, проникнутые заботой о нуждах простых людей, помогли нам, архитекторам, в решении многих и многих проблем.

Вспоминается такой пример. Москва ощущала в те годы серьезные продовольственные затруднения. К тому же доставка продовольствия в столицу осложнялась из-за транспортных неполадок. Развивая мысль о новой, рациональной планировке города, Ильич предложил создать на берегу Москвы-реки, у Симонова

монастыря, второй ярус набережной по примеру одной из набережных Лондона, с тем чтобы овощи, поступающие в Москву водным путем, можно было выгружать в вагоны трамвая и ночью развозить их по рабочим районам.

О глубокой человечности Ленина, об отзывчивости и теплоте его можно судить и по такому случаю. Однажды меня пригласили к Владимиру Ильичу для того, чтобы ознакомиться с книгами по искусству, поступившими из Берлина. По прибытии в Кремль я извинился за то, что не могу в этот день выполнить поручение, так как мне предложено немедля освободить квартиру.

Ленин стал расспрашивать: на каком основании, чье это распоряжение? Я объяснил. Возмущенный Ленин тотчас же продиктовал своему секретарю текст отношения (оно хранится у меня поныне) с просьбой приостановить выселение. В этом документе, между прочим, сказано: «Если это потребуется, просьба будет поддержана тов. Лениным».

В этих будничных на первый взгляд деталях, в этих штрихах, запомнившихся на всю жизнь,— бесконечно дорогой и любимый образ мудрого, великого Ленина.

Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, т. 2, с. 319—321

А. К. Воронский

ИЗ ПРОШЛОГО

(из стенограммы речи, произнесенной на юбилейном вечере «Красной Нови»)

...Первое организационное собрание редакции «Красной Нови» происходило в Кремле, в квартире Владимира Ильича Ленина. Помимо него, на этом собрании присутствовали: Надежда Константиновна Крупская, Алексей Максимович Пешков (Горький) и я. Владимир Ильич пришел на это собрание в промежуток между двумя заседаниями. Я сделал краткий доклад о необходимости издания толстого литературно-художественного и научно-публицистического журнала. Владимир Ильич согласился с моими мыслями. Здесь же было намечено, что журнал будет издаваться Главполитпросветом, что ответственным редактором буду я и что Алексей Максимович будет редактировать литературно-художественный отдел этого журнала. Во время обсуждения вопроса о журнале произошел разговор между Горьким и Лениным, который я прочно запомнил. Горький принес с собою пачку книг,

изданных им, Горьким, совместно с Гржебиным в Берлине при содействии Советского правительства. Владимир Ильич бегло просмотрел привезенные книги, одобрил книгу о паровозах, потом взял в руки сборник древних индийских сказок. Он перелистал книгу, спросил Горького (Горький стоял около Владимира Ильича):

— По-моему,— сказал он,— это преждевременно.

Горький ответил:

— Это очень хорошие сказки.

Владимир Ильич заметил:

— На это тратятся деньги.

Горький возразил Владимиру Ильичу:

— Это же очень дешево.

— Да, но за это мы платим золотой валютой. В этом году у нас будет голод.

Мне показалось тогда, что столкнулись две правды: один как бы говорил: «Не о хлебе едином жив будет человек», другой отвечал: «А если нет хлеба»... И после, находясь на стыке между художественным словом и практической работой Коммунистической партии и советских органов, я неоднократно вспоминал об этих двух правдах, и всегда мне казалось, что вторая правда, правда Владимира Ильича, сильнее первой правды.

Участие Владимира Ильича в «Красной Нови» не ограничилось первым организационным собранием. Так, в первый номер «Красной Нови» он дал свою статью о продналоге, устанавливающую основы новой экономической политики. Он помогал мне советами и указаниями. Помню, что однажды он мне прислал новую книгу Гобсона об империализме с указанием главы, которую, по его мнению, следовало бы перевести и поместить в одном из очередных номеров журнала. Она была напечатана. Не скрою, что у меня был случай, когда он пожурил меня за помещение воспоминаний о февральской революции Суханова и за статью Базарова о Шпенглере. Я сказал ему, что Суханов не является постоянным сотрудником «Красной Нови», статья же Базарова помещена в дискуссионном порядке и в следующем номере будет помещен ответ на эту статью. Он успокоился, но заметил, что, по его мнению, Шпенглер не интересен и что им заниматься в Советской России не стоит...

Прожектор, 1927, № 6, с. 19

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Contrat social»* («Общественный договор») — одна из основных работ Жан-Жака Руссо. Полное название произведения: «Du contrat social; ou, Principes du droit politique» («Об общественном договоре, или Принципы политического права»); издана в Амстердаме в 1762 году; переведена на русский язык в 1906 году. Основная идея этой работы — утверждение, что всякий общественный строй должен являться результатом свободного соглашения, договора между людьми. Будучи идеалистической в своей основе, теория «общественного договора», выдвинутая накануне французской буржуазной революции XVIII века, сыграла тем не менее революционную роль. Она была выражением требований буржуазного равенства, призывом к уничтожению феодальных сословных привилегий и установлению буржуазной республики.— *15.*

[2] Энгельс Ф. Предисловие к «Крестьянской войне в Германии».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 498.— *17.*

[3] *Календы* — название первого дня месяца у древних римлян. У греков таких названий не было. Отложить до греческих календ — никогда не осуществить, провалить дело.— *22.*

[4] *«Товарищ»* — ежедневная буржуазная газета; выходила в Петербурге с 15(28) марта 1906 по 30 декабря 1907 года (12 января 1908 года). Формально газета не являлась органом какой-либо партии, фактически же была органом левых кадетов. Ближайшее участие в газете принимали С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова. В газете сотрудничали и меньшевики.— *23.*

[5] *«Мирнообновленство», «мирнообновленцы»* — партия «мирного обновления», конституционно-монархическая организация крупной буржуазии и помещиков, окончательно оформившаяся в 1906 году после роспуска I Государственной думы. Партия объединяла «левых октябристов» и «правых кадетов». Лидерами мирнообновленцев были П. А. Гейден, Н. Н. Львов, П. П. Рябушинский, М. А. Стахович, Е. Н. и Г. Н. Трубецкие, Д. Н. Шипов и другие. По своей программе партия близко примыкала к октябристам. Деятельность партии была направлена на защиту интересов торгово-промышленной буржуазии и помещиков, ведущих хозяйство по-капиталистически. В III Государственной думе партия «мирного обновления» объединилась с так называемой партией «демократических реформ» во фракцию «прогрессистов».— *24.*

[6] Имеется в виду помещик Пеночкин из рассказа И. С. Тургенева «Бурмистр».— *24.*

[7] *«Современник»* — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Петербурге в 1911—1915 годах. Вокруг журнала группировались меньшевики-ликвидаторы, эсеры, «народные социалисты» и левые либералы. Журнал не имел никакой связи с рабочими массами. Видную роль в журнале в начале его существования играл А. В. Амфитеатров, в 1913—

1915 годах во главе его стоял Н. Суханов (Н. Н. Гиммер). В списке сотрудников «Современника» были указаны Ф. И. Дан, Е. Д. Кускова, Л. Мартов, Г. В. Плеханов, С. Н. Прокопович, В. М. Чернов и другие.— *31.*

[8] *«Красное Знамя»* — буржуазный политический и литературный журнал, основанный А. В. Амфитеатровым. Издавался в Париже в 1906 году. В журнале сотрудничали А. М. Горький, К. Бальмонт, А. Куприн, М. Рейснер и другие.— *31.*

[9] *«Дзвін»* («Колокол») — ежемесячный легальный националистический журнал меньшевистского направления; издавался на украинском языке в Киеве с января 1913 года до середины 1914 года. Всего вышло 18 номеров. В журнале принимали участие В. Винниченко, Л. Юркевич (Рыбалка), С. Петлюра, Г. Алексинский, П. Аксельрод, Л. Троцкий и другие. С началом первой мировой войны журнал прекратил свое существование.— *37.*

[10] *«Передоновщина»* — по имени учителя гимназии Передонова — героя романа Сологуба «Мелкий бес». Передонов — типичный представитель старой дореволюционной гимназии, где царили затхлость, рутина, казенщина, самодурство учителей над забитыми, отупляемыми всем школьным укладом учениками. Ленин дает характеристику Передонова в работе «К вопросу о политике министерства народного просвещения» (см.: Полн. собр. соч., т. 23, с. 125—135).— *42.*

[11] *«Observer»* («Наблюдатель») — английская еженедельная газета консервативного направления; выходит в Лондоне с 1791 года.

«Manchester Guardian» («Страж Манчестера») — буржуазно-либеральная газета, одна из наиболее распространенных и влиятельных английских буржуазных газет. Основана в 1821 году как еженедельная газета (с 1857 года выходит ежедневно). В первые годы после Октябрьской социалистической революции газета более или менее объективно освещала положение в России.— *46.*

[12] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Соч., т. 4, с. 428.— *49.*

[13] См.: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 207.— *57.*

[14] *«Господин Купон»* — образное выражение, принятое в литературе 80-х и 90-х годов XIX века для обозначения капитала и капиталистов. Выражение «господин Купон» пустил в ход Глеб Успенский в очерках «Грехи тяжкие» (впервые напечатаны в журнале «Русская мысль» 1888 г., кн. 12, с. 174). См. также очерк Глеба Успенского «На Кавказе». (Полн. собр. соч., т. 8, 1959, с. 164—165).— *60.*

[15] Маркс К. Капитал, т. I.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 9.— *61.*

[16] *Фабианцы* — члены Фабианского общества, английской реформистской организации, основанной в 1884 году; свое название общество получило по имени римского полководца III века до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику, уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом. Членами Фабианского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции — ученые, писатели, политические деятели (как, например, С. и Б. Вебб, Б. Шоу, Р. Макдональд и другие); они отрицали необходимость классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и утверждали, что переход от капитализма к социализму возможен только путем мелких реформ, постепенных преобразований общества. Враждебное марксизму

Фабианское общество играло и играет роль одного из проводников буржуазного влияния на рабочий класс, рассадника оппортунистических и социал-шовинистских идей в английском рабочем движении. В. И. Ленин характеризовал фабианство как «направление крайнего оппортунизма». В 1900 году Фабианское общество вошло в лейбористскую партию. «Фабианский социализм» служит одним из источников идеологии лейбористов.— *67*.

[17] Энгельс Ф. К жилищному вопросу.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 228.— *68*.

[18] *«Новое время»* — ежедневная газета, выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, газета, после того как ее издателем в 1876 году стал А. С. Суворин, превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года — орган черносотенцев. После февральской буржуазно-демократической революции 1917 года газета поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года.— *68*.

[19] См.: Энгельс Ф. Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 510—517.— *82*.

[20] См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 330.— *83*.

[21] *«Звезда»* — большевистская легальная газета, издавалась в Петербурге с декабря 1910 по апрель 1912 года.— *83*.

[22] Маркс К. Письмо А. Ф. Зорге от 19 сентября 1879 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 328.— *88*.

[23] В газете «Искра» № 7, август 1901 года, в отделе «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов» было опубликовано письмо одного петербургского рабочего-ткача, свидетельствовавшее об огромном влиянии ленинской «Искры» на передовых рабочих.

«...Я многим товарищам показывал «Искру», и весь номерок истрепался, а он дорог...— писал автор.— Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих, и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они, и правда, страшны и царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам... Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень!.. Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь все, и старик, и малый, все читали бы, да вот горе наше — книжки нет. Я прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал «С чего начать?», так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано, как до всего дойдено... Хочется нам письмо в эту самую «Искру» Вашу написать, чтобы она не только учила, как начать, а и как жить и умереть».— *92*.

[24] *«Правда»* — ежедневная легальная большевистская газета, выходившая в Петербурге с 22 апреля (5 мая) 1912 года.

«Правда» появилась в обстановке нового революционного подъема, когда по всей стране прокатилась волна массовых политических стачек в

связи с ленским расстрелом. *«Именно апрельский подъем* рабочих,— писал В. И. Ленин,— создал рабочую газету «Правду» (Полн. собр. соч., т. 21, с. 430).

Газета издавалась на средства, собранные самими рабочими; она распространялась в количестве до 40 тысяч экземпляров, тираж отдельных номеров достигал 60 тысяч. Постановку ежедневной рабочей газеты Ленин характеризовал как великое историческое дело, которое совершили петербургские рабочие.

Ленин осуществлял идейное руководство «Правдой», почти ежедневно писал в газету, давал указания ее редакции. Он добивался, чтобы газета велась в боевом, революционном духе, критиковал редакцию за помещение статей, в которых не было достаточной ясности в принципиальных вопросах. В «Правде» было опубликовано около 270 статей и заметок Ленина, подписанных различными псевдонимами: В. Ильин, В. Фрей, К. Т., В. И., И., Правдист, Статистик, Читатель, М. Н. и др.

Газета закрывалась царским правительством восемь раз, но продолжала выходить под другими названиями: «Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда Труда», «За Правду», «Пролетарская Правда», «Путь Правды», «Рабочий», «Трудовая Правда». В этих трудных условиях большевикам удалось выпустить 636 номеров «Правды» в течение двух с лишним лет. 8(21) июля 1914 года газета была закрыта.

Издание «Правды» возобновилось только после февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. С 5(18) марта 1917 года «Правда» стала выходить как орган Центрального Комитета и Петербургского комитета РСДРП. 5(18) апреля, по возвращении из-за границы, в состав редакции вошел В. И. Ленин и возглавил руководство «Правдой». В июле — октябре 1917 года «Правда», преследуемая контрреволюционным буржуазным Временным правительством, неоднократно меняла свое название и выходила как «Листок «Правды», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь». После победы Великой Октябрьской социалистической революции, с 27 октября (9 ноября) 1917 года, Центральный Орган партии стал выходить под своим прежним названием «Правда».— *93.*

[25] *«Неделя»* — либерально-народническая политическая и литературная газета; выходила в Петербурге с 1866 по 1901 год. Газета выступала против борьбы с самодержавием, проповедовала так называемую теорию «малых дел», т. е. призывала интеллигенцию отказаться от революционной борьбы и заняться «культурничеством».— *94.*

[26] *«Вехи»* — сборник статей видных кадетских публицистов, представителей контрреволюционной либеральной буржуазии Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве и С. Л. Франка; вышел в Москве весной 1909 года. В своих статьях, посвященных русской интеллигенции, «веховцы» пытались опорочить революционно-демократические традиции освободительного движения в России, взгляды и деятельность В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева; они оплевывали революционное движение 1905 года, благодарили царское правительство за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Критический разбор и политическую оценку сборника кадетских черносотенцев В. И. Ленин дал в статье «О «Вехах». Сравнивая программу «Вех» в философии и публицистике с программой черносотенной газеты «Московские Ведомости», Ленин называл сборник *«энциклопедией либерального ренегатства»,* «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию». В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится экземпляр сборника «Вехи» с многочисленными пометками Ленина.— *100.*

[27] *«Московские Ведомости»* — одна из старейших русских газет; издавалась Московским университетом с 1756 года (первоначально в виде небольшого листка). В 1863—1887 годах редактором-издателем «Московских Ведомостей» был М. Н. Катков — крайний реакционер и шовинист. В эти годы газета превратилась в монархо-националистический орган, проводивший взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства; с 1905 года «Московские Ведомости» — один из главных органов черносотенцев. Выходила до Октябрьской социалистической революции.— *102.*

[28] *«Письмо к Гоголю»* — написано В. Г. Белинским в июле 1847 года; впервые опубликовано в 1855 году А. И. Герценом в «Полярной Звезде».— *102.*

[29] *«Русская Мысль»* — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 год; до 1905 года — либерально-народнического направления (до 1885 г.— редактор В. М. Лавров). В 90-х годах иногда печатал на своих страницах статьи марксистов. В это время в «Русской Мысли» печатались прогрессивные писатели: А. М. Горький, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и другие. После революции 1905 года — орган правого крыла кадетской партии; выходил под редакцией П. Б. Струве. Журнал выступал с проповедью национализма, «веховства», поповщины, с защитой помещичьей собственности.— *104.*

[30] *«Jugend-Internationale» («Интернационал Молодежи»)* — орган Международного союза социалистических организаций молодежи, примыкавшего к Циммервальдской левой; выходил с сентября 1915 года по май 1918 года в Цюрихе, редактировался В. Мюнцербергом.— *105.*

[31] *«Освобождение»* — двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) 1902 по 5(18) октября 1905 года под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводил идеи умеренно-монархического либерализма. В 1903 году вокруг журнала сложился (и в январе 1904 года оформился) «Союз освобождения», просуществовавший до октября 1905 года. Наряду с земцами-конституционалистами «освобожденцы» составили ядро образовавшейся в октябре 1905 года конституционно-демократической партии (кадетов) — главной буржуазной партии в России.— *108.*

[32] *Гирш-дункеровские профсоюзы* — реформистские профсоюзные организации Германии, созданные в 1868 году деятелями прогрессистской партии М. Гиршем и Ф. Дункером. Проповедуя идею «гармонии» интересов труда и капитала, организаторы гирш-дункеровских профсоюзов считали допустимым прием в союзы наряду с рабочими и капиталистов, отрицали целесообразность стачечной борьбы. Они утверждали, что избавление рабочих от гнета капитала возможно в рамках капиталистического общества посредством законодательства буржуазного государства, при помощи профессиональной организации; главную задачу профсоюзов они видели в посредничестве между рабочими и предпринимателями и в накоплении денежных средств. Отрицательное отношение к стачкам превращало гирш-дункеровские профсоюзы в организации штрейкбрехеров; их деятельность ограничивалась главным образом рамками касс взаимопомощи и культурно-просветительных организаций. Гирш-дункеровские профсоюзы, просуществовавшие до мая 1933 года, никогда не представляли серьезной силы в германском рабочем движении, несмотря на все усилия буржуазии и поддержку правительственных органов. В 1933 году оппортунистические деятели гирш-дункеровских профсоюзов вошли в фашистский «трудовой фронт».— *109.*

[33] *«Русское Слово»* — ежедневная газета; выходила в Москве с 1895 года (первый, пробный, номер вышел в 1894 г.); издавалась И. Д. Сытиным. Формально беспартийная, газета защищала интересы русской буржуазии с умеренно либеральных позиций. В газете была широко поставлена информация. Это была первая газета в России, направившая собственных корреспондентов во все крупные города страны и многие столицы мира.

В ноябре 1917 года за помещение клеветнических антисоветских сообщений газета была закрыта. С января 1918 года газета некоторое время выходила под названием «Новое Слово» и «Наше Слово», в июле 1918 года закрыта окончательно.— *125.*

[34] *«Союз русского народа»* — крайне реакционная, черносотенная организация монархистов; образовалась в октябре 1905 года в Петербурге для борьбы с революционным движением. «Союз» объединял реакционных помещиков, крупных домовладельцев, купцов, чинов полиции, духовенство, городское мещанство, кулаков, деклассированные и уголовные элементы.

«Союз» отстаивал незыблемость царского самодержавия, сохранение полукрепостнического помещичьего хозяйства, дворянских привилегий. Его программным лозунгом был монархический националистический лозунг времен крепостного права — «православие, самодержавие, народность». Главным методом борьбы против революции «Союз» избрал погромы и убийства.— *125.*

[35] *«Народная воля»* — тайная политическая организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 года в результате раскола народнической организации «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, С. Л. Перовская, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, А. А. Квятковский и другие. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. Их программа предусматривала организацию «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу и разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. «Народовольцы,— писал В. И. Ленин,— сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось» (Полн. собр. соч., т. 9, с. 179).

Критикуя ошибочную, утопическую программу и тактику индивидуального террора народовольцев, В. И. Ленин с большим уважением отзывался о самоотверженной борьбе членов «Народной воли» с царизмом, высоко оценивал их конспиративную технику и строго централизованную организацию.— *144.*

[36] *«Колокол»* — политический журнал, выходил под девизом «Vivos voco!» («Зову живых!»). Издавался А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в основанной Герценом Вольной русской типографии с 1 июля 1857 года по апрель 1865 года в Лондоне и с мая 1865-го по июль 1867 года в Женеве; выходил ежемесячно, а некоторое время два раза в месяц. Вышло 245 номеров. В 1868 году журнал выходил на французском языке (удалось выпустить 15 номеров), к некоторым номерам печатались приложения на русском языке. «Колокол» печатался тиражом до 2500 экземпляров и широко распространялся по всей России. Обличая произвол самодержавия, хищничество и казнокрадство чиновников, беспощадную эксплуатацию крестьян помещиками, «Колокол» обращался с революционными призывами и содействовал пробуждению масс к борьбе против царского правительства и гос-

подствующих классов. «Колокол» стоял во главе революционной бесцензурной печати, предшествовавшей появлению рабочей печати в России, и сыграл важную роль в развитии общедемократического и революционного движения, в борьбе против самодержавия и крепостничества.— *144.*

[37] В. И. Ленин приводит цитату из романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» (см.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. XIII, с. 197).— *146.*

[38] Энгельс Ф. Эмигрантская литература.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 509.— *146.*

[39] В. И. Ленин цитирует работу К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании».— Соч., т. 2, с. 90.— *153.*

[40] *«Под Знаменем Марксизма»* — философский и общественно-экономический журнал; был создан в целях пропаганды воинствующего материализма и атеизма и для борьбы против «дипломированных лакеев поповщины». Журнал выходил в Москве с января 1922-го по июнь 1944 года ежемесячно (в 1933—1935 годах — раз в два месяца).— *184.*

[41] *Пролеткульт* — культурно-просветительная массовая рабочая организация. Возникший еще в сентябре 1917 года как независимая самодеятельная рабочая организация, Пролеткульт, руководство которым сосредоточилось в руках А. А. Богданова и его сторонников, продолжал и после Октябрьской революции отстаивать свою «независимость», тем самым противопоставляя себя пролетарскому государству. Вследствие этого в Пролеткульт проникли и стали оказывать решающее влияние на его позицию буржуазные интеллигенты. Пролеткульт уклонялся от руководства Коммунистической партии и настаивал на независимости от органов Советской власти, в частности от Наркомпроса. Пролеткультовцы фактически отрицали значение культурного наследия прошлого, стремились отгородиться от задач массовой культурно-просветительной работы и в отрыве от жизни, «лабораторным путем» создать особую «пролетарскую культуру». Признавая на словах марксизм, главный идеолог Пролеткульта Богданов на деле проповедовал субъективно-идеалистическую, махистскую философию. Пролеткульт не был однородной организацией. Наряду с буржуазными интеллигентами, которые верховодили во многих организациях Пролеткульта, в них входила также и рабочая молодежь, которая искренне стремилась помочь культурному строительству Советского государства. Наибольшее развитие пролеткультовские организации получили в 1919 году. В начале 20-х годов они пришли в упадок; в 1932 году Пролеткульт прекратил свое существование.

Партия, борясь за высвобождение рядовых членов организации из-под влияния идеалистических взглядов Богданова, выступала против сепаратистских настроений Пролеткульта. В октябре 1920 года Ленин ставит вопрос о Пролеткульте на обсуждение Политбюро ЦК РКП(б). Исходя из решения Политбюро, в основу которого был положен проект, написанный В. И. Лениным (см. т. 41, с. 336—337), Главполитпросвет разработал инструкцию о взаимоотношениях Пролеткульта с Наркомпросом. Эта инструкция и была предметом обсуждения пленума ЦК 10 ноября 1920 года. Предложенный Лениным проект постановления пленума ЦК о Пролеткульте был принят почти без изменений.— *190.*

[42] Имеется в виду стихотворение В. В. Маяковского «Прозаседавшиеся».— *192.*

[43] *Всевобуч* — всеобщее военное обучение населения Советской республики. Вопрос об организации всевобуча был поставлен на VII съезде РКП(б) (март 1918 г.) в резолюции «О войне и мире». В ней говорилось, что одной из первейших и основных задач партии является всестороннее, систематическое, всеобщее обучение взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям. Декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 года узаконивал привлечение всех граждан, не эксплуатирующих чужого труда, в возрасте от 18 до 40 лет, к всеобщей воинской повинности. На создаваемые органы всевобуча были возложены функции учета трудящихся призывного возраста, их обучение по единой программе и формирования из них войсковых единиц. 5—25 июня 1918 года состоялся первый съезд (совещание) по всеобщему военному обучению, который разработал порядок подготовки инструкторов всевобуча, программу испытаний инструкторов, вопросы организации отделов всевобуча, порядок созыва съездов по военному обучению, организации учета населения. Съезд принял также резолюцию по вопросу о постоянных бюро съездов по всевобучу и положение об инспекции.— *196.*

[44] *Главполитпросвет* — Главный политико-просветительный комитет — учрежден при Наркомпросе декретом Совета Народных Комиссаров «О Главном политико-просветительном комитете Республики (Главполитпросвете)», разработанным на основе указаний В. И. Ленина (см. т. 41, с. 397) и подписанным им 12 ноября 1920 года. Входя в состав Наркомпроса и подчиняясь ему в административном и организационном отношениях, по вопросам идейного содержания своей работы, он был непосредственно подчинен ЦК РКП(б). Главполитпросвет объединял всю политико-просветительную и агитационно-пропагандистскую работу, руководил массовым коммунистическим просвещением взрослых (ликвидация неграмотности, школы, клубы, библиотеки, избы-читальни), а также партийным просвещением (комвузы, партийные школы). Возглавляла Главполитпросвет до его реорганизации (июнь 1930) в сектор массовой работы Наркомпроса Н. К. Крупская.— *198.*

[45] Заметки В. И. Ленина написаны на тезисы Н. К. Крупской, подготовленные ею для доклада на партийном совещании по вопросам народного образования, созванном ЦК РКП(б). Совещание проходило в Москве с 31 декабря 1920 года по 4 января 1921 года и ставило своей задачей подготовить к X съезду РКП(б) материалы по организации дела просвещения. Совещание обсудило ряд вопросов: о социальном воспитании, о реформе преподавания, о задачах профессионального образования. На нем предполагалось заслушать и доклад Н. К. Крупской о политехническом образовании, однако вследствие ее болезни доклад не состоялся.— *207.*

[46] Специальный корреспондент лондонской консервативной газеты «Daily Express» («Ежедневный Экспресс»), находившийся в Копенгагене, обратился к В. И. Ленину с просьбой ответить на четыре вопроса. Ответ Ленина был получен в Копенгагене 22 февраля и на следующий день напечатан в газете «Daily Express».— *228.*

[47] *Всероссийское бюро производственной пропаганды при ВЦСПС* было учреждено по решению пленума ЦК РКП(б) 8 декабря 1920 года. В его состав входили представители от ЦК РКП(б), ВЦСПС, ВСНХ, Главполитпросвета, Главпрофобра и Наркомзема. 21 января 1921 года Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило положение о бюро, которое определяло цели и задачи органов производственной пропаганды в центре и на местах и их структуру. На Всероссийское бюро возлагалась разработка общего плана работы, руко-

водство и контроль за проведением производственной агитации и пропаганды различными органами и учреждениями.— *231.*

[48] Ленин имеет в виду план электрификации РСФСР, разработанный Государственной комиссией по электрификации России. Этот коллективный научный труд виднейших ученых и специалистов являлся первым государственным единым перспективным планом создания материальной основы социализма на базе электрификации. Изданный отдельной книгой к VIII Всероссийскому съезду Советов, он был одобрен съездом.— *239.*

[49] *«Беднота»* — ежедневная газета для крестьян; выходила в Москве с 27 марта 1918 года. Газета была создана по постановлению ЦК РКП(б) вместо газет «Деревенская Беднота», «Деревенская Правда», «Солдатская Правда». Газета вела активную борьбу за укрепление союза рабочего класса и крестьянства, за организацию и сплочение бедняцко-середняцких масс деревни вокруг Коммунистической партии и Советской власти. «Беднота» сыграла важную роль в деле политического просвещения и культурного подъема трудящихся слоев крестьянства, выдвижения общественников из рядов деревенской бедноты и середняков, в воспитании многочисленной армии сельских корреспондентов. С 1 февраля 1931 года «Беднота» слилась с газетой «Социалистическое Земледелие».— *254.*

[50] *Платформа «Мы — коллективисты»* — анонимный документ, выражавший взгляды отдельных представителей интеллигенции; была выпущена ко II Всероссийскому съезду Пролеткульта, состоявшемуся в Москве в ноябре 1921 года. В платформе ставился под сомнение социалистический характер Октябрьской революции, авторы платформы выступали против политики Коммунистической партии и Советского правительства, в области философии защищали махистские, богдановские «теории», в вопросах политики «коллективисты» солидаризировались со взглядами оппортунистической «рабочей оппозиции». Коммунистическая фракция II съезда Пролеткульта осудила платформу «коллективистов» и отмежевалась от них.— *255.*

[51] Предложение В. И. Ленина вошло в постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 7 декабря 1922 года по докладу комиссии Госснабжения. Совнаркому предлагалось ассигновать Наркомпросу 2 миллиона рублей золотом из средств, сэкономленных по судоремонтной программе.— *257.*

[52] Имеется в виду декрет «О памятниках Республики», принятый на заседании Совнаркома 12 апреля 1918 года.— *258.*

[53] По-видимому, настоящее письмо, копия которого была послана Е. А. Преображенскому, было написано в связи с тем, что В. И. Ленин обнаружил пропуски в корректуре брошюры «О концессиях. Декрет Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1920 г. Текст декрета. Объекты концессий. Карты», присланной ему на просмотр.

14 декабря 1920 года Ленин получил ответ от заместителя заведующего Госиздатом Д. Вейса с сообщением по поводу печатания брошюры «О концессиях».— *260.*

[54] Речь идет о постановлениях СНК, вынесенных при рассмотрении «Положения о Социалистической академии общественных наук». Наркомпросу было поручено принять самые энергичные меры для централизации библиотечного дела в России; одновременно устанавливался контроль за исполнением этого постановления.— *261.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Плеханов, Г. В. (Бельтов, Н.) (1856—1918) — деятель русского и международного рабочего движения, первый пропагандист марксизма в России. В. И. Ленин высоко оценивал философские работы Плеханова и его роль в распространении марксизма в России, в то же время он резко критиковал Плеханова за отступления от марксизма и крупные ошибки в политической деятельности.— *53, 112, 152, 183.*

Победоносцев, К. П. (1827—1907) — реакционный государственный деятель царской России, обер-прокурор синода, фактический глава правительства и главный вдохновитель крепостнической реакции в царствование Александра III, продолжавший играть видную роль и при Николае II; вел упорную борьбу с революционным движением.— *103.*

Покровский, М. Н. (1868—1932) — член большевистской партии с 1905 года, советский государственный и общественный деятель и историк. Некоторое время примыкал к группе «левых коммунистов», с 1918 года — заместитель наркома просвещения РСФСР. В различные годы руководил Коммунистической академией, Институтом истории АН СССР, Институтом красной профессуры и др. С 1929 года — академик.— *193.*

Помяловский, Н. Г. (1835—1863) — русский писатель-демократ.— *138.*

Преображенский, Е. А. (1886—1937) — в партии состоял с 1903 года. С марта 1921 года — член коллегии Наркомфина, затем председатель Главного управления профессионального образования Наркомпроса (Главпрофобр). Во время профсоюзной дискуссии (1920—1921) — сторонник платформы Троцкого.— *189.*

Прокофьев, А. Н. (1886—1949) — член партии с 1917 года. С 1926 года — на руководящей работе в области строительства.— *262.*

Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из основоположников анархизма.— *76.*

Пуришкевич, В. М. (1870—1920) — крупный помещик, ярый реакционер-черносотенец, монархист. После Октябрьской революции активно боролся против Советской власти.— *33, 35, 36, 53, 68, 146.*

Пушкин, А. С. (1799—1837) — русский поэт, основатель новой русской литературы.— *193.*

Радищев, А. Н. (1749—1802) — русский писатель, революционный просветитель.— *146.*

Рамсэй, Джордж (1800—1871) — английский экономист, автор ряда произведений по философским и экономическим вопросам.— *61, 62.*

Распутин (Новых), Г. Е. (1872—1916) — авантюрист, фаворит последнего русского царя Николая II и его жены. «Распутинщина» явилась ярким проявлением полного морального распада правящей верхушки царской России. Убит группой монархистов.— *127.*

Ренненкампф, П. К. (1854—1918) — царский генерал, один из палачей и душителей революционного движения. В 1918 году был расстрелян за контрреволюционную деятельность.— *25.*

Р. Н. С.— см. Струве, П. Б.

Рокфеллеры — семья крупнейших финансовых магнатов в США.— *62.*

Романовы — династия русских царей и императоров, царствовавших с 1613 по 1917 год.— *71, 98, 128, 146.*

СОДЕРЖАНИЕ